

100 ПРИЧИН СТАТЬ ВОЛОНТЕРОМ

**Непридуманные истории
о волонтерстве в казенных
учреждениях**

Москва
2019

УДК 364

ББК 65.9(4Рос)27

С 81

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Книга подготовлена к печати Анастасией Кузиной
и Аленой Характеровой.

Обложка и иллюстрации выполнены Ланой Парастаевой.

С 81 100 причин стать волонтером. Непридуманнные истории
о волонтерстве в казенных учреждениях. — М.: 1000
бестселлеров, 2019. — 400 с.

ISBN 978-5-00144-056-7

Руководитель проекта *Ж. Фролова*

Корректор *Е. Городнова*

Компьютерная верстка *И. Нагорновой*

Издание подготовлено издательством

«1000 бестселлеров»

Приглашаем к сотрудничеству авторов и организации.

Электронная почта (e-mail): book_house@list.ru

Сайт: www.k-dom.net Тел.: +7 (863) 207 80 06

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953 000 — книги и брошюры.

Подписано в печать 15.09.2019

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 25

Тираж 1000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-00144-056-7

© Добровольческое Движение «Даниловцы», 2019

© Парастаева Л., обложка и иллюстрации, 2019

© ООО «1000 бестселлеров», оригинал-макет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	9
«Даниловцы» сделали волонтерство доступным и понятным.....	11
Кто такие «Даниловцы»?	13
Что волонтеры могут дать детям и взрослым, проживающим в казенных учреждениях?	15
Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко	25
Если они попали в Бурденко, значит, это серьезно.....	26
Ты пластилиновый борщ будешь с хлебом?	32
Бинты и пингвины	34
Мальчик, опухоль и ежик	37
Все хорошее начинается с нас	39
Центр содействия семейному воспитанию «Юнона» (ЦССВ «Юнона»).....	41
Хочется, чтобы волонтерство стало трендом	42
Этим детям не нужна жалость	47
Мастер-класс по детским заявкам.....	49
Сам ты овощ!.....	50
Первый раз на канате	54
И правда: почему листья краснеют?	55
Не бойтесь, и вы получите больше	56
Детский наркологический центр	58
Каждое посещение «Квартала» приносит небольшую победу	59
О волонтерах в детском наркологическом диспансере.	64
Меня пустили к самым сложным детям только благодаря моей ростовой игрушке	70
Летающие слоники и конкуренция с телевизором	76
Это сон. Смотрите — там коровы	77

Вдвоем играть не страшно.....	79
Не везет за столом, повезет с гитарой.....	81
Целый квартал кексов!.....	83
Бой за эмоции	84
Нарисовать «холодную войну» и выиграть!.....	85
Группа помощи бездомным людям	87
Чем волонтеры могут реально помочь бездомным на улице?.....	88
Мой первый день с бездомными	93
Чем кормят бездомных на улице?	96
Олега не видели?	100
Любить людей сложнее, чем животных	103
Ни один нормальный человек не может быть доволен положением бездомного!.....	106
Наши маленькие радости.....	112
Центр содействия семейному воспитанию «Кунцевский» (ЦССВ «Кунцевский»)	115
Здесь улыбка — самая крутая награда	116
Дети, говорящие сердцем	120
Я стал волонтером, потому что понял: так правильно	121
Наши прогулки — это открытое окошко в большой мир.....	122
День сурка	123
Центр поддержки семьи и детства «Зюзино»	126
Если воспитанник хочет быть похожим на волонтера, это очень ценно!	127
Фейерверк активностей.....	135
Вот это поворот... Не зря сходили!.....	136
Дайте детям прокричаться!	137
Волонтер с керамбитом.....	138
Центр содействия семейному воспитанию «Сколковский» (ЦССВ «Сколковский»)	144
От того, насколько много мы можем детям дать, зависит их дальнейшая судьба. Даже усыновление... ..	145

Волонтеры в Детском Доме-Интернате.....	152
ПНИ — это всё, конец, никто оттуда никогда не заберет.....	164
Просто несколько звуков — но это уже прогресс!.....	170
А меня сегодня возьмут погулять?.....	171
Если в детдоме быть волонтером год: что изменится?	174
Кто лучше — я или шишка.....	176
Соня и сирень	178
Все, что надо делать — просто быть рядом.....	180
Дети, космос и паук	184
Особый Новый Год	187
Я рад, что пришел в интернат	189
Наши ласковые и искренние девочки... ..	190
В детский дом, как на пожар!	190
Бокс и ватман	192

Центр содействия семейному воспитанию

«Доверие» (ЦССВ «Доверие»)

Наши волонтеры так раскрывают детей, как, наверно, никто!	195
Чтоб не болела, чтобы ложилась вовремя спать... ..	199
Нарисуй мне подъемник!	200
Сказка про Алису и кота Кис-Киса.....	202
Пицце-терапия	203
Шалость удалась!.....	205

Детская инфекционная клиническая больница № 6.....

Волонтер — это такой старший друг, который помогает	208
Здорово знать, что вы приедете!.....	212
Честно говоря, я переживала и очень стеснялась.....	214
Игнор от подростков, или зачем ходить?.....	214

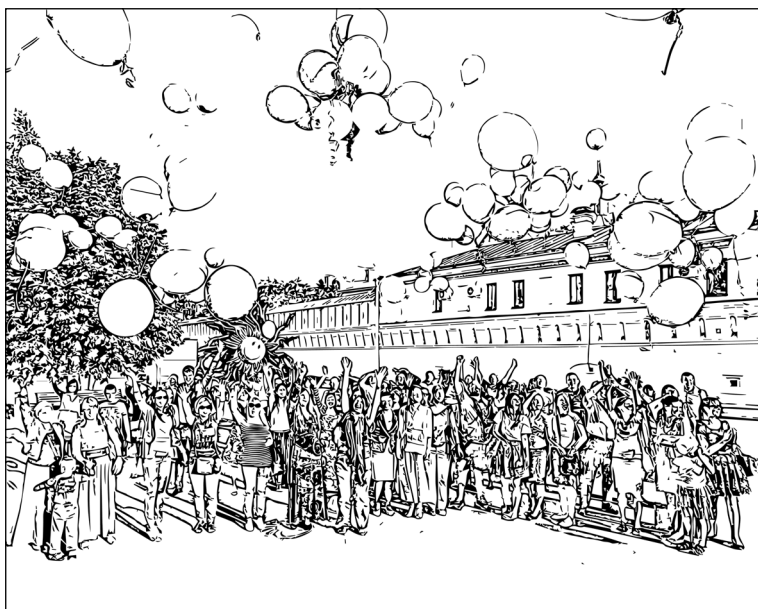
Социальный приют «Незнайка»

Наша группа — пример лайтового волонтерства	218
«Незнайка». Новый сезон	223
Просто день. А сколько счастья!	224

Психоневрологический интернат № 30.....	226
Мы в ПНИ — друзья, аниматоры и даже клоуны!.....	227
Сериал «Кухня в ПНИ». Второй сезон.....	233
Змей над интернатом.....	235
Подопечные — это имена, а не статистика.....	235
Первый день волонтером в ПНИ.....	238
Дед Мороз, научи меня читать... ..	239
Оля, нет! Мы не будем целоваться!.....	241
Алиса и признак деления на 11.....	243
Я шел в волонтерство за общением... ..	245
Российская детская клиническая больница	253
Иногда кажется, что вокруг меня собираются такие же веселые чудики, как и я сама	254
Десять лет паровозу из коробки!.....	261
Побольше ёлок!.....	263
Прожорливый пингвин и чудо узнавания.....	264
Волонтер? Да зачем тебе это нужно?	266
А мы тут картишками балуемся... ..	268
Неспящие в РДКБ.....	270
Ура! Волонтеры пришли, дело будет!.....	273
Группы помощи заключенным: в Можайской воспитательной колонии, в Можайской исправительной колонии, в Московском СИЗО №6 и группа переписки с заключенными.....	275
Тюрьма — это концентрированный мир зла	277
В колонии я чувствую свою полезность	284
У женщин в колонии глаза, как у детдомовцев	291
Женщины в СИЗО: если есть «зачем», вынесешь любое «как».....	292
Ужасики и оливье: что объединяет волонтеров и заключенных.....	294
Каждому трудному подростку нужен наставник.....	295
Переписка духовная и душевная: в чем разница.....	299
Три урока от заключенного	302

Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева	305
Дети в ФНКЦ всегда пишут на открытках пожелание здоровья.....	306
Колобок в новом прочтении	311
Через тернии к ниткам.....	312
Один день в ФНКЦ	314
Хэллоуин vs котики.....	315
Сменить игру «в начальника» на «жмурки».....	315
Черно-белый мастер-класс.....	317
В гостях у маски.....	318
Морозовская детская городская клиническая больница.....	321
Именно в больнице я чувствую, что мой день не прошел зря.....	322
Все волонтеры моей группы — новички!	325
Цвет пластилина — черный	328
Возвращение в волонтерство	329
Раз пришли волонтеры, значит — будет интересно!.....	330
Дети дают так много мне, волонтеру... ..	331
Безумно рада, что снова в строю!	332
Мама Данилы — моя первая подопечная	334
Мультикультурный интеграционный детский досуговый центр «САВА»	336
Основная роль человека в «СаВе» — играть!	337
Чай пили, чаегуань не побили!.....	339
Были водорослями, парили, как ветер... ..	340
«СаВа» — это вам не Мистер Ху!.....	342
Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой	346
Собрать группу друзей — основная задача координатора	347
Волонтеры в детской психиатрической больнице	352

Волонтеры счастливее всех.....	358
Круговорот помощи.....	360
Хочешь корону?	361
Что волонтер получает взамен?	363
Твой свитер пахнет мамой... ..	365
Кто мне завтра улыбнется?.....	365
«Социальное волонтерство — это уже наш профиль, наш конёк».....	367
Почему волонтерам лучше ходить группой	375
Координаторы — это штучные люди, адаманты!	381
Как работает Школа координаторов.....	388
«ДАНИЛОВЦЫ» — ЭТО ЛЮДИ	391

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда-то давно, когда деревья были большие, а волонтерское движение в Москве только зарождалось, мы — коллеги и друзья, работавшие с молодежью при Даниловом монастыре г. Москвы — решили, что будем ходить к детям в больницу группой. А у группы будет координатор, который возьмет на себя решение всех вопросов с администрацией, пропусками, пластилином и прочими бахилами.

Прошло 11 лет, и практика подтвердила теорию: действительно, волонтерам лучше посещать подопечных не по одному. И на самом деле, без координатора все разваливается. Потому что он не только возглавляет группу. Он ее объединяет, вдохновляет и создает в ней неповто-

римую дружескую атмосферу. А группа, в свою очередь, меняет жизнь в учреждении.

Именно поэтому даже в похожих учреждениях — Детских домах-интернатах для умственно отсталых детей (ДДИ) или детских больницах — волонтерские группы совершенно не похожи друг на друга. О них мы и рассказываем в этой книге — о таких разных группах, о волонтерах, которые каждый раз совершают маленькие подвиги и удивительные открытия и начинают по-новому смотреть на мир (и на себя тоже). Ну и о координаторах, которые, на самом деле, являются двигателем «Даниловцев».

Изначально координаторами групп становились опытные волонтеры. Но в прошлом году мы поставили перед собой амбициозную цель — организовать волонтерские группы во всех больницах, детских домах и приютах Москвы, а со временем — замахнуться и на адресную помощь. Для этого мы открыли Школу координаторов, чтобы одновременно увеличить число волонтерских групп и дать возможность активным москвичам их возглавить.

В этой книге вы найдете как статьи наших мэтров о теории создания эффективно действующей волонтерской группы, так и интервью с координаторами, в том числе, с выпускниками Школы координаторов. Они рассказывают о своих подопечных — какие у них нужды и особенности, и о волонтерах, потому что у них тоже есть свои нужды и особенности. Вы узнаете, может ли у группы волонтеров быть общая цель, как у людей меняется мотивация и что вообще мы все вместе можем сделать в стенах казенных учреждений.

«Даниловцы» сделали волонтерство доступным и понятным

Юрий Белановский — руководитель Добровольческого движения «Даниловцы».

Добровольческое движение «Даниловцы» — лучшая в Москве волонтерская организация. «Даниловцы» организуют долгосрочные программы, отличающиеся постоянной, еженедельной работой волонтеров в медицинских и социальных учреждениях. Сегодня наше движение — это 25 постоянно действующих волонтерских групп и более 4000 подопечных в год.

Но дело не в цифрах, не в масштабах. Дело в самой сути. Мы, «даниловцы», смогли волонтерство сделать доступным, простым и понятным. Мы разглядели в волонтерстве не только работу или помощь, но, прежде всего, встречу человека с человеком, лицом к лицу. Это нечто очень глубокое и в то же время доступное каждому — это возможность просто быть собой и дарить самого себя. Мы смогли создать волонтерские группы, где каждый находит что-то свое, занимает свое место, раскрывается уникальным образом. И такие волонтерские группы каждый день создают, или, лучше сказать, творят чудесные миры, особые пространства встречи, и понимания, и принятия, и дружбы волонтеров и их подопечных. И таким образом мы достигаем чего-то очень важного — ожидания наших подопечных, а большей частью это дети, не бывают обмануты. Волонтеры для многих из них, пусть на небольшое время, становятся опорой и поддержкой.

Конечно, особая роль в нашем Движении принадлежит координаторам волонтерских групп. Это большой

труд и большая ответственность. Быть и управленцем, и лидером, и «папой», и «мамой», и другом, и даже психотерапевтом для волонтеров, быть волшебником и в чем-то суперменом для детей, быть представителем организации перед сотрудниками казенных учреждений — все это очень непросто! Поэтому я знаю, что все наши координаторы — великие люди! Я рад и горжусь, что все мы работаем вместе.

Для меня очень дорого видеть и понимать, как множество разрозненных и порой мало знакомых людей, все вместе своими усилиями создали, а, лучше сказать, соткали живую ткань настоящей человеческой помощи. И за это я говорю «Спасибо!» всем нашим волонтерам и сотрудникам и благотворителям.

«Даниловцы», по-своему, уникальны. Подавляющее большинство социально-ориентированных некоммерческих организаций так или иначе имеют свои волонтерские группы, привлекают волонтеров для решения своих задач, для помощи своим подопечным. И это очень важно! А «даниловцы» же с первых дней, кроме наличия собственных волонтерских групп, были и до сих пор являются одним из немногих волонтерских движений в стране, кто постоянно развивает само социальное волонтерство, профессионально работает именно с волонтерами.

Учебные, творческие, психологические, досуговые программы, поддержка и сопровождение волонтеров, работа со СМИ ради популяризации добровольческого движения, издание первых в России книг о социальном волонтерстве, онлайн-обучение, ежегодный запуск новых групп, консалтинговая работа, единственная в России Школа Социального Волонтерства — все это усилия нашей административной команды, тех сотрудников,

которые посвятили себя волонтерству и через это стали профессионалами — лучшими в стране.

Говоря о профессиональной работе с волонтерами, я имею в виду нечто большее, чем сервисное обслуживание. Для нас волонтеры важны так же, как и подопечные. Это базовый принцип «Даниловцев». Все наши программы, так или иначе, направлены на заботу о волонтерах и на их поддержку.

Кто такие «даниловцы»?

Добровольческое движение «Даниловцы» создано в 2008 году. Ежегодно «Даниловцы» запускают две-три новые волонтерские команды! Наша специализация — социальное волонтерство, то есть организация долгосрочной и регулярной работы волонтерских команд в больницах и сиротских учреждениях, а также работы с инвалидами, стариками, бездомными, заключенными.

Сегодня «Даниловцы» — это более 4000 подопечных, около 2000 волонтеров, 25 постоянно еженедельно действующих волонтерских групп, 40 сотрудников.

Что делают волонтеры? Волонтеры организуют творческие, учебные и игровые встречи, прогулки и поездки для детей в больницах и сиротских учреждениях, кормят и общаются с бездомными, переписываются с заключенными. Кроме того, волонтеры оказывают значимую социальную и психологическую поддержку людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Зачастую они оказываются единственной нитью, связывающей этих людей с жизнью общества. Пациенты в больницах и интернатах, инвалиды, бездомные и даже заключенные — все наши подопечные бывают очень одиноки, остаются один на один со своей болезнью, инвалидностью или другим

несчастьем. Конечно, в больницах есть врачи, в детских домах есть персонал, в городе есть социальные службы. Только все это не может заменить главного, того, что дорого каждому из нас, — дружбы, живого человеческого участия, внимания, заботы и любви.

В число учреждений, где «Даниловцы» смогли реализовать волонтерские инициативы, входят: Российская детская клиническая Больница, НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, ЦССВ «Сколковский», ЦССВ «Доверие», ЦССВ «Кунцевский», ЦССВ «Юнона», Детский наркологический центр, НМИЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева, колонии в г. Можайск, Социальный приют «Зюзино», приют для беженцев «Незнайка», Психоневрологический интернат №30, Морозовская детская больница, Центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, Детская клиническая больница №6.

За 11 лет «Даниловцы» прочно заняли свое место среди благотворительных организаций Москвы и России. Это единственная организация, которая профессионально реализует программы по обучению, поддержке волонтеров, подготовке и сопровождению координаторов волонтерских групп.

«Даниловцы» создали единственную в России Школу Социального Волонтерства. Это более 300 часов учебных занятий и консультаций для волонтеров и сотрудников волонтерских организаций. Творческие курсы, психологические тренинги, занятия по педагогике, семинары и мастер-классы от профессионалов социального волонтерства — вот направления работы Школы.

Школа Социального Волонтерства неоднократно признана лучшим проектом для волонтеров. В 2015 г. награждена премией Общественной палаты РФ, в 2016 г. удостоена награды на Всероссийском форуме «Доброво-

лец года», а в 2017 г. признана лучшим учебным проектом Москвы.

Что волонтеры могут дать детям и взрослым, проживающим в казенных учреждениях?

Юрий Белановский, руководитель Добровольческого движения «Даниловцы»

Есть такие люди, которые надолго оказались в госучреждениях. Кто-то и навсегда. Я специально говорю именно это слово — в «учреждениях». Это значит не дома, не у родных, не у друзей, не в теплой компании, а в казенных стенах — в детских домах, интернатах, больницах. И если мы даже не будем говорить о неустроенности, а порой и бедности или даже нищете этих учреждений, если мы увидим в них все необходимое — хороший ремонт, новое современное оборудование, вкусную еду, прекрасные классы и игровые, парк рядом с территорией, — а в Москве так часто и есть, — то очень непросто будет ответить на вопрос: чего там не хватает?

А я осмелюсь утверждать, что да — не хватает. Чего-то почти невидимого, простого, обыденного и при этом очень и очень важного. Просто мы — каждый из нас, живущих своей жизнью, — это имеем, как воздух, как простую чистую воду, как зелень летних деревьев или сырость дождя. Как же узнать, чего не хватает детям в казенных учреждениях? Очень просто. Надо с ними поговорить. Правда, для разговора нужно выполнить одно условие. И это уже будет первый ответ на вопрос, чего им не хватает. Надо, чтобы дети доверяли своим собеседникам, чтобы видели в них друзей, видели искренний интерес, сочувствие и понимание.

Волонтеры нашего Движения «Даниловцы» уже 10 лет помогают детям и взрослым в 20 московских учреждениях. Есть и больницы, и приюты, и специализированные интернаты для умственно отсталых детей. Мы не понаслышке знаем, что за жизнь там за заборами и проходными.

Чего же не хватает в казенных учреждениях?

Наши волонтеры и координаторы волонтерских групп вовсе не гении коррекционной педагогики, которых ничем не удивишь. В каждое посещение интерната они сталкиваются с новыми задачами и вызовами, с какими-то огорчениями и открытиями. И поэтому каждый месяц психологи нашего движения проводят для них общую встречу, чтобы обсудить накопившиеся вопросы. К примеру, во что можно поиграть с трехлетними малышами с аутизмом, если их семь, а волонтера — три? Воспитательницам проще, они их просто сажают в рядок перед телевизором — мультики смотреть. Волонтеры, понятно, так делать не могут и не хотят.

И на последней встрече с психологом координаторы пяти волонтерских групп из разных интернатов выясняли — что больше всего радует и развивает детей в их учреждении. И выяснились четкие совпадения во всех учреждениях.

Оказывается, особые дети очень рады, когда их называют по именам. Что тут такого, подумаете вы. Мы даже не замечаем, как нас называли. А вот дети в интернатах редко слышат свои имена. К ним слишком часто обращаются по фамилиям и нередко о самих детях в их присутствии говорят в «третьем лице». «Сидоров, куда пошел?..» «Эта Петрова вчера меня совсем вымотала...» У детей мало опыта личного обращения именно к ним. Ребенку

трудно развиваться, если его, лично его с его именем, как бы нет.

Дети рады прикосновениям и объятиям. Опять банальность, скажете вы. Конечно, банальность. В нашей жизни. А вот для особых детей тактильные ощущения очень значимы. И если они дружбу, внимание, красоту, холод снега, радость встречи смогут ощутить своим телом, в прямом смысле прикоснуться к этому, то это будет так важно для них и особо запомнится — это как для нас после промозглой поздней осени вдруг оказаться на южном море и всем своим телом ощутить солнце, теплый воздух и брызги волн.

Если девушка-волонтер приходит к детям в новом красивом платье, то этим она не только вызывает восторги: «Какая ты красивая!», но и обязательно притягивает прикосновения. Детям важно ощутить эту красоту и фактуру ткани своими руками. Они обходят платье со всех сторон, трогают и гладят его. Интернатовская система не дает этим детям достаточно «обнимашек» и нужных детям прикосновений. А отсутствие тактильных ощущений, среди прочего, тормозит их развитие.

Для детей важно делиться впечатлениями и учиться выражать свои эмоции. «А я вчера нарисовал слона», «Мне было грустно», «А меня вчера навещали», «Я был рад», «А мне сделали укол», «Я так рассердился». Наши собственные дети порой без умолку чем-то делятся, даже если мы заняты и не слушаем. А вот в интернатах или больницах порой некому рассказать о себе. Отсутствие опыта воспоминаний и выраженных переживаний замыкает мир ребенка внутри него и становится серьезным препятствием для будущей жизни.

У детей в учреждениях даже права голоса нет. Их с рождения учат просто молчать. Делается это просто —

достаточно не реагировать на крики малыша, от которого отказались родители, не брать его на руки, не разговаривать с ним, и он очень быстро привыкает никак не проявлять себя.

Детям важно уважение к личному пространству, личному желанию и мнению. У нас с вами все это есть. Ну или мы стараемся это отстаивать. А в интернатах нет личного пространства, личного мнения, личного выбора. Спишь, где скажут. Ешь, что дадут. Гуляешь там, куда выведут. Свободное время проводишь так, как предписано. И все это постоянно под присмотром персонала и на глазах у других детей. Простые вопросы ребенку: «*Можно, я рядом с тобой посижу? Хочешь, мы пойдем в игровую? Мы будем играть в мяч или сядем в песочнице? Если ты не хочешь ничего, давай просто посидим*» — это для интернатовского ребенка очень важно и ценно. Даже просто побыть без воспитательницы, без надзора персонала, а под присмотром друзей-волонтеров — это тоже опыт личного пространства.

Если нет уважения и принятия личного пространства и мнения, то атрофируется возможность делать выбор. Мне рассказывали, как подросток из интерната вместе с наставником пришел в кафе. «Найди место, которое тебе нравится, давай там сядем». В итоге ребенок никуда не сел. Они просто не понимают, что им нравится, и боятся принять решение. В их собственной жизни ситуаций выбора почти нет.

Еще дети в учреждениях дорожат доверием и сами хотят учиться доверию, вернее, хотят иметь такие отношения, которые не несут угрозы, которые помогают быть собой. Отношения с персоналом учреждения часто бывают хорошие. Но это все же персонал, который на работе. Это не друзья, не знакомые. С персоналом невозможно

испытать и ощутить разные отношения, для этого нужны разные люди. Условно говоря, с другими ролями.

Дети любят прогулки и подвижные игры. Но их так мало по расписанию. А для кого-то, кто сам не может ходить, прогулки могут быть только мечтой. Дети радуются знакомой музыке, но в отличие от нас не могут по своему желанию зайти в гугл-мьюзик и послушать то, что хочется. Воспитатели и персонал следуют распорядкам и предписаниям. Или включают то, что нравится им самим.

Один из парадоксов казенных учреждений можно описать фразой Честертона о лондонской подземке: «Удивительно, как далеко друг от друга души людей, когда тела их так близко». Совместность проживания не дает опыта общего дела, общения, команды. Дети очень ждут этого и всегда радуются совместному творчеству, дискуссиям, возможности внести свой ощутимый вклад и увидеть общий результат.

Страшное увечье постсоветской системы казенных учреждений в том, что в ней не прошита, не предусмотрена похвала, комплименты и радость за другого. Конечно, у отдельных работников это есть. Но в системе — нет. Самый распространенный посыл детям, который часто приходится слышать волонтерам: «ты плохой, тебя не усыновят». Система ищет силы для хорошего поведения, для дисциплины в ложной надежде детей на усыновление. Это очень плохо. А ведь у нас с вами мир совсем другой. Какая мама не говорила просто так своей дочке перед школой: «Ты у меня красавица... дай косичку поправлю». Или папа сыну после прогулки на лыжах: «Ты молодец, сегодня несмотря на мороз пошел со мной...» А когда приезжают дедушка и бабушка в гости к внукам: «Как мы соскучились! Как рады видеть вас!» Ничего это и в помине нет в учреждениях.

Наверное, многие видели фотографии детей в интернатах? Замечали, как серо и убого они одеты? А какие страшные, безликие у них стрижки? У детей нет понимания и опыта, что значит красиво и опрятно выглядеть. Нет опыта, чтобы внешность подчеркивала их пол — женственность и мужество.

Я думаю, что достаточно показал, в чем сила волонтеров, в чем важность их миссии, в чем неотложная необходимость их присутствия в учреждениях. Именно они могут дать детям и взрослым в больницах и интернатах то, что в обычной жизни мы с легкостью даем нашим детям. Именно волонтеры, не обладая никакими профессиональными компетенциями, обладают самым важным и дорогим умением: они способны к простым человеческим отношениям и дарят эти отношения своим подопечным — детям и взрослым. Зовут их по именам, интересуются, какое у них настроение и как прошел вчерашний день, говорят о мечтах и о чувствах, хвалят детей, вместе что-то делают или просто гуляют, спрашивают разрешения взять ребенка за руку или посидеть рядом с ним, предлагают выбор, уважают чужое мнение. Все это умеет каждый равнодушный человек просто потому, что он человек.

Волонтеры в учреждениях

К сожалению, система казенных учреждений пока еще не готова к таким изменениям, чтобы впустить в себя полноправно человеческие отношения. Я ни в коем случае не упрекаю персонал, который порой самоотверженно за скромное жалование работает с детьми. Я констатирую факт. По нашим наблюдениям, персонал в учреждениях часто брошенный, выгоревший. Нет заботы о нем. Нет поддержки. Понятно, что волонтеры и тот свежий воз-

дух, который благодаря им врывается в учреждения, — это часто угроза для персонала. Угроза большей занятости, большей ответственности, большей вовлеченности в судьбы подопечных.

Что мы и наши друзья, и коллеги из благотворительных организаций видим на деле? Руководство и персонал учреждения не скрывают своего непонимания в адрес волонтеров: «Зачем вы к нам ходите? Нам приказали, мы пустили, но вы нам не нужны. Вы, наверное, все бездельники, как можно волонтерить бесплатно, почему деньги не зарабатываете?». В каждом учреждении есть сотрудники, со всей серьезностью считающие волонтеров мошенниками и шарлатанами. Это очень демотивирует даже бывалых волонтеров и просто шокирует новичков.

Отсюда следует, мягко говоря, халатное отношение к волонтерам. То их забудут предупредить о том, что детей увезли на концерт, и волонтеры ни с чем уедут домой, проведя полдня в транспорте. То к волонтерам приведут пару детей из тридцати и скажут, что остальные «наказаны за плохое поведение». Представляете, наказывают лишением встречи с друзьями, лишением добрых отношений! Волонтеров часто не пускают в хорошие свободные помещения — залы, классы, игровые комнаты, — мол, они испачкают и испортят. Приходится встречаться с детьми в неудобных коридорах у всех на виду, создавая еще большие неудобства.

В одном учреждении, несмотря на полсотни незанятых детей, предъявили требование: за одно посещение должно приходиться по два волонтера. На недоуменные слова о том, что «дети ждут, мы обещали Коле, Маше, Андрею прийти» отвечают, что дети заняты. А они просто шатаются по коридорам и выглядывают в окна.

При этом учреждения очень любят «волонтеров» из бизнес-компаний. Они приходят редко, но зато с подарками, «всегда на позитиве», с детьми почти не общаются, ну или в форматах концерта или лекции. Для директоров учреждений — сплошная выгода. О чем прямым текстом и говорят простым волонтерам: «Вот настоящая помощь, не то, что вы без подарков. Да и зачастили очень».

Простой способ проявления неприязни к волонтерам — воровство. Не поверите, но это правда. Волонтеры оставляют в учреждениях, с разрешения руководства, конечно, в специальных шкафчиках материалы для творчества, нехитрый инвентарь, настольные игры и т.д. Все 10 лет все это по мелочи воруют. То краски пропадут, то фломастеры, то наклейки. А полгода назад — и такое у нас впервые — украли в одном учреждении все. Волонтеры приходят, а шкафчик пуст. А дети-то пришли и ждут творческого занятия. Пришлось выкручиваться, использовать то, что было под рукой, на ходу придумывать поделки и прочее. После занятия обратились к ответственному за нашу работу от учреждения. Так он самих волонтеров и обвинил. Мол, вы, наверное, у себя и украли. Никакие аргументы, что это куплено на деньги наших благотворителей, порой на деньги самих волонтеров, что для нас важны эти вещи, дети ждут наши встречи и занятия и игры и прочее — не подействовали. Руководство отказалось принимать меры по поиску и наказанию виновного в краже.

Или вот еще несколько зарисовок. Каждый раз дети встречают волонтеров по-разному. И по этой встрече можно понять, какая сегодня воспитательница в группе. Бывает, дети буквально бегут к волонтерам и радуются, и обнимаются, и говорят о своей радости. А бывает, что выходят строем и рядочками садятся на стульчики,

опустив глазки, боятся хоть как-то проявить себя, вероятно, боятся наказаний. О персонале можно судить и по одежде детей. Порой они опрятные и чистые, одежда по размеру. А бывает, дети приходят, как в какие-то мешки одетые или, наоборот, все мало. О том, чтобы вещи подходили другу к другу, речи нет вообще. Как будто намеренно одевали для издевки. А ведь это и есть качество жизни — носить то, что тебе нравится, что удобно, что чистое. Что идет тебе!

Волонтеры, сами того не желая, меняют мир персонала, привнося бОльшую ответственность. И за это их тоже не любят. Как-то мне рассказали о такой типовой рабочей фразе у персонала специализированных интернатов: «У этого ребенка нет динамики». На самом деле это страшная фраза. Она означает, что ребенок не развивается так, как от него ждут. Тогда и произносится приговор: «нет динамики». Это значит, что силы на него больше не тратятся, пусть растет, как бурьян в поле, все равно его ничего не ждет. Именно волонтеры обращают внимание на таких детей. Их мир не поделен на тех, в кого имеет смысл вкладываться, и тех, кто «безнадежен». В отделении с лежащими детьми, теми, что сами не могут двигаться и говорить, волонтеры просто садятся у кроваток, держат детей за руки, рассказывают им что-то, хвалят.

В одном учреждении есть лежащая девочка. С ней не занимались, «нет динамики». Волонтеры стали к ней подходить и как-то общаться, и девочка начала реагировать. Старалась повернуть голову, не отпускала руки волонтеров, как-то по-своему давала понять, что ей хорошо. Воспитательница благодаря волонтерам увидела эту девочку по-другому, была удивлена и в результате решила заниматься и с ней.

Однажды мне рассказали о таком досуге для особых детей в интернатах. Малышей сажают перед телевизором

в специальные стульчики, пристегивают ремешками, включают телевизор. И персонал уходит отдыхать. Наверное, в этом нет ничего плохого, подобным образом нередко поступают и молодые родители. Но есть одно «но». Волонтеры лучше телевизора. И если эту часть времени, когда пристегнутые дети смотрят на голубой экран, отдать волонтерам — то от этого выиграют все.

Мы очень хотим изменить качество жизни людей, проживающих в интернатах и лечащихся в больницах. Волонтерам это под силу. Мы верим, что системе социальной помощи и здравоохранения тоже.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР НЕЙРОХИРУРГИИ ИМЕНИ АКАДЕМИКА Н.Н. БУРДЕНКО

О волонтерской группе медицинского центра:

Волонтерская группа открыта в 2008 г. Волонтеры посещают два детских нейрохирургических отделения: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Если они попали в Бурденко, значит, это серьезно...

Любовь Моисеева — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Зачем в детской больнице нужны досуговые волонтеры?

— Дети в больнице находятся наедине со своими мыслями. Плюс они видят своих родителей, которые иногда так переживают, что на них просто лица нет. И получается, дети переживают и за себя, и за родителей. А мы отвлекаем их своим позитивом, рассказами, занятиями, рисунками и лепкой.

Один случай был такой: мама привезла сына на коляске, и он, как обычно, играл с нами в настольный футбол. И там было так неудобно, и ему все время хотелось встать, но ноги у него не ходили. А за это посещение он встал и ушел на своих ногах. И мама его окликнула: «Смотри, ты стоишь на своих ногах!»...И вот когда такие случаи происходят, мы действительно понимаем, зачем мы там, как мы помогаем. Что это не просто так, не бесполезно, не какая-то прихоть, а действительно мы приносим колоссальную пользу.

— Как долго дети находятся в вашей больнице?

— Они приезжают на операцию, и все зависит от того, как она пройдет. Некоторые лежат неделю — это такое классическое время пребывания. За неделю им делают операцию, и они уезжают домой. Некоторые могут и три месяца находиться. Но, как правило, это неделя-две. Поэтому каждое посещение — это, как правило, новые дети.

— **А как легко можно наладить контакт с новой группой?**

— Очень легко! Вот мы приходим, зовем их, они приходят, и дальше мы задаем такие стандартные вопросы: «Привет, откуда ты, как тебя зовут, есть ли у тебя кошечки-собачки, что ты любишь делать, в каком классе, чем занимаешься?» Мы их расспрашиваем, а дети очень любят, когда интересуются ими лично, когда они могут рассказать про себя, показать фотографии, как они живут. Мы относимся к ним как к личностям, а не так — просто прийти, сказать «Давайте полепим!» и не спросить, как зовут. Мы временно входим в их жизнь, интересуемся ими.

— **Но интерес в рамках до болезни?**

— Да, это закрытая тема. Мы никогда не спрашиваем, что и как. Иногда родители хотят поделиться, просто поговорить, мы можем их выслушать, но вопросы не задаем. Мы стараемся эту тему обходить, потому что заболевания там не самые легкие и простые. Если они попали в Бурденко, значит, это серьезно...

— **А родители чем занимаются, пока вы лепите?**

— Они рядом и могут также лепить и рисовать, надувать шарики. Иногда просто сидят и отдыхают, потому что дети или активные, или ночами не спят. То есть родители тоже ночами не спят и прям в о-очень уставшем состоянии. Они сидят и медитируют, пока мы занимаемся с детьми.

— **Какие у вас отношения с персоналом?**

— Очень хорошие! Нас в больнице ждут и благодарят. Там все очень хорошие: и нянечки, и медсестры, и врачи, — все к нам очень хорошо относятся. Уборщицы и охранники нас тоже знают, поэтому каких-то проблем у нас не возникает. Наоборот, поддержка сильная от них.

— **Как проходит посещение?**

— Так как дети у нас в возрасте от 0 до 18 и у них разные возможности передвижения, — дети после

операции могут терять зрение, слух, ноги, руки, — мы не можем подготовить одну какую-то тему на всех. Кто-то рисует, кто-то лепит, и в этом процессе мы сидим все вместе, разговариваем, общаемся, загадываем загадки. Больше идет индивидуальная работа с детьми.

Очень часто мы накрываем большими листами ватмана стол, и каждый ребенок себе на этом рабочем месте делает замок. У нас остается много черного пластилина, мы его режем кирпичиками и строим. Родители ребенку помогают, если он плохо может совладать с фломастерами или пластилином. Каждый своего персонажа лепит, строит ему домик, потом мы рисуем дорожки — друг к другу в гости ходить. Потом начинают появляться озера, корабли, деревья, города, потом можем играть в войнушки или, наоборот, какие-то праздники там устраивать. У нас всё больше коллективное, каких-то мастер-классов мы не делаем.

Мы приходим и сразу по обстановке понимаем, какие дети сегодня пришли. Может, с кем-то в настольные игры поиграем, с кем-то шарики надуем или побегаем в догонялки.

— **Что дети рисуют? Что лепят?**

— Они лепят по книжкам. Мы делаем, допустим, общую «полянку» и придумываем тему: давайте лепить сегодня сафари! Или очень распространено у нас огороды сооружать: лепить капусту, морковку, зайчиков. Дети любят фермой заниматься, это как компьютерная игра, но из пластилина. И в основном у нас лепка, потому что детям трудно передвигаться, им нужно сесть, и лепить им гораздо интереснее, чем рисовать. Они могут нарисовать одну-две картинки, но им скучно становится.

— **Сколько же у вас уходит пластилина?**

— Много уходит. Всего, что я заказываю, не хватает, и еще покупаем.

— **Понятно, что когда идешь в серьезную больницу, то бессознательно готов к бинтам, капельницам. И как это — увидеть на самом деле?**

— Да, ты ожидаешь, что увидишь бинты, но когда ты действительно видишь ребенка с такими шрамами, оказывается, что ты не готов... Я помню одну девочку, я вообще не понимала, как такое может быть с маленьким ребенком... Первые три посещения я выходила, и мне очень хотелось плакать. Но почему-то я не плакала.

Сейчас, через три года, я к ним отношусь как к обычным детям. Как бы они ни выглядели, меня уже это в шок не повергает. И волонтеры, когда сейчас приходят, говорят, что «мы готовились к худшему». Они все достойно воспринимают: и бинты, и какую-то неподвижность ребенка, и мешочки всякие с жидкостью.

— **Может, у вас какие-то особенные волонтеры?**

— Они разные. Много студенток, которые очень увлеченно занимаются волонтерством. Но и постарше есть женщины.

— **Я знаю, что среди ваших волонтеров есть люди взрослые, состоявшиеся и состоятельные. Они отличаются от студенток?**

— Есть, и они отличаются, прежде всего, своим отношением к детям, они относятся к ним как ко взрослым людям. А дети это ценят, они не очень любят, когда с ними сюсюкают. Студентки часто ведут себя, как такие же дети.

— **Ровесницы.**

— Да, и большую ставку я делаю на осознанных, взрослых людей. Потому что студентки могут походить, а потом они пропадают, потому что наигрались. А люди, которые уже понимают в жизни больше, ходят постоянно. Есть люди, это человек пять, которых я бы характеризовала как опытных волонтеров, на которых я могу

положиться. Они будут ходить и без меня. И все они старше 30–35 лет.

— У вас такой долгий срок координаторства — почти три года. Вы, когда возглавили группу, понимали, что это будет и чем вы будете заниматься?

— Когда я пришла в мае, координатором группы был Кирилл Кочкин. Я походила месяц, и вдруг он сообщает: «Мы закрываемся на каникулы на два месяца». Я говорю: «Кирилл, ну как так, я только пришла и все?..» Он мне ответил: «Люба, если ты хочешь, веди чат, приглашай ребят и ходи». Я согласилась, и для меня это было несложно. Так прошло все лето, часто я была одна, но я ходила в больницу два раза в неделю, как на работу. И потом Кирилл сделал меня помощницей, может быть, полгода я ею была, и потом стала координатором. И для меня это было легко: как-то плавно, постепенно, не сразу на меня все обрушилось.

— А легко ли планировать свою неделю, учитывая, что два вечера строго надо быть в больнице? Да еще вечером, когда пробки...

— Мне это легко, потому что НИИ им. Бурденко находится на «Маяковской», я живу рядом и работаю в центре. У меня все спланировано, и мне очень быстро дойти-добежать. Единственное, что у меня график «2 через 2» по работе, и я хожу точно один раз в неделю — или понедельник, или среду. Ребята это знают, и у нас есть такие волонтеры, благодаря которым, несмотря на то, хожу я или нет, группа функционирует. Все на связи. У меня в чате около 60 человек, но ходит где-то 10–15.

— Это много.

— Это много. Раньше-то было и два, и один. Сейчас ходит все больше и больше. И мне спокойно, когда нас много. Такая создается атмосфера семьи с детьми,

с родителями. Родители радуются, когда много людей, более шумно получается, более весело.

Сама группа очень дружная, мы ходим после занятий в кафе, куда-то ездим. Это само собой так получилось, что людям интересно друг с другом общаться.

— И о чем вы говорите в кафе? Вот, допустим, новые волонтеры приходят, они как-то проговаривают то, что увидели?

— Да, но они, в основном, говорят, что ожидания были хуже реальности, что все очень понравилось. Не все конечно: те, что помоложе, бывает, и отваливаются. Они приходят какую-то миссию совершать глобальную.

— Держать страдающего ребёнка за руку, а не играть с ним.

— Да, а потом они понимают, что дети — это дети, что они веселые. Что когда мы им плетем «волшебные браслетики», которые будут исполнять желания, девочка говорит: «Хочу пони радужного». То есть ребенок, даже будучи больным, не заикливается на том, что «я хочу выздороветь и быть здоровым». Ему нужен пони.

А некоторые волонтеры думают, что они спасут жизнь человека. И когда они этого не находят, то больше не приходят. Одна такая девочка-волонтер у меня была, она честно призналась в нечто подобном, и я ей благодарна за эту ценную обратную связь. А некоторые уходят в паллиатив. У меня был опытный волонтер, и она сказала: «Я там нужнее, чем здесь».

— Каких волонтеров вы бы у себя ждали?

— Открытых, которые любят общаться, откровенных. Неважно, мужчин или женщин. Но вот недавно к нам стали приходить ребята из одной школы для бизнесменов. Я их спрашиваю: «Откуда вы, как узнали?». Они говорят: «Мы проходим обучающую программу,

и у нас есть пункт про социальную деятельность, и, вот, мы нашли «Даниловцев». Одна из них потом в общий чат волонтеров пыталась сбрасывать рекламу своих бизнес-тренингов. Бывают такие залетные люди, которые хотят получить выгоду какую-то от сообщества, привлечь больше клиентов к своим делам. Вот таких я бы не хотела видеть.

— **Надо же, получается, координатор должен здорово уметь разбираться в людях и общаться с очень-очень разными людьми.**

— Я работаю в сфере услуг, с клиентами. Я это умею, и мне не доставляет какого-то дискомфорта постоянно знакомиться с новыми людьми и узнавать их. Наоборот, мне комфортно и интересно смотреть, как приходят новые люди, как они взаимодействуют, как потом начинают дружить друг с другом.

Ты пластилиновый борщ будешь с хлебом?

Ксения Дунаева — волонтер группы.

Совсем недавно мне посчастливилось испытать новый жизненный опыт. Я долгое время думала о том, что хочу кому-то помогать и быть полезной. От знакомых я узнала, что есть разные программы в рамках волонтерства. Зайдя на сайт «Даниловцев», я поразилась тому, насколько много разных направлений там было предложено. Для себя я выбрала помощь детям с онкологическими заболеваниями. Но сразу встало много вопросов: кто такой волонтер в широком смысле слова? Как общаться с детьми? Как не навредить? Как сделать так, чтобы ребенок улыбнулся?

Придя на собеседование в Добровольческое движение «Даниловцы», с первого момента я ощутила теплоту коллектива и желание помогать. Осознав, что волонтер —

это человек, который добровольно, безвозмездно, ответственно совершает какое-то доброе дело, я, еще раз оценив свои временные возможности и ресурсы, подтвердила свое внутреннее стремление.

Несмотря на опыт общения с детьми, я испытывала волнение, с которым мне легко помогла справиться координатор моей волонтерской группы Любовь и другие волонтеры, окружив меня атмосферой поддержки и дружбы.

И вот уже подходят первые заинтересованные дети с родителями. Интересно, что они все начинают заниматься совершенно разным. Кто-то из малышей тянется к фломастерам, кто-то — к пластилину, а другие с увлечением смотрят, как создается рыбка из цветной бумаги, а кто-то еще и очень весело рисует всеми красками сразу. Таким образом, место, где мы встречаемся с детьми, становится своеобразной «волшебной» мастерской, где находится занятие даже самому маленькому малышу, который, играя с шариком, одарит весь окружающий его мир радостью. А остальным только и остается, что принять эту радость, и от этого она становится просто необъятной.

Желание общаться, создавать, творить, улыбаться — это то, что ты чувствуешь, когда ребенок спрашивает тебя «Ты пластилиновый борщ будешь с хлебом или без хлеба?», и сообщает, что придется подождать, пока он готовится. И улыбается.

Это мир, это жизнь, в которую тебе удалось попасть сегодня, где тебя приняли и открыли для тебя. Ты всего лишь соблюдал легкие правила, в числе которых — приехать, помыть руки, переобуться и подготовить материалы для творчества. Присутствуя там, невольно задаешь вопрос: а кому здесь достается это маленькое вселенское счастье?

Находясь с ребенком, ты понимаешь его мир, ощущаешь важные детали, понимаешь взаимообмен

и искреннюю благодарность — как в словах, так и в улыбке, в глазах.

Часто, не осознавая, какой это дар — желание помогать другим, любить других и все окружающее, мы не слышим себя, не чувствуем истинных желаний, подменяя их чем-то вроде общения в соцсетях, и не получаем удовлетворения. Хотя так просто присутствовать и радовать кого-нибудь, обретать друзей, наблюдать и ловить моменты жизни. Знать, что тебя ждут, и хотеть вернуться снова!

БИНТЫ И ПИНГВИНЫ

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку», волонтер, журналист.

Маша лепит пингвина. Она бледненькая, но уже без бинта. В клинике им. Бурденко она пробыла месяц, завтра наконец-то уезжает домой, в Саранск. «Да, здесь скучно. Но когда волонтеры приходят, весело... А знаете, у меня три кошки дома. Одна уже старая. Другая котёнок, дочка второй нашей кошки. Эту вторую мы с мамой зимой нашли. Я пожалела, уговорила забрать её. И вот. Я дерусь с братом, кричу ей: «Тата, спасай меня!» Она прибегает и за палец меня тянет, представляете? И вот. Брат кричал ей так же — но она не прибежала».

Ну разве врачу такое расскажешь? Нет, только волонтеру, который специально пришел в больницу, в детское отделение онкологии, поболтать и поддержать детей, которые или ждут операции, или уже проходят реабилитацию.

Центр Бурденко — крупнейшая в мире нейрохирургическая клиника. И здесь работает одна из 20 волонтерских групп движения «Даниловцы». Именно с неё 10 лет назад движение и началось. Сегодня — очередная среда,

и волонтеры под руководством координатора пришли сюда лепить и рисовать с пациентами-детьми.

Но на этот раз к группе присоединились ещё и четыре студента факультета международного бизнеса и делового администрирования РАНХиГС. Прошлой весной руководство института поставило перед будущими бизнесменами и управленцами задачу в рамках социальной практики изучить волонтерство. С практической частью помогло движение «Даниловцы», предоставив студентам доступ в шесть действующих волонтерских групп. Начало оказалось успешным, и вот спустя год уже очередные первокурсники идут взглянуть на социальную ответственность вблизи.

Давид, студент 1 курса МБДА РАНХиГС: «С социальным волонтерством я никогда не сталкивался. Не знаю, чего ожидать. Дети в больнице в тяжёлом положении. Хочется как-то помочь им... Но чем могу помочь я? Мне кажется, это будет неловко».

Серёжа и Влад перетаскивают в холл столы и стулья, Саша несёт пластилин и краски. Пространство будто само собою заполнилось детьми и их родителями, и все в нём нашли для себя занятие. За жестяную коробку настольного футбола садятся два пацана. Тот, что слева, хорошо играет. Хочешь-не хочешь, а больничная скука за несколько месяцев сделает из тебя профи. Пацан справа играет хуже, и Давид взялся ему помогать. За настольным хоккеем стоит худенький смуглый Ильнар. Серёжа и Влад рубятся против него вдвоём. Но руки Ильнара двигают рычажки так лихо, что студентам стоит усилий свести партию вничью. Саша подседа к маленькой Эле лепить из пластилина. Эля внимательно глядит огромными глазами, две тёмные косички свисают из «луковки» эластичного бинта на голове. Часть детей после операции, и из-за их бинтов-луковок наша встреча напоминает слёт маленьких

Чиполлино. «Это летучая мышь-мама. И вот её детки. Укрою их одеялом, вот так. Тссссс! Ну разбудишь же!»

Координатор Люба расположилась в огромном кожаном кресле. Роль координатора — подготовить приход волонтеров, всех обзвонить, запастись пластилином-карандашами-бумагой, всё и всех привезти, проводить, собрать детей и дальше бдительно следить, чтобы у волонтеров не было никаких заминок и проблем. И так — каждый вечер понедельника и среды без «не могу».

«Два раза в неделю два года без перерывов хожу, — говорит Люба. — Устала? Конечно. Этим летом всё-таки придётся взять отпуск от волонтерства. Но группа работу продолжит. Новые волонтеры полны сил и решительно настроены навещать подопечных и летом тоже».

Алёна, репетитор иностранных языков, волонтерит в Бурденко уже полгода: «Желание стать волонтером созрело давно. Хотела найти что-то по специальности: может, английским или испанским с детьми бесплатно заниматься... Этого не нашла, но нашла «Даниловцев». И мне тут очень нравится».

В футбол наигрались, Давид пересел к Саше с Элей. Стеснение нового знакомства улетучилось, Давид широко улыбается и лепит кактус. Рядом рисуют Есения и её мама, учительница младших классов из Ханты-Мансийска. Мама весёлая, общительная: операция у маленькой дочки прошла успешно, их выписывают завтра. Родители непрооперированных детей сумрачные, отягощены своими тяжёлыми тревогами. Но и они подсаживаются с краю, задумчиво водят по бумаге карандашами.

...Но вот визит окончен, всё убираем по местам. Вдоль стены длинного коридора стоит каталка, и на ней смятая белая простыня. Дети с родителями расходятся по палатам. А мы покидаем здание и идём к метро. Давид, как тебе?

«Душа поёт! Поиграл с мальчишками, как в своём детстве побывал. Я тоже раз в полгода регулярно в больницах лежал. Помню, друзей у меня там было много. Всё мы играли во что-то, подарками обменивались... Сегодня до посещения я переживал, что мне тут будет неловко — но совершенно напрасно!»

Давид сияет. И я точно вижу, что ему открылось, каково это — быть социальным волонтером. Меня это греет, как встреча с человеком, который, как и я, тоже побывал в малодоступном обывателям городке и смог оценить всю глубину его своеобразной прелести.

Но жизненные маршруты у всех разные. Кто-то из наших гостей-студентов займёт руководящий пост. Будет принимать решения, подписывать бумаги. За ворохом бумаг не всегда увидишь человеческие лица тех, на ком эти решения отразятся. А живые лица есть: в интернатах, в больницах, в приютах, на вокзалах наконец. Они могут принадлежать другому социальному кругу. Но у людей разного статуса есть нечто общее. Это волнение перед неизвестностью и желание избежать неприятностей и боли. И надежда — надежда на лучшее. Возможно, этот короткий волонтерский визит позволит студентам запомнить, что за любыми цифрами и буквами стоят живые люди — в некотором смысле точно такие же, как ты сам.

Мальчик, опухоль и ежик

Андрей Мещеринов — координатор группы в 2008–2012 гг.

Играть с детьми в больницах надо не потому, что это — дети, а потому, что... Нет, наверное, просто прочитайте, как один Ежик играл с мальчиком в онкологическом отделении.

Алеша появился у нас под Новый год. Маленький, с тяжелой опухолью головного мозга. Долгое лечение так

повлияло на него, что он ушел в себя, перестал говорить и общаться не только со внешним миром, но и с мамой. Мама была уверена, что это последствия операции, и это пройдет, но дни шли и шли, а Алеша так и не говорил, да и вообще от общения отказывался. Правда, свой подарок на Новый год он нам показал: шикарный розовый заяц с кнопкой. При нажатии на кнопку заяц пел песни и размахивал ушами.

Своими ногами Алеша тоже ходить не хотел. Сидел у мамы на руках, молчал, пугался и плакал. Через несколько дней мама совсем пала духом. До выхода врачей на работу после праздников была еще неделя, а прежде разговорчивый и веселый ребенок молчал.

Быть в игровой с другими детьми на Рождество Алеша не захотел. А вот через день — не воспротивился, и мама с сыном на руках села за стол с детьми и волонтерами. Долгое время любые попытки что-то поделать вместе были тщетны. Я пытался наладить контакт, задавать вопросы, откликаться, выражать свои чувства, смешить, сочувствовать. Все напрасно. Тогда я взял в руки игрушку, давнего нашего волонтера — Ежа. Надо сказать, что до этого я никогда не общался через Ежа, но тут, казалось, только он мог помочь.

Алеша и Еж немного порисовали. Еж и копировал, и отбегал карандашной линией от рисунка Алеши, и нападал, и дразнил, и гладил, и приглашал к себе. Все это было цветными линиями на бумаге. И Алеша даже улыбнулся два раза. Но все попытки его разговорить были напрасны.

Я перебрал все, что приходило в голову, и мы с Ежом должны были констатировать: человек ушел в себя и не собирается возвращаться. Я посоветовал маме обратиться к психологам в первый же рабочий день после новогодних каникул. А Еж решил, что будет сидеть у руки

Алеши, и гладить, и шутить, и шебуршать, и рисовать, и просто тихо смотреть, прижавшись к мальчику.

До начала уборки, которой мы заканчивали каждое посещение, оставалось пять минут, я понимал, что Ежу пора прощаться, и думал, как это сделать. И начал привычную речь: «Спасибо тебе за этот вечер, мне было очень хорошо с тобой, теперь мне надо собираться домой», — и тут, как гром среди ясного неба, Алеша поворачивает голову ко мне и говорит: «А у моего зайчика шарики в попе». Я не поверил своим ушам и сказал, что с зайчиками такое бывает. Я решил задать вопрос. Мальчик ответил. Мама — в шоке, я — в шоке: Алеша снова говорит.

Мы вернулись через несколько дней. Алеша хотел играть со мной. Удивительно, что не с Ежом, а именно со мной. Мы играли, говорили, шутили. И еще несколько раз встречались, и Алеша оживал на глазах. Потом мы попрощались, их перевели на химиотерапию. Мама звонила, рассказывала. Это был третий случай, когда я дал свой телефон. Столь глубока была связь. Прошло время, и мама на связь не вышла. Положение Алеши было крайне тяжелым. Молимся по-прежнему о нем «за здоровье». У Бога все живы, хотя этот не-ответ мамы не обнадеживает...

Все хорошее начинается с нас

Арина Перемотина — волонтер группы.

Доброта — это качество, которое ценилось во все времена. Чем старше мы становимся, тем меньше времени остаётся для анализа собственных поступков. Но всегда нужно помнить о том, что все хорошее начинается с каждого из нас.

«Доброта есть вечная высшая цель нашей жизни», — писал Л.Толстой. Безусловно, эта цель и есть то, что мотивирует нас стать лучше. А самая высшая награда — это

счастливая улыбка ребенка, например. Надо понимать, что помощь людям, не только близким и родным, но просто тем, кто нуждается в ней, — это уже шаг вперед в становлении личности, в развитии человеческих качеств, благодаря которым ты смело можешь называть себя Человеком.

Волонтерство — это бесценный опыт, который никогда не будет исчисляться в купюрах, а способен измеряться в миллионах улыбок. Улыбок, помогающих чувствовать себя по-настоящему живым в современных реалиях. Начав волонтерский путь, чувствуешь, что долгое время находился в анабиозе, слишком долго не обращал внимания на действительно важные вещи.

На днях в Национальном медицинском центре нейрохирургии имени Н.Н.Бурденко начался мой личный путь добровольной помощи детям и подросткам с онкологическими заболеваниями.

Онкология — это, безусловно, страшное заболевание, которое может лишить человека веры и надежды на исцеление. Но всегда нужно бороться и никогда не сдаваться. В тяжелые моменты необходимо приложить максимум усилий для того, чтобы не опустить руки и стараться не допускать уныния у того, кто болен. Есть одно высказывание Ника Вуйчича, известного мотивационного оратора и мецената, пронизывающее тело дрожью: *«Когда служишь другим, твое сердце исцеляется. Я призываю сеять добрые семена, служа другим. И ты можешь понять, что жизнь, которую ты преображаешь, — это твоя собственная»*.

Мои чувства, испытанные в день моего первого посещения больницы в качестве волонтера, сложно передать словами. Это лишь можно прочувствовать. Детский смех, улыбка, вовлеченность в процесс игры, лепки, рисования, — бесценно! То, ради чего и создано добровольческое социальное движение. Приносить людям счастье — это и есть волонтерство!

ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ «ЮНОНА» (ЦССВ «ЮНОНА»)

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2017 г. Волонтеры посещают детей с умственной отсталостью: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются, гуляют.

Сейчас ЦССВ посещают две волонтерские группы «даниловцев» — в будний день и в выходной день.

Старое название учреждения — детский дом-интернат №7.

Хочется, чтобы волонтерство стало трендом

Ядвига Долгих — координатор группы, посещающей Центр по пятницам и субботам.

Подготовила Анна Рымаренко — журналист
ДД «Даниловцы».

Первый мой опыт волонтерства был связан с помощью в организации мероприятия. Это был просто разовый проект, а не постоянное членство в благотворительной организации. Тогда у меня сформировался очень неоднозначный образ волонтера. Не могу сказать, что я ощутила отдачу. Это было скорее механическое выполнение работы, знакомство с новыми людьми.

Одна из главных проблем волонтерства в России — отсутствие у людей адекватного образа волонтера. Мой опыт показал, что все воспринимают добровольца по-разному. Кто-то уверен, что волонтерские организации — своего рода секты. Кто-то воспринимает волонтера как бесплатную рабочую силу. Это происходит потому, что люди совершенно не понимают, в чем заключается суть волонтерской деятельности.

Настоящую вовлеченность в дело я смогла ощутить только в «Даниловцах», работая с детьми. «Даниловцы» — это неотъемлемая часть моей жизни, место, где забываешь про быт и суету.

О новой группе в «Даниловцах»

В детский дом-интернат №7 я начала ходить задолго до официального открытия нашей группы в «Даниловцах». Несколько лет воспитанников интерната навещали волонтеры из компании «Газпром», но в этом году она переехала в Санкт-Петербург вместе с большинством

сотрудников. Координатор группы волонтеров «Газпрома» предложила «Даниловцам» посещать их подопечных. Мы с радостью приняли эту эстафету.

Первое время я ходила в ДДИ с двумя волонтерами, чтобы привыкнуть к новому месту, адаптироваться, понять специфику детей. Волонтеры «Газпрома» приняли меня хорошо и оказались очень опытными в работе с детьми: воспитанники во всем слушались, с удовольствием выполняя приготовленные задания. Если кто-нибудь начинал капризничать, то волонтеры с легкостью находили общий язык и решали проблему. Своими добрыми делами они создали положительный образ волонтерства в целом, поэтому руководство ДДИ приняло «Даниловцев» с радостью. К счастью, нам удалось продолжить и даже несколько усовершенствовать благие начинания волонтеров-газпромовцев.

Волонтерство нужно сделать модным

Пару лет назад в институт, где я училась, пришли какие-то волонтеры с рассказом о том, как они занимаются с детьми с ограниченными возможностями. Особого интереса со стороны студентов не возникло, к сожалению. Я сейчас думаю о том, что надо заинтересовывать молодежь, задавать новую моду. Хотелось бы решить проблему неравных условий в детских домах, больницах и других социальных учреждениях по всей России.

Несерьезное отношение волонтера к своему делу

Это еще одна проблема, с которой мне пришлось столкнуться, и отчасти она, опять же, связана с отсутствием правильного образа волонтера у многих людей. Бывает, в группе появляются новые люди, ходят какое-то время, а

потом бросают. Причины разные, в том числе угасание энтузиазма. Волонтерство — это, в первую очередь, добровольное решение, но стоит помнить, что подопечные привязываются к людям, ждут. Поэтому добровольчество — все-таки не развлечение, а серьезная работа.

Социолог — это врач, который обследует общество

В социологию меня привел интерес ко всему новому. Социология как образовательное направление в России сформировалось относительно недавно (в 1989 году был создан первый социологический факультет). У такого специалиста большой выбор в плане трудоустройства: он может быть маркетологом, аналитиком, политтехнологом и так далее. Меня очень привлекла и благородная цель социологов — выявлять острые социальные проблемы и прогнозировать возникновение новых. На мой взгляд, социолог — это как врач, только для общества.

Мы не можем говорить о нашем обществе как о гуманном, пока существуют бездомные

Как социологу мне часто приходится сталкиваться с таким понятием, как социальная проблема, но лишь на уровне теории. Волонтерство позволило взглянуть на неё в реальной жизни. Несмотря на то, что мы живем в современном развитом государстве, проблема бездомности не перестала быть острой.

Социальные службы и волонтеры пытаются помочь таким людям едой, медицинским обслуживанием, но их число не уменьшается. Можно сказать, что такие люди были всегда, и это нормально. Но мы не можем говорить

о нашем обществе как о гуманном, пока есть люди, которые зарабатывают на жизнь попрошайничеством или сдачей бутылок.

Безусловно, многие люди самостоятельно принимают такой образ жизни, но наша задача — хотя бы попытаться мотивировать их изменить жизнь.

У особенных людей должно быть то же, что и у обычных

Одна из самых крупных проблем, на мой взгляд, проблема инвалидности. Она очень масштабная, и надо стремиться к тому, чтобы в каждом здании было все необходимое оборудование для людей с ограниченными физическими возможностями, а у людей с умственными отклонениями была возможность проходить жизненные этапы наравне со всеми, только своим путем. У таких людей должны быть работа, досуг, коммуникация. Именно с этой категорией людей я сейчас сталкиваюсь чаще всего.

Почему бы не помочь хоть кому-то?

У меня есть мечта: хотелось бы, чтобы волонтерство стало трендом, чтобы обычные люди проявляли больше сострадания к тем, кто очень в этом нуждается. И речь не просто о жалости, а именно о существенной человеческой поддержке. Многие люди, сами того не замечая, тратят немало времени на пустые занятия. Так почему бы не пересмотреть время и бюджет и не помочь кому-нибудь? Волонтерство подталкивает на переосмысление своей жизни, это польза и для самого волонтера. Хочется, чтобы окружающие серьезнее относились к социальным проблемам и вносили хотя бы малый вклад в их решение.

Волонтеры, мы ждем вас!

Наши волонтеры — в основном, девушки. Не хватает молодых людей, а ведь подопечным-мальчикам было бы интересно пообщаться со взрослыми парнями, поиграть с ними в футбол или другие мужские игры. В свою очередь, волонтеру приятно почувствовать себя наставником, дать полезный совет младшему.

Волонтерство — это новые знакомства, новые друзья и опыт. Волонтеры уже сдружились, мы с удовольствием рассказываем друг другу о каких-либо новостях, радостях или проблемах в жизни. Очень приятно чувствовать поддержку единомышленников не только в деле, но и в обычной жизни.

Волонтерство — это маленькое счастье

Волонтер — не только человек, который регулярно приходит к детям: он также должен получать отдачу от этой деятельности и самореализовываться. Сейчас моя цель — создать яркую, активную группу, которая сделает детей чуточку счастливее. Больше всего таким детям не хватает общения, контакта, нового, интересного, необычного. Волонтеры выступают не только в роли помощников на мастер-классах, но и как товарищи, с которыми можно поделиться новостями.

Бывают моменты, когда очень устаешь, и сил едва хватает на то, чтобы добраться до дома. Возникает мысль: «Не пропустить ли встречу в этот раз?» Но, переборов это ощущение, идешь в ДДИ. И вот буквально после первых десяти минут занятия открывается второе дыхание. Потом выходишь из ДДИ и понимаешь, как хорошо, что не поддался усталости: настроение хорошее, прилив сил необыкновенный, а дети и волонтеры довольны — это и есть маленькое счастье.

Этим детям не нужна жалость

Анастасия Богайчук — координатор группы, посещающей Центр по воскресеньям.

Изначально я была волонтером в РДКБ. И я так скажу: если хотите стать волонтером, но не знаете, с чего начать, боитесь — идите туда. Там прекрасный координатор — Ирина Лабазова. Да и по детям не скажешь, что они серьезно болеют.

А стать координатором... Честно, вообще не собиралась им становиться. Но в один прекрасный день зашла на почту и увидела письмо об открытии Школы координаторов. Дай, думаю, попробую, схожу...

Далее было много интересных лекций, занятий, очень много полезной информации. Однажды нам всем, будущим координаторам, предложили сходить на практику, чтобы определиться с направлением, в котором мы хотим открыть свою группу. А у меня в этом списке были ДДИ (детский дом-интернат для умственно отсталых) и ПНИ (Психоневрологический интернат для взрослых). Правда, до ПНИ я пока не добралась, но скоро обязательно это исправлю.

До этого я ни разу не контактировала с «особыми» детьми. Да и в детском доме ни разу не была. Я не представляла, чего ждать, как все пройдет. И я пошла на практику в ЦССВ «Юнона» (ДДИ №7). Дети там меня поразили и поражают до сих пор своим позитивом. Бывает, настроения нет, какие-то обычные человеческие проблемы, а придишь к детишкам, и такой позитив, такая энергия появляется! Я не могу это толком объяснить, это надо прочувствовать, прожить. Каждый раз нас

ждут, встречают, рассказывают про свою жизнь, у кого что произошло.

Конечно, не всем подойдет волонтерство в детдоме для особенных детей. Я никого не агитирую на это. Надо сходить, присмотреться, понять — ваше или нет. Кому-то для этого нужно один раз прийти, кому-то — пять.

Для себя я поняла, что на посещениях нужно быть максимально гибким. Все встречи — разные и непредсказуемые. Обычно мы с детьми гуляем, делаем поделки из бумаги, пластилина, рисуем. У нас группа девочек. Кто-то лучше говорит, кто-то — хуже. Мне кажется, главное, что вы должны понимать, идя к особым детям, что им не нужна ваша жалость. А у многих людей с этим проблема, поэтому они не выдерживают общения с ними. Да, нужно привыкнуть, понаблюдать за ребенком. Понять, в чем его особенности. Но не жалеть, не относиться, как к «нездоровому». Они — другие, и это надо принять.

Им нужно наше общение на равных, как с друзьями. Возможность посмеяться, поиграть, подурачиться. Как все дети, они устают от людей, которых видят каждый день. А тут — волонтеры. И сразу настроение другое...

Каждый раз меня приятно удивляет факт, что дети начинают лучше кушать, когда мы приходим. Мы приходим сразу после второго завтрака. Обычно дети не едят, капризничают. Но как только они слышат, что мы идем гулять и ждем, пока они доедят, тарелка сразу становится пустой.

С волонтерами мне очень повело. Все ходят давно и на постоянной основе. Как я люблю называть нас — «dream team». Сейчас лето, почти все дети уехали на отдых. Надеюсь, когда наши девчонки вернутся, мы устроим праздник. С фотографиями, танцами и песнями. Мы это умеем!

Мастер-класс по детским заявкам

Ядвига Долгих — координатор группы, посещающей Центр по пятницам и субботам.

Волонтеры часто задают мне вопрос: «А откуда ты берешь идеи для занятий?» Это действительно важный момент. Хорошая идея мастер-класса — залог удачного посещения. Поэтому к теме занятия мы подходим со всей основательностью. Перед встречей смотрим, какие материалы необходимы, продумываем этапы работы, какие украшения можно добавить, а также, о чем можно поговорить с подопечными в процессе.

Тема занятия во многом влияет на то, как пройдет посещение: если ребятам интересно работать, то они весело подхватывают практически любую тему в разговоре с волонтерами, обсуждают повседневные дела и последние новости. Если мастер-класс не задался, поделка не получается, то и настроение меняется не в лучшую сторону.

Вечер субботы волонтеры проводят на мастер-классе в группе девочек. Времени у нас немного, всего час перед ужином. За это время нам надо успеть поработать и пообщаться. Мы стараемся подготовить что-то более подходящее для девчонок, это может быть необычный объемный букет цветов или куколки. С мальчиками же мы накануне лепили из теста танк.

Но бывает, что даже заранее заготовленные хорошие «шаблоны» не всегда гарантируют успешную встречу. У кого-то не получается слепить зверька или не хватает времени приклеить все лепесточки к цветку, а кто-то очень хотел вообще другую поделку сделать. Мы с волонтерами нашли отличное решение — индивидуальный подход к каждому подопечному. Также девочки сами

говорят, что хотели бы сделать в следующий раз. Такой подход точно гарантирует всем отличное настроение и улыбки. Так, недавно наши волонтеры Лена и Вера подготовили отличный мастер-класс «по заявкам» для девочек по маникюру. Подопечные узнали, как красить ногти и попробовали детские яркие лаки. Надо ли говорить, что эмоций было очень много!

Сам ты овощ!

Виктория Дегтева — волонтер группы.

Иду протоптанной в снегу дорожкой между панельными серыми домами.

Глухой забор, скрывающий ДДИ от мира, чтобы не расстраивать. Территория. Лампочки-огоньки на деревьях. Бледное двухэтажное здание типичной планировки. Каково это — встретиться лицом к лицу с теми, на кого стараешься не смотреть в метро и на улице? Длинный белый коридор. Пахнет манной кашей.

«А тебе не жалко детей, которые в обычном детском доме живут, которые все чувствуют, понимают. Почему ты к ним не пошла? ...Да ни черта *эти* не понимают, о чем ты? Видел я таких, смотреть страшно».

Я сижу рядом с Ваней за столом из сдвинутых парт. Перед нами цветной картон и нарезанные фигурки, которые намереваются превратиться в солдатика на открытке к 23-му февраля. По козырьку за окном барабанит град. Ваня улыбается, глядит по сторонам, закусывает нижнюю губу. К труду он подготовился основательно. В кармашке у Вани на всякий случай лежит

запасной клей, со всего стола заблаговременно собраны принадлежности для поделок. Говорит он редко, в основном, изъясняется звуками. Не потому, что не умеет, а потому, что ему так больше нравится. Когда Ваня шалит, воспитатель его группы спрашивает с укоризной: «Так разве можно?» Ваня опускает хитрые глаза и, виновато улыбаясь, отвечает: «Нельзя». Мы ведем оживленные споры во время работы. Ваня знает, как должна выглядеть открытка для его папы. Он рассержено жестикулирует и мычит — ругает меня за предложение приклеить солдатику цветок на мундир, а потом заливисто хохочет, когда мы решаем нарисовать военному высунутый язык. Эдакий солдат-пацифист у нас получается. Ваня подбегает к воспитателям и волонтерам, хвастается открыткой после появления на ней каждой новой детали. Рад он и за других ребят, их работы мальчик рассматривает с любопытством, одобрительно кивая и показывая большой палец.

— Что будем писать в открытке-то? — спрашиваю я, — «Любимому папе»?

— Угу.

— А еще что?

Ваня показывает на мою кофту, предлагая переписать название музыкальной группы на английском. Идея, конечно, эксцентричная, но отказать не могу. В обмен на это малыш радостно целует меня в щеку и обнимает во всю силу своих ручек. Напротив сидит ребенок постарше. На протяжении часа он не поднимает головы, смотрит в пол и молча раскачивается. Его зовут Артем.

«Им ваши посещения не дают ничего. Они вас даже не запоминают. Зачем тратить время, если есть дети, которые нуждаются в общении гораздо больше, у которых

есть будущее хоть какое-то. Эти не выйдут из четырех стен никогда, зачем им ваши поделки?»

С порога Ваня бежит нас обнимать. «Привет!», — кричит он каждому и протягивает ручки. А потом озадаченно спрашивает о единственном в волонтерской группе мужчине, если тот не пришел: «А Миша?»

Пластиковый свет квадратных ламп освещает привычно сдвинутые парты. Я подсаживаюсь к Артему. Он безразлично смотрит в пол, периодически переводя взгляд на играющего с крышечками Диму. Ласково привлекаю его внимание, перебирая в голове все, что мне доводилось читать об общении с маленькими детьми. Артем вовсе не ребенок. Он выше меня ростом, и на скуластом лице пробивается будущая щетина, но почему-то кажется, что обращаться с ним нужно именно так. Предлагаю на выбор пару цветов картона. Артем не реагирует, но и я не отстаю. В конце концов, левой рукой он указывает на зеленый.

— Так, ну, давай тогда сделаем из этого открытку. Я держу, а ты загибаешь.

Подумав пару минут, и видимо поняв, что от меня никак не отвязаться, Артем неторопливо разглаживает шов сложенного листа. Через 15 минут из мальчика с опущенной головой и пустым взглядом он на моих глазах превратится в увлеченного и радостного ребенка. Почти такого же, как все.

— Ну, что ж... Можем теперь цветочки сделать?

Я понятия не имею, как делать эти «цветочки». И для меня, пожалуй, эта задача не менее сложная, чем для Артема. Но я никак не могу подвести этого доверчивого, спокойного паренька, который молчаливо ждет моей поддержки.

— Ну, допустим, сложим в четыре раза цветную бумагу. Какого цвета хочешь цветок — желтого или синего?

Артем указывает на синий, и мне кажется, что на лице его появляется улыбка. Совместными усилиями сгибаем лист в четыре раза. Прошу Артема нарисовать лепесток. Рисует ровно, хоть и держит фломастер высоко. Я вырезаю — получается 8 штук.

— Смотри, я клеем мажу, ты приклеиваешь к открытке так, чтобы цветок получился. Каждый лепесток к серединке. Хорошо?

— Да.

«Ничего себе!» Голос у Артема взрослый, баритон. Мажу малюсенькие лепестки клеем и протягиваю по одному. Клеит. Старается. Десять минут назад я не была уверена, что Артем меня слышит, теперь не остается сомнения, что он понимает меня лучше, чем многие собеседники в обычной жизни.

— Умница! Как красиво получается!

Артем застенчиво смотрит в ту часть пола, которая ближе ко мне, и тихо смеется. Серединку делаем из ваты. Предлагаю скатать маленький шарик. Артем выполняет задание и приклеивает вату на намазанное клеем место в цветке, не дожидаясь моей о том просьбы. После второго он тянется сам за листком черной бумаги.

— Может поярче чего? Ммм? Цветы же не бывают черными? Может, розовый? Фиолетовый?

Но Артем уже сложил левой рукой бумагу в четыре раза и ищет глазами фломастер, чтобы рисовать лепесток. Вторую руку он держит на коленях, не шевеля ею. Вскользь осматриваю работы других ребят. Букеты для мам на весенних открытках у всех в печальных тонах. Только Ваню отговорили от черных тюльпанов.

— Ну, что писать будем? «Любимой маме от Тёмы»?

Первое слово пытаюсь вывести его рукой. Артему сложно. Ему не нравится, что я касаюсь его, но он не сопротивляется. Мне кажется, я чувствую, интуитивно знаю, что он сможет сам.

— Попробуешь переписать?

Даю листочек со словом «маме». Артем пристально смотрит и вдруг начинает писать букву за буквой, выводя их справа налево. Совсем не так, как пыталась написать его рукой я, но намного лучше. В полном восторге предлагаю бумажки с другими словами, пока открытка для мамы не заполняется до конца.

Мне сказали, что мама у Артема действительно есть, и, может быть, однажды она даже придет и увидит, что сын ее хотел поздравить с 8 марта. Приклеил малюсенькие разноцветные лепестки к картону и написал, что все это только для нее одной. Для той, которую он любит, прощает и ждет. А пока Артем оставляет открытку на столе, садится в уголок дивана и тихо качается вперед и назад, глядя в пустоту пола.

Первый раз на канате

Елена Сорокина — волонтер группы.

Воскресенье, утро, светит солнце, настроение прекрасное, и я иду к любимым детям в ЦССВ «Юнона». Оказалось, это — последний день для ребят перед отъездом в лагерь на все лето. Девочки и мальчики вместе с воспитателями собирались в магазин купить немного вкусностей в дорогу.

Я и ещё один волонтер составили им компанию. По пути мы зашли в банк, где дети при поддержке воспитателей самостоятельно снимали деньги в банкомате, потом мы зашли в магазин, где ребята выбирали себе вкусности, а после сами расплачивались на кассе.

Конечно, наши подопечные нервничали, так как такие ситуации в их жизни бывают крайне редко, но справились они на отлично. На обратном пути мы остановились на общественной детской площадке, где девчонки по канату забирались наверх. Всегда страшно делать что-то впервые, но, видя наш пример и нашу веру в их силы, они пробовали, а это самое главное, ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. А если пробовать и стараться, то обязательно добьешься успеха.

Надо сказать, что каждое наше посещение неповторимо, но то воскресенье было особенно прекрасным, так как я поняла, что мы уже не просто волонтеры и подопечные, а мы друзья, которые многому учатся друг у друга!

И правда: почему листья краснеют?

Олеся Головкина — волонтер группы.

Прошло больше чем полгода с тех пор, как я начала посещать ДДИ №7. Наши подопечные недавно вернулись из летнего лагеря, и мы решили сделать ободки из кленовых листьев.

Я села заниматься с новым мальчиком в группе, его зовут Данила, и на вид ему около 12 лет. Он тщательно раскладывает листья и старается выбрать самые красивые, а затем бережно обрезает на них веточки. Совместными усилиями мы очерчиваем и вырезаем из картона ободок, на который мы будем их крепить. Он не идеальный, но по внутренним ощущениям для нас он — самый лучший.

В ходе работы Даня задаёт много вопросов, а я на них старательно отвечаю. Но в какой-то момент, когда он приклеивает очередной листочек к ободку, он поднимает

голову и наивно спрашивает: «А почему листья становятся красными?» Я молчу, а сама думаю о том, что мне никогда не приходил в голову этот вопрос, и я не знаю на него ответа. Я честно ответила ему, что не знаю, но обещаю к следующему занятию обязательно это уточнить.

Наше занятие приходит к концу, ободок выполнен, я надеваю его Дане на голову, на его лице сияет улыбка, а на моем — задумчивость. Я прощаюсь, выхожу на улицу и думаю: почему, ну почему же листья меняют цвет?

Через несколько дней я снова еду к ребятам на занятие, я очень его жду. Потому что мне есть, что рассказать Даниилу.

Не бойтесь, и вы получите больше

Анастасия Зискинд — волонтер группы.

Стать волонтером я хотела уже достаточно давно, но то возраст не позволял, то — экзамены и поступление. Закончив с этим, я без всяких рассуждений и обдумываний пошла на собеседование в «Даниловцы».

Своего первого похода в интернат я ждала очень сильно. И я правда не знаю — почему, просто мне хотелось отдавать частичку той любви и нежности, что у меня есть.

Придя в группу и увидев девочек, я на какую-то долю секунды засомневалась, смогу ли я, ведь дети там особенные, но это чувство страха как-то достаточно быстро прошло. После первого занятия я была очень довольна тем, как все прошло, и была удивлена, какими разумными, веселыми и, как мне показалось, даже счастливыми могут быть эти дети. Каждая девочка по-своему прекрасна.

С каждым новым приходом мне становится все легче, я знаю, за чем именно я туда иду. От этих детей я сама

как будто получаю что-то, чего мне не хватает иногда. Может быть, их беззаботность или улыбка при виде волонтеров, я не знаю, что именно, но что-то меня воодушевляет.

В конце хочу сказать, что не надо бояться, не надо думать прежде, чем что-либо попробовать, что вы не справитесь. Уделять час-полтора в неделю на то, чтобы общаться и смеяться, не так уж и трудно. Не бойтесь, и вы получите гораздо больше, чем вы могли себе представить.

ДЕТСКИЙ НАРКОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2008 г. Волонтеры посещают подростков с химической зависимостью: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Разговорное название учреждения — «Квартал».

Каждое посещение «Квартала» приносит небольшую победу

Александр Валентьев — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Недавно ты стал новым координатором в «Квартале», а до этого приходилось ходить туда в качестве волонтера?

— Ни разу! Вообще, когда я шел в «Даниловцы», я с самого начала хотел быть волонтером именно в «Квартале». Но на тот момент не было набора. Поэтому, конечно, когда я шел первый раз уже в качестве координатора, волнения были. У меня был за плечами опыт волонтерства в трех группах, но тут — новое учреждение плюс сложные подростки, плюс пугающее название «наркодиспансер». И новая роль, в которой я еще ни разу не был! То есть я там сразу для всех был чужой человек.

— Ну и как все наладилось?

— Не могу сказать, что я сразу, с ноги открыв дверь, там адаптировался, но понемногу понял, что мои подопечные — это обычнее подростки, ничем, в принципе, не отличающиеся от тех, которых я видел, например, в социальном приюте «Зюзино». Да, есть какие-то особенности: например, у ребят достаточно часто можно видеть татуировки, в других учреждениях не было такой «живописи». Но в остальном это совершенно обычные подростки, даже где-то более спокойные, чем в том же «Зюзино» и более доброжелательные, что ли.

— То есть подростки с наркозависимостью вовсе не демоны, как кто-то может подумать.

— Подростки в «Квартале» очень разные. Удивительно, но про многих из них я бы никогда не подумал,

что они что-либо употребляют! Они в большинстве своем сообразительные, творческие, талантливые. Они там проходят, в том числе, и медикаментозное лечение, поэтому некоторые слегка заторможенные. Но в целом особенности их поведения объясняются тем, что, как правило, это дети из неблагополучных семей. Их воспитанием, развитием, обучением родители и опекуны занимались мало и внимания им дома почти не уделяли.

— **И какова там роль волонтеров?**

— Основная миссия, которую несем я и волонтеры группы, показать ребятам, что можно радоваться и весело проводить время без всяких допингов. В этом плане волонтеры для них — это пример такого поведения. А вторая миссия, как мне кажется, состоит в том, что на нас ребята могут протестировать — примет их общество или нет после того, как они выйдут из наркоцентра.

Потому что для многих из них жизнь разделилась на до и после. Вот у них была своя среда общения какая-то, дом, ну и наркотики или алкоголь. И вот они попали на лечение. Им нужно, выйдя из стен «Квартала», вернуться в свой круг и, может быть, его сменить. И вот на нас они могут посмотреть: как незнакомые люди могут к ним относиться, как они будут реагировать. Для них это важно.

А мы их принимаем такими, какие они есть сейчас. Мы приходим, и нам совершенно неважно, что у них было до нашей встречи. Неважно, почему они здесь оказались. Мы не лезем им в душу, душеспасительных разговоров не ведем, разве что они сами захотят о себе что-то рассказать. Для нас важен каждый из них как человек. Мы взаимодействуем с ними не с позиции «врач-пациент» или «учитель-ученик». Мы им как старшие товарищи. И нам просто с ними интересно.

— **А они это чувствуют?**

— Думаю, что большая часть чувствует. Кто-то, естественно, относится к нам с недоверием. Но для меня показательен один момент. У нас пару занятий назад была викторина, которую придумала наш волонтер Надя Трансвалева. А я там одну девочку Таню знал только чисто внешне. Мы, когда приходим, зовем детей, и они идут, кто хочет. Кто не хочет, проводит свое время сам. И эта Таня к нам не приходила. Ну, может, заходила, смотрела, чем мы занимаемся, и уходила. А тут она с нами осталась на викторину, и я ее потом спросил: «Как тебе наше мероприятие?» На что она ответила: «Вы знаете, я раньше никогда не ходила к вам, а с вами, оказывается, интересно...»

У человека, вероятно, было предубеждение, что мы какими-то скучными делами занимаемся, как-то «лечим» их. А ей понравилось.

— **Ваша маленькая победа. Я думаю, такие вещи очень мотивируют.**

— Да, я не могу сказать, что это прям супербольшая победа за те полгода, что я являюсь координатором. Но, действительно, такие вещи мотивируют очень сильно. И если посмотреть внимательно, то в каждое посещение находится место таким небольшим победам.

— **Волонтерство в «Квартале» отличается от больничного?**

— Я больше двух лет был и остаюсь волонтером больничных групп, и сказать, что «квартильцы» какие-то особенные, мне трудно. Специфика своя есть. Кому-то с детьми попроще. Мне лично самому с подростками интереснее. С ними сложно, но интересно.

Но да, не каждый пойдет волонтером в наркоцентр. Хотя я как раз очень люблю спрашивать новичков после

первого посещения: «Ну как впечатление от наших подопечных? Не напугали?» И в один голос все говорят, что это обычные дети и подростки.

Я, когда беседую с новичками, всегда предупреждаю, что бояться не стоит. И очень показательно было услышать от одного из волонтеров: «Я помню твои слова, но до конца все рано не верил. А тут пришел и убедился».

— А ты себя там не чувствуешь безнадежно старым: у них же свой сленг, свои традиции и ценности.

— Мне не очень нравится тот сленг, который ребята используют при обсуждении темы наркотиков, а тема эта, к сожалению, неискоренима. Вот есть тюремная феня, условно говоря. А у людей употребляющих — свой лексикон, который нам непонятен. Такие словечки там периодически проскакивают. Я об этом сленге не знаю практически ничего. Но если мы понимаем, что речь идет об употреблении, мы это пресекаем.

А что касается вообще общения с подростками — нет, я себя старым не считаю. Да, какие-то вещи могут быть мне непонятны, но я запросто спрашиваю. Общаясь с детьми, я никогда не ставлю себя выше них и, возможно, ребята это чувствуют. У них может быть свой внешний вид, тату или пирсинг, чего я бы себе не стал делать, например. Но это не мешает мне интересоваться, узнавать их, просто общаться, добавляя какие-то совместные штуки вроде игр, сценических или спортивных занятий.

— А бывает такое, что дети вас удивляют — интеллектом или талантом?

— О, это так классно, когда дети предвосхищают твои ожидания и оказываются умнее тебя! Даже играя в какие-то настольные игры типа «Активити», где нужно изобразить что-то или объяснить, порой ловишь себя на мысли, что дети-то — очень умные. И я не чувствую себя в эти моменты каким-то ущербным, я, наоборот, очень

рад, когда оказывается, что ребенок более творчески одарен, чем я. Это же классно!

— Вы как-то обсуждаете с волонтерами прошедшее посещение? Сложности бывают?

— Конечно, мы обмениваемся впечатлениями от занятий, обсуждаем какие-то реплики, сказанные кем-то из детей, и пытаемся понять, с чем это связано. Допустим, если упоминалась тема употребления, то мы это тоже обычно проговариваем. Обсуждаем, как нам в будущем избежать этой темы, как-то пресечь, если границы были нарушены. А из сложностей... Допустим, какая-то из настольных игр можете не зайти или еще какая-то творческая активность. И тогда думаем, что будем делать в следующий раз.

Хочу вообще отметить своих волонтеров, что ребята подобрались очень инициативные. Я и сам, конечно, стараюсь прививать им эту инициативность, потому что, честно говоря, я в творчестве не сильно одарен. Я могу организовывать что-то, могу написать статью, например. Но вот интересный мастер-класс провести — вряд ли у меня это получится. Я, когда хожу в детские больницы и социальный приют, могу каждый раз играть в настольные игры, и мне будет хорошо с детьми. И вот я это доношу до своих волонтеров — а чем бы вам хотелось заниматься?

Я не хочу их просить делать то, что им не очень интересно. У нас всегда есть игры, в которые можно играть компанией, например, игра «П» — там нужно объяснять загаданное слово, используя только слова на букву «п». Но вот что бы волонтерам самим хотелось делать? И как раз ребята сами и придумывают какие-то активности.

Вот Надя Трансвалева: и викторину проводила, и обсуждение мультфильмов у нас было, и кексы готовила в микроволновке с ребятами. Андрей Мурсеев приносил и настольные игры свои, и электронный конструктор.

Илья Комаров проводил спортивные занятия с нунчаками и чайную церемонию. Сергей Ясинский — танцевальный мастер-класс по хастлу. В этом плане ребята большие молодцы. И если есть какая-то идея, я всегда спрашиваю ребят, чем я могу помочь. Любая инициатива наших волонтеров будет поддержана.

0 волонтерах в детском наркологическом диспансере

Екатерина Цыганкова — координатор группы в 2016–2017 гг.

Беседовал Юрий Белановский — руководитель
ДД «Даниловцы»

— Что такое детский наркологический диспансер?

— Это медицинское учреждение закрытого типа. В нем содержатся дети с различными зависимостями, такими как: алкоголизм, наркомания, токсикомания, игромания. Токсикоманов и игроманов среди наших подопечных практически не бывает. Средний возраст пациентов диспансера — 15 лет, самым младшим — 12 лет. Непросто понять, кого в учреждении больше — мальчиков или девочек. По моим ощущениям, девочки в большинстве.

Наркодиспансер — это стационар, и поэтому он — второй дом для детей, которые там проходят лечение и реабилитацию. Они не могут самостоятельно покидать это место. Здесь строгие правила и режим. К примеру, у детей нет телефонов и свободного доступа в интернет, а все занятия, встречи и досуг проходят по расписанию. Чтобы компенсировать ограничения, детям дается возможность творческого самовыражения, например, вместе с воспитателями пациенты могут оформить пространство своих комнат и жилого этажа, где они проводят большую часть времени.

— **Кто ваши подопечные?**

— Для меня ребята, к которым мы, как волонтеры, приходим — это обычные подростки. Практически все подопечные страдают от тех или иных комплексов. И проявляется это по-разному. Кто-то чрезмерно активен, а кто-то, наоборот, закрыт и всего боится. Большинство из них хотят выглядеть взрослыми, но при этом ведут себя всё равно, как дети.

Нередко из-за сильного гормонального сбоя, вызванного последствиями зависимостей и особенностями подросткового возраста, у подопечных бывают перепады настроения, приступы агрессии по отношению к себе и окружающим, а также вызывающее поведение, в том числе в сексуальном плане. Поэтому мы придерживаемся правила, рекомендованного администрацией учреждения — мы исключаем в общении с детьми любой физический контакт.

— **Зачем волонтеры приходят к детям?**

— Всё, что я сказала ранее, необходимо знать, чтобы правильно определить место волонтера в мире подопечного. На первый взгляд, наши занятия можно воспринять, как часть общей реабилитационной работы. Но это не совсем так. Мы все же не часть диспансера и не часть его процессов. Недавно сотрудница диспансера в разговоре с одним из наших волонтеров призналась, что после занятий с нами дети заряжены положительной энергией, они улыбаются и шутят; к сожалению, такого поднятого настроения у подопечных не наблюдается после встреч с «анонимными группами».

С помощью творческих занятий, интересных бесед, личного опыта мы показываем подросткам, что радоваться жизни можно и без употребления веществ, меняющих сознание. Отчасти, мы — проводники этих детей во внешний мир. Мы искренне надеемся, что после

выздоровления и выписки из учреждения, ребята воспользуются полученными навыками и знаниями и будут чувствовать себя увереннее в «новой» трезвой жизни.

— **Что для вас самое важное?**

— Самое важное для нас — это дать детям возможность общения с людьми без зависимостей и показать им жизнь, в которой нет места наркотикам и алкоголю. Известно, что подросткам нравится выглядеть старше в глазах окружающих, поэтому они так тянутся к взрослым людям. Волонтеры в этом смысле являются достойным примером человека, на которого можно равняться.

Когда мы приходим в диспансер, дети с радостью встречают нас. Дело не только в мастер-классах, которые мы проводим, но и в личной симпатии. Подопечные находят в каждом из нас близкого по духу человека, того, с кем хочется просто поделиться новостями, по-дружески поболтать о волнующих вещах.

Волонтёр для наших подопечных — это друг, с которым можно общаться на равных, не боясь поделиться самым сокровенным. Но, при этом, мы учим детей общаться с нами уважительно, чётко соблюдая границы дозволенного. Удивительно, но дети не обижаются, а посвоему благодарят, ведь именно такого опыта «бережного» отношения друг к другу у многих из них нет.

— **Кто для тебя волонтер?**

— Для меня, как для координатора, волонтер — это человек, которому я полностью доверяю. Наше дело достаточно рискованное и очень ответственное. Я должна максимально точно понимать, как мои волонтеры поведут себя в тех или иных ситуациях. Как этого добиться? Лучший помощник в этом деле — время.

Я рада, что волонтеры относятся друг к другу по-дружески. Иногда мы встречаемся вне занятий, приятно

проводим время вместе. Это здорово помогает формировать собственную команду и поддерживать тёплые отношения внутри нашего небольшого коллектива.

Волонтерская группа — это то, без чего невозможна наша деятельность в стенах диспансера. Но и невозможна она также без регулярной работы внутри учреждения, взаимной поддержки волонтеров, помощи со стороны администрации «Даниловцев» и наркологического диспансера. Конечно, периодически у нас возникают какие-то сложности. Куда без них? К счастью, моя команда всегда рядом, поэтому трудности не вызывают страха или паники.

— Как ты думаешь, почему волонтеры приходят в диспансер?

— У каждого волонтера, посещающего диспансер, своя мотивация. Для многих важен сам факт помощи, при этом адресность абсолютно не важна. Некоторым удобно расположение учреждения или время посещения подопечных. Кто-то мечтает примерить на себя маску супермена и спасти весь мир. А кому-то хочется проводить время именно с нашими подростками: болтать, шутить, проводить творческие занятия. Возможно, для многих из моих волонтеров — это шанс вновь ощутить себя в том «особенном» возрасте.

Большинство из новичков буквально после первого занятия точно понимают, на своём ли месте они находятся. Внешний вид детей и их вызывающее поведение у многих людей, не сталкивавшихся с подобным, вызывают отторжение. Не приживаются в нашей группе в основном те, кто не может приспособиться к подростковой среде.

Тот же, кто вливается в нашу группу, постепенно начинают сочувствовать и сопереживать нашим подопечным. Но чаще всего волонтеру удается наладить контакт

с конкретным ребёнком. Такое общение продуктивнее и может положительно сказаться как на подопечном, так и на самом волонтере.

Отрадно, что волонтеры начинают интересоваться самой проблемой наркомании, задают вопросы мне, читают информационные материалы. Это действительно важно, так как помогает лучше понять наших подопечных.

— **Как обычно проходит волонтерское посещение?**

— Чаще всего на каждом занятии в диспансере присутствуют я, координатор, и два волонтера. Это золотая середина. Подопечные присоединяются к нам по желанию, правда, стоит сказать, что в силу специфики учреждения есть множество факторов, влияющих на это самое желание. В среднем к нам приходит около 10 ребят, бывают дни, когда количество детей едва превышает цифру четыре, а иногда, наоборот, количество желающих провести время стремится к двадцати.

На волонтеров, посещающих диспансер, накладываются ряд ограничений. Мы не можем спрашивать детей о личной жизни и причинах лечения. Вето лежит на темах «употребления», секса и религии. Также запрещены некоторые инструменты, используемые во время мастер-классов, и любой физический контакт. Это все ограничения, установленные учреждением, мы их беспрекословно соблюдаем. Во всех остальных отношениях я как координатор предоставляю волонтерам полную свободу действий.

Единственная обязанность, которая лежит на волонтерах, — это активное включение в работу. Особенно это касается каких-то важных праздников. Например, Пасхи или Нового года. В такие моменты я четко расписываю, кто что должен сделать. Отрадно, что волонтеры достаточно ответственно относятся к делу.

— Расскажи о своих координаторских обязанностях. Что для тебя координаторство?

— Мои обязанности — это поддержка постоянного контакта с волонтерами. Создание эмоционального фона, который необходим для дружеской обстановки в группе. Административная часть полностью лежит на мне, начиная от организации мероприятий, заканчивая общением с персоналом диспансера и помощью новичкам-волонтерам в адаптации.

Став координатором, я поняла, что волонтер занимается именно тем, чем ему хочется заниматься. У координатора, к сожалению, такой возможности нет. Будучи координатором, ты больше наблюдаешь за происходящим и контролируешь, чем участвуешь в самой работе с детьми. Признаюсь, в самом начале моего координаторского пути мне было сложно к этому привыкнуть. Но со временем, когда я набралась опыта и стала чувствовать себя увереннее на своей новой позиции, я смогла совмещать координаторскую и волонтерскую деятельность.

Для меня работа в качестве координатора «Даниловцев» — это большая честь и ответственность одновременно, так как мои опрометчивые или безграмотные действия могут отразиться не только на моей репутации, но и на репутации добровольческого движения «Даниловцы». Хочется отметить, что координаторская деятельность сильно способствует не только моему профессиональному росту в области волонтерства, но и личностному росту. Со мной всегда на связи сотрудники «Даниловцев», готовые с удовольствием поделиться личным опытом, подсказать решение той или иной проблемы. Различные тренинги и книги, предоставляемые «Даниловцами», также приходят на помощь в нужную минуту. Но самое важное то, что «Даниловцы» мотивируют тебя и вдохновляют делать жизнь вокруг хоть немного лучше.

Меня пустили к самым сложным детям только благодаря моей ростовой игрушке

Илья Комаров — волонтер нескольких групп движения.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Илья Комаров — это, наверно, единственный в России чемпион мира по карате, который в костюме мультяшного Панды ездит по домам-интернатам и учит детей с инвалидностью работать нунчаками. У него дома — килограмма три медалей. Илья — мастер спорта международного класса, судья всероссийской категории, чемпион России 2006 года в разделе кобудо-ниппон-кэмпо (рукопашный бой), чемпион Мира 2007 года (Италия) в разделе уличная самооборона, серебряный призер Чемпионата Европы 2013 года (Латвия). Ну и там еще много чего.

Но в Добровольческом движении «Даниловцы» он известен, прежде всего, как «волонтер с нунчаками». Его «Мастер-класс от Кун-фу Панды» с восторгом приняли дети и в подростковом наркодиспансере, и в интернатах для инвалидов, и в детских больницах.

— Илья, а как вы нунчаку сами в руки взяли?

— Я пошел заниматься единоборствами в 10 лет, и мне очень повезло с учителями. И самый главный из них — Алексей Кузнецов. Учитель — это тот человек, который дает тебе не только технику. Алексей Кузнецов — уникальная личность, он руководит Всероссийской Федерацией кобудо. И по сути своей — это громко, наверно, звучит, — но он Воин. Не по отношению к врагам, а воин, который объявил войну своим повседневным страстям. Он всегда сдержанно себя вел, разговаривал

уважительно с людьми любого возраста. Это даже не в тренировочном процессе выражалось, а больше в житейских вещах.

Мы с ним изучали карате, много было приемов самбо, ударной техники бокса, кикбоксинга. Он старался развить нас разносторонне, возил на разные виды соревнований. И одно из направлений было — работа с восточными видами оружия. Учитель сам ездил к мастерам в Японию, в Европу, приглашал их в Россию. И вот он нас и познакомил с направлением нунчаку. Что я и применяю сегодня в этой прекрасной волонтерской истории.

— **Они же железные.**

— Нет, это мягкие нунчаку, которые разработал сам Алексей Кузнецов. Там внутри легкий полый пластик, потом поролон, и сверху — ткань типа плащевки. Плащевка — потому что нунчаку должна скользить по кимоно и спортивному костюму, чтобы легко пройти подмышкой, под ногой, вокруг шеи во время перехватов.

Такое нунчаку безопасно, и оно не такое агрессивное, как рукопашный бой. То есть ты приезжаешь к детям с какой-то позитивной историей.

— **А как вообще пришла идея заниматься единоборствами в больницах и детских домах-интернатах?**

— Мне кажется, это из-за отца. Он зимой, видя пьяного, лежащего в сугробе, всегда поднимал его, сажал на лавку и говорил: «Да, он дурак, он пьяный. Но если он тут замерзнет, у его семьи будет горе». Это был живой пример того, что необходимо быть неравнодушным к любому.

Отец очень рано ушел, мне было 14 лет. Учитель, Алексей Кузнецов, перевел меня на бесплатные занятия. Мной серьезно занимались, я достиг определенных результатов. И с какого-то времени я сам стал думать о том, что я тоже должен что-то делать. Я хочу проводить у себя

в районе бесплатные занятия для детей. Но пока у меня получается делать это только на волонтерских началах в «Даниловцах». И в этом огромное спасибо моей семье и любимой супруге Марине, которая занимается нашим сыном Володей во время моих волонтерских отъездов иногда на целый выходной.

— Какая группа была первой?

— Непонятно, кто кому больше помог — я «Даниловцам» или наоборот. Скорее всего, «Даниловцы» мне помогли. У меня и раньше было желание применить навыки единоборства и поучаствовать в волонтерстве, но я не знал, как это сделать. А полтора года назад я услышал про «Даниловцев», зашел на сайт, прошел собеседование и посмотрел, куда я могу быть направлен в связи со своим рабочим графиком. Получалось, что в наркодиспансер и ФНКЦ им. Димы Рогачева (это детская онкология).

Сначала я как волонтер ходил в наркодиспансер, были какие-то обычные занятия. Но потом, когда координаторы на меня посмотрели, мне разрешили привезти нунчаку. Я долго канючил, что у меня есть ростовая игрушка Кун-фу Панды, давайте я позанимаюсь с детьми... И мне сказали: «Ну давай!» И первое занятие с нунчаку было в ФНКЦ.

— Дети в подростковом наркодиспансере непростые. А в ФНКЦ — после операции. Это две совершенно разные программы тренировок.

— А ДДИ — это третья!

— Ну и как, видя детей первый раз в жизни, можно понять: что делать, чтобы тренировка прошла безопасно и со смыслом?

— С маленькими детишками я раньше работал в детском садике, один из моих тренеров мне объяснял, как с ними работать. И этот детский садик дал мне возмож-

ность за короткое время найти понимание с детьми в ФНКЦ.

А что касается наркодиспансера, то помог опыт тренерской работы с подростками и пример тех ребят, с которыми я сам когда-то занимался. Не секрет, что спорт — это не панацея от попадания в химическую зависимость. Он иногда является даже группой риска. Человек, когда выходит на крупные чемпионаты — и это не только про единоборства, это про любой вид спорта — он преодолевает свой страх, свои волнения. Он начинает чуть отличаться от обычного человека. И сам себе говорит: «Ну я же чемпион. Если я сейчас покурю или выпью стаканчик, я никогда не стану алкоголиком или наркоманом».

— **То есть вы таких ребят и раньше видели?**

— Они абсолютно такие же, как те, что ходят ко мне на тренировки. В наркодиспансере я видел кандидатов в мастера спорта. Они крепче меня! Был парень — черный пояс по карате. А месяца три назад был такой, который и нунчаку умел крутить.

Так что это понятные мне ребята.

— **А как проходят занятия?**

— Мы собираемся в каком-то зале, и я предлагаю мысленно переместиться из стен наркодиспансера на необитаемый остров, где встречаются лучшие мастера боевых искусств. По аналогии с «Мортал комбат» или фильмом с Брюсом Ли. Мы включаем интересную музыку, сначала выполняем разнообразные перехваты, повторяем технику, я им еще раз объясняю, как двигаться, как выполнять защиту. Потом мы надеваем шлемы, и начинается самое интересное. Я прошу их смотреть мне в глаза. И через глаза они начинают чувствовать мою эмоцию, а моя эмоция: «Вы — мои братья и сестры». Как ни тривиально это звучит, да, я к ним прихожу как к младшим братьям

и сестрам. И в этот момент я радуюсь, что мы с ними находимся в таком вот спортивном движении. Словами эту атмосферу трудно объяснить.

— **А в ФНКЦ какая специфика уроков? Мамы нормально смотрят, как их дети после операции занимаются спортом?**

— В ФНКЦ в моем мастер-классе участвовали все! Игровой зал заполнился полностью. И дети, и волонтеры, и мамы, и папы. Даже бабушка была одна. И все выполняли перехваты. Все взяли нунчаку и делали.

— **Сколько же вы их привезли?**

— Штук пятьдесят. И еще «лапы».

— **А как вы занимаетесь с детьми с ДЦП?**

— С инвалидами можно использовать другие виды оружия, которые есть в кобудо. Например, есть тофа — деревянная палка.

Однажды со своим «Мастер-классом от Кун-фу Панды» я ездил в дом-интернат в Калужской области, 180 км от Москвы. И там у меня был первый опыт тренировки с использованием оружия кобудо для детей с инвалидностью. Допустим, ребенок сидит в кресле или он может только ползать, потому что у него ножки с рождения с серьезными дефектами. И вот он берет в руки тофу, делает защиту — выставляет их перекрещенными. А я с палкой дозированно делаю нападение. Если я в костюме Панды, я включаю образ Кун-фу Панды, если в кимоно — образ сенсея и говорю: «Приготовился! Нападение! Эээй-ОСС!» Нападаю, он делает блок, и у него действительно блок, жесткий!

— **Класс, как в кино!**

— Да, он защищается, и у него получается, глаза загораются.

— **А если перед вами дети с задержкой развития?**

— Тут тоже очень важен внутренний настрой. Надо перед тем, как зайти к таким детям, две-три минутки настроиться. И тоже думать о том, что ты идешь сюда как к своему младшему брату или сестре, которые находятся в такой вот ситуации. Потому что иногда нужны даже не столько слова в момент работы с ребенком. Там важен именно твой эмоциональный настрой. Твои прикосновения.

Мы не говорим про какие-то легкие формы аутизма, когда можно общаться, работать, выполнять упражнения, ребенок тебя слышит. Есть дети, которые могут держать сосредоточенность две-три секунды и уходят в сторону. И вот здесь очень помогла моя ростовая игрушка Панда. В том ДДИ они подходили и обнимали ее, а я их просто гладил по голове.

А если говорить о совсем сложных вещах... Меня пустили к самым сложным детям только благодаря этой ростовой игрушке. Потому что обычно к ним волонтеров не пускают. Там в силу того, что дети могут себе навредить, дети привязаны к кроваткам. Ну с какой программой ты туда придешь?.. Они лежат, не понимают, где находятся.

— И зачем тогда приезжать?

— Дети все находятся в одном здании. В одной комнате дети с синдромом Дауна, с ними можно проводить работу. А в соседней — лежащие дети. И вот их в этой ростовой игрушке можно подержать за руку, погладить.

— То есть с одними детьми можно вести бой, с другими — делать только перехваты, третьих — просто погладить по руке. И это все будет «Кун-фу Панда».

— Да. Есть ребятки — они на тебя не реагируют. Они не в нашем мире. А вот на эту Панду — реагируют. И особенно — на прикосновение, когда пальцем касаешься носика. Они смотрят на Панду, трогают ухо, ногу, а ты раз — носика коснулся. И у них улыбка появляется...

Летающие слоники и конкуренция с телевизором

Александр Валентьев — координатор группы.

В «Квартале» был вечер настольных игр. Поднявшись к подопечным и традиционно застав их за просмотром телевизора, я даже не предполагал, что столько ребят придет к нам в игровую. Детей было девять человек, а нас, волонтеров, всего трое.

Дело в том, что ребята, находящиеся на лечении в наркоцентре, лишены привычных многим подросткам гаджетов — телефонов, планшетов, игровых приставок. Интернет для них недоступен, а единственным «окном в мир» является телевизор, просмотр которого разрешен в строго определенные часы. Увы, это время совпадает с посещением «даниловцев», и не каждый подопечный в такой ситуации выбирает общение с волонтерами. Но они выбрали игру!

Волонтер группы Андрей Мурсеев принес с собой две новые настолки — «Доббль» и игру с интригующим названием «Трепещите, человеки». Поиграв для разогрева в «Доббль», мы решили разделить столы. За одним столом волонтер Надя Трансвалева в большой компании детей раскладывала «Имаджинариум», а за другим Андрей обучал нового мальчика К. премудростям игровой стратегии про пришельцев. Со стороны было заметно, что обоим парням игра доставляет удовольствие.

В этот раз к нам на посещение пришли новые подопечные. Помимо К., это были С. и Т. Остальных ребят мы уже видели на предыдущих встречах. Замечательно, что А., которая является старожилом «Квартала» и редко играет с нами, понаблюдав половину занятия со стороны,

в этот раз захотела присоединиться к столу с «Имаджинариумом». Свободных «слоников» (*фишек участников, которые перемещаются по игровому полю*) уже не было. Но тут на выручку пришел Андрей, выдав А. вместо слоника летающую тарелку из «Человеков». Вот такой приятный бонус за смелость получила А.

Час занятия пролетел незаметно. Поэтому жаль было расставаться с ребятами, когда посещение закончилось.

Хочу сказать спасибо Наде и Андрею за посещение. Хотя в тот вечер нас было мало, но вместе мы — сила!

Это сон. Смотрите — там коровы

Анастасия Колесниченко — волонтер группы.

Сюда приходишь, как в детский оздоровительный лагерь. Стены коридора не отличаются от отрядного уголка. Этот уголок, правда, тянется во весь коридор: сначала фотографии детей, потом пестрые рисунки, поздравительные плакаты, надписи, схемы, выведенные разноцветными фломастерами.

Только содержание не подходит. Вот фиолетово-рыжие силуэты человечков. Каждая фигурка наркозависима, и у каждой свой недуг. У кого-то пунктиром выведена рука, у кого-то — голова. Вот зеленым маркером выписаны «12 шагов» — инструкция, которая поможет избавиться от зависимости. Первый шаг — признать, что вы бессильны перед зависимостью. Второй утверждает: внешняя сила, более могущественная, чем ваша, может вам помочь. Это, наверное, ключевое.

Конец коридора — комната встречи с волонтерами, апогей, надпись «Квартал» в стиле граффити во всю стену. В комнату втекают подопечные. На вид им 15–17 лет. По лагерным меркам это был бы самый старший отряд.

Скорее всего, первый. Сегодня подростки делают с волонтерами открытки и играют в «Имаджинариум».

В мастер-классе участвуют в основном девушки. Вырезают картинки, клеят их на обложку, сшивают, а точнее, связывают страницы веревочками. Я буду называть подростков по первым буквам имен. Вот между Я. и Л. происходит такой диалог:

— Подай клей.

— Тебе понюхать?

— Нет, он странно так пахнет...

Я. шутит чаще всех. Она называет пеструю открытку «психоделической», как бы намекая: она-то знает, что такое психоделики. У Я. черные волосы, черные, толсто выведенные брови и в контраст — ярко-красная толстовка. Она клеит картинку на обложку и почему-то говорит: «Я наркоманка, мне можно». Рядом сидит А. Она не накрашена, выглядит младше и проще, чем Я. А. говорит: «Не наркоманка я. Хочу домой». Она произносит это между прочим, не жалуясь и не сокрушаясь.

В конце стола сидит О. У нее аккуратный макияж, она носит только черное: черные джинсы и футболку с декоративными порезами. О. сосредоточенно клеит на картинку медузы журнальную надпись «настоящие».

— Я сначала хотела приклеить фразу «в порядке», — говорит она. — Но потом увидела слово «настоящие» — и мне оно понравилось больше.

О. вежливо интересуется, как волонтеры оформляют обложку: «А у вас что?».

За соседним столом шушукаются три подружки. Так, что невозможно услышать, о чем они говорят.

Посередине занятия в комнату заходит работник диспансера и зовет парней в «качалку». Один из них размышляет вслух, что стоит ловить сейчас, пока не ушло: качалку или волонтеров. Решает, что волонтеров. Остается

играть в «Имаджинариум». Это В., высокий, красивый парень, в таких обычно влюбляются популярные девочки в подростковых фильмах. На нем футболка с надписью «Спутник 1985». В игре «Имаджинариум» ему попадает карта с такой картинкой: мужчина спит, сидя в электричке. За окном поезда — унылый черно-белый пейзаж: коровы всюду, на светло-сером небе и темно-серой земле, там же — распахнутая серая кабинка туалета. Выглядит печально. На реплику про «обреченность» мужчины на этой картинке В. возражает.

— Какая же тут обреченность? Это сон. Смотрите, здесь коровы.

На стене за спинами ребят разноцветно написано: бессилие, апатия, скорбь, гнев, досада, тоска... Из положительного — только доверие и счастье, таких слов в 10 раз меньше, чем первых. И эти надписи снова напоминают, где мы находимся...

Вдвоем играть не страшно

Александр Валентьев — координатор группы.

Слава Богу, что соблазны «взрослой жизни» (стремление все попробовать, поймать какой-то неведомый «кайф»), которые кажутся такими притягательными для подростков, обошли меня стороной. Я считаю, что во многом мне везло с друзьями, с которыми нас объединяли общие ценности. Плюс внутри была установка: «Наркотики — это зло, и я никогда не буду их пробовать. Неважно — легкие или тяжелые». Но, к сожалению, не всем везет на подходящее окружение. И по разным причинам кто-то из детей встает на путь, приводящий в учреждения, подобные «Кварталу».

Сначала в «Даниловцах» я посещал группы в детских больницах — РДКБ и ФНКЦ — и в социальном прию-

те в Зюзино. Имея за плечами этот волонтерский опыт, я принял решение двигаться дальше и поступил в Школу координаторов, которую этой зимой запустили «Даниловцы». И вот после ее окончания мне предложили возглавить волонтерскую группу, в которую я когда-то хотел попасть. Так судьба свела меня с «Кварталом».

Присматриваясь к новым подопечным, я ловил себя на мысли, что ребята выглядят, как обычные подростки, и про большинство из них я бы и не подумал, что они употребляют что-то запрещенное. В первый день мы играли в настольную игру «Диксит». Я давно слышал про нее, но играть сам ни разу не пробовал. В игре я довольно быстро освоился, т. к. она оказалась очень похожа на знакомый мне «Имаджинариум». Многие ребята тоже впервые играли в «Диксит», но все разобрались с правилами.

Девочка И. присоединилась к нам чуть позже остальных. Сначала она не хотела включаться в игру, говоря, что в прошлый раз у нее плохо получалось. Но когда я предложил ей поиграть в одной команде со мной, она согласилась. Так у нас сложился хороший тандем, и И. уже не боялась, что сделает что-то не так. В конце игры И. спросила меня: когда мы придем в следующий раз? Всегда приятно ощущать, что подопечные ждут волонтеров.

А спустя неделю мы отправились к детям, взяв с собой «Активити». Для тех, кто не в курсе: «Активити» — это настольная игра на ассоциации. Она состоит из трех видов заданий: словесного объяснения, рисования и пантомимы (объяснения на языке жестов). И выпавшее команде задание нужно выполнить за одну минуту.

Обычно игра проходит задорно, и наша встреча не стала исключением. Ребята проявляли смекалку в изображении заданий и угадывании хитрых карточек. Особенно в этом преуспела девочка К., которая играла в команде с волонтером Надей. У девушек сложилось отличное

взаимодействие, как будто они уже много лет знакомы и понимают друг друга с полуслова. Как правило, самым сложным является задание на рисование, которое не просто уложить в минуту отведенного времени. Но и с ним К. и Надя отлично справлялись.

Мальчишки тоже не отставали. Д., который играл в паре со мной, показывал класс в пантомиме. Показанное им задание (словосочетание «карьерная лестница») было достойно театральной сцены. И когда я разгадал его, мы наградили нашего актера заслуженными аплодисментами. Игравший в другой паре мальчик Л. очень логично объяснял задания своим напарникам. Но то, что очевидно для одного, для другого часто таким не является. Поэтому, увы, не все объяснения Л. доходили до партнеров.

Отведенный на посещение час пролетел незаметно. Но и за это время мы, волонтеры, и наши подопечные успели весело провести встречу. Попрощавшись с ребятами, мы сделали фото на память на фоне креативного граффити с надписью «Квартал».

Вот так некогда малознакомое учреждение с каждым посещением становится мне все ближе. Теперь я даже не задумываюсь о планах на вечер четверга. Ведь меня ждет «Квартал» ...

Не везет за столом, повезет с гитарой

Андрей Мурсеев — волонтер группы.

Праздник Победы в этом году пришёлся на четверг, но это нисколько не смутило бывалых волонтеров, и, заручившись поддержкой ребят из других групп, мы пошли поздравлять наших подопечных.

С лёгкой руки волонтера из РДКБ Любы Найды появилась идея подарить детям георгиевские ленточки как

напоминание, что мы все в неоплатном долгу перед нашими предками в Великой Отечественной Войне.

В честь праздника руководство диспансера разрешило увеличить продолжительность посещения на 45 минут, за что выражаю отдельное спасибо, потому что это позволило нам успеть не только поиграть в настольные игры, но еще и провести творческий мастер-класс и даже небольшой урок игры на гитаре.

Встреча прошла как нельзя лучше. Нас оказалось семь волонтеров на 15 ребят. Мы быстро разделились по интересам, и за одним столом началась увлекательная игра в «Активити», за вторым воцарились атмосфера творчества под руководством опытного волонтера из РДКБ Наташи Миткиновой. Она с ребятами рисовала красками весенние цветы и обитателей морских глубин. А вот за третьим столом завязалась нешуточная битва в «Имаджинариум», по окончании которой волонтер Илья взял гитару и начал играть сначала песни военных лет, а затем — Виктора Цоя. Потом ребята начали предлагать исполнить Нойза МС, что он и сделал. Надо отметить, что песня «Выдыхай» произвела фурор.

Пожалуй, самый запоминающийся момент для меня во время этого посещения возник в процессе игры в «Имаджинариум». Одной девочке хронически не везло, и она сказала, что ей никогда не давались настольные игры, на что я ей ответил: «Значит, в чем-то другом ты очень хороша». Она не согласилась, но подтверждение моих слов не заставило себя долго ждать. Как только ей в руки попала гитара, все встало на свои места, играет она прекрасно.

С моей точки зрения, это было образцовое посещение. Все прошло идеально, и ребята еще долго благодарили нас.

Целый квартал кексов!

Александр Валентьев — координатор группы.

Закупившись необходимыми продуктами в магазине, мы с полными сумками направились в диспансер. Достав из волонтерского шкафа микроволновку и собрав всю имеющуюся посуду и чашки, мы поднялись к детям.

«Квартальцы» любят сладкое. Поэтому долго звать их не пришлось. Игровая комната быстро наполнилась детьми, так что нам пришлось просить у персонала дополнительный стол. Оказалось, что некоторые из подопечных, включая мальчиков, уже готовили это блюдо раньше. Поэтому наши опытные кулинары — Маша и Никита — быстро справились с нехитрым рецептом и первыми опробовали собственноручно приготовленный десерт. Оба остались довольны. «Кварталец» Олег, который сперва порывался уйти, так как «не умеет готовить», согласился на мое предложение приготовить кекс вместе. Он так усердно размешивал тесто, что кекс должен был получиться просто воздушным. Судя по тому, как он его уплетал после приготовления, первый блин вышел вовсе не комом!

Пока большая часть ребят готовила тесто либо ожидала очереди к микроволновке, волонтеры Андрей Мурсеев (он руководит группой волонтеров в приюте «Зюзино») и Валерия Ходырева за одним из столов вместе с детьми строили многоэтажные башни в подаренной спонсорами игре «Дженга». Под дружный хохот башня периодически падала и возводилась заново.

Валерия Ходырева пришла в «Квартал» в первый раз.

— Было немного страшно и одновременно интересно, — говорит она. — Я не знала, чего ожидать от подростков, воспитателей и лечащих врачей. Но все оказались

милыми и доброжелательными. Некоторые подростки, на мой взгляд, сначала были не в настроении, будто не хотели ничего делать. Ну а после втянулись в общий процесс, поиграли с нами. Было видно, что ребятам стало интересно, весело. Время, конечно, пролетело незаметно. Хотелось ещё и ещё играть с ребятами...

Соглашусь с Валерией: час занятия пролетел со скоростью экспресса. Но кто-то из детей успел за это время приготовить сразу два кекса. А тем, кто приготовил тесто, но не успел его запечь в микроволновке, мы передавали кексики уже через персонал диспансера.

Бой за эмоции

Дарья Логинова — волонтер группы.

Недавно у нас было необычное посещение. Наш опытный волонтер Илья провел настоящий мастер-класс по искусству владения нунчаками! Ребята удивились, увидев мастера боевых искусств у себя в «Квартале». Занятие проводили в спортивном зале. Перед началом мы включили соответствующую музыку и украсили зал полотном с иероглифами.

Все началось с традиционного приветствия и разминки. Затем началась отработка базовых движений. К счастью, нунчаки достались каждому. Вторая часть занятия была динамичная и атмосферная! Каждый смог сразиться с нашим главным мастером. Для этого надевался защитный шлем. Безопасность превыше всего! Участники получили невероятные эмоции, прилив сил и чувство уверенности в себе.

Занятие мы завершили дыхательным упражнением и спокойной беседой. Встреча понравилась всем, как ребятам, так и волонтерам. Самое главное, что все, кто

пришел на этот мастер-класс, смогли поучаствовать в программе и научиться новому.

Еще раз большое спасибо Илье Комарову! Именно спортивное воспитание закаляет наш дух и помогает найти верный путь.

Нарисовать «холодную войну» и выиграть!

Александр Валентьев — координатор группы.

Недавно у нас получилось не совсем обычное посещение. Если несколько месяцев назад на занятия приходили исключительно волонтеры-девушки, то в тот раз ситуация в корне поменялась — на встречу пришли только волонтеры-парни. Компанию Андрею и Сергею составил опытный волонтер групп РДКБ, ФНКЦ и помощи бездомным Антон, впервые посетивший наше учреждение.

За одним столом Андрей с Антоном обучали мальчика К. программированию на специальном электронном конструкторе Arduino, который Андрей по своей инициативе принес в «Квартал». Такие конструкторы развивают логику и повышают интерес к инженерному делу у подростков. Было заметно, что К. увлекло занятие со схемами и проводами.

Вот как Андрей описал проведенное занятие: «Мы с К. и А. собрали три схемы. Из них две простые и одна посложнее. Первая схема — «Маячок»: диодная лампочка попеременно моргает и гаснет. Вторая схема — усложнение первой. Основная соль — в изменении, когда та же лампочка постепенно набирает яркость. Используя ШИМ (широтно-импульсную модуляцию), мы управляем временем подачи напряжения, и тем самым не доводим лампочку до свечения в полную силу. И третья схема — это световая полоска из 10 диодов. Мы заставили

их попеременно включаться. Прямо как в фильме «Рыцарь дорог».

За другим столом мы с Сергеем разложили одну из любимых в «Квартале» игр — «Активити». От начала до конца занятия с нами было шесть детей, которые составили команды между собой и с участием волонтеров. Так у нового мальчика М. сложился отличный тандем с Сергеем. В «Активити» есть карточки разных уровней сложности. И М., не тушуясь, выбирал самые сложные. Запомнилась его пантомима, когда он театрально изображал ракету и иллюминатор — как раз на тему предстоящего Дня Космонавтики. Очень старалась и эмоционально объясняла свои карточки С., досадуя, что ее напарник, Андрей, не понимает ее объяснений. Команда Т. и его друга застряла на заданиях по рисованию. Даже если ты хороший художник, то не так просто за минуту объяснить рисунком термин «холодная война». А я играл в паре с О., которая регулярно посещает наши занятия. Ее смекалка и талант к рисованию помогли нам оказаться среди лидеров.

После посещения мы вчетвером по традиции отправились в кафе, чтобы обменяться впечатлениями от занятия и просто пообщаться. Антону, кстати, понравилось в «Квартале». Поэтому ждем его и остальных наших волонтеров на следующих посещениях.

ГРУППА ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ ЛЮДЯМ

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2012 г. Волонтеры готовят и раздают еду бездомным людям на Павелецком вокзале, общаются с ними, устраивают благотворительные праздники для бедных одиноких стариков.

Чем волонтеры могут реально помочь бездомным на улице?

Дмитрий Иванин — координатор группы.

Лето для бездомного — это, прежде всего, поиск сезонной и вахтовой работы. Но и другие заботы никуда не деваются — еда, гигиена, безопасность, одежда и обувь, надежда восстановить нормальную жизнь. Именно поэтому работа с бездомными не заканчивается со сменой сезона. И каждую субботу, как и прежде, волонтеры движения «Даниловцы» выезжают к Павелецкому вокзалу. «Горячий обед — это только приглашение к разговору, начало возможного, долгого и нелегкого процесса жизнеустройства», — говорит Дмитрий Иванин, координатор группы волонтеров по работе с бездомными.

В нашей деятельности есть несколько направлений помощи, и все они пришли с опытом, — рассказывает Дмитрий Иванин. — Волонтерское сообщество, как бы мы этого ни хотели, не может оказать комплексную, полноценную помощь бездомному человеку. Если мы замахнемся на такую задачу — скорее всего, мы просто надорвемся, а волонтеры разбегутся. А ценность помощи — это ее регулярность и постоянство. Только тогда у бездомного появляется шанс.

К счастью, в Москве мы не одни, существует целый сектор помощи бездомным — это государственные структуры, НКО, фонды, волонтерские сообщества, благотворительные организации. Кто-то может собирать деньги, кто-то — помогать решать юридические вопросы, восстанавливать документы или связь с родными, оформлять инвалидность или пенсию. Кто-то целиком концентрируется

на критических и неподъемных большинству областях — лечении и крове над головой.

Что же тогда по силам обычным людям, у которых работа, учеба, семья и заботы? Ведь волонтеры — это именно такие люди, которые однажды решили, что не хотят оставаться равнодушными, а 100 рублей в руки бездомному ситуацию не сильно изменят. Мы направлены, прежде всего, на установление контакта, на ясные, равные, но длительные отношения, на поддержку. Прежде всего, мы пытаемся встретиться с человеком открыто и дружелюбно, и понять: кто он, почему здесь. Показать ему, что, скорее всего, с ситуацией бездомности может справиться только он сам. Но есть люди, которым он не безразличен, которые готовы оказать поддержку и которым можно доверять. Иногда это даже важнее, чем разовая материальная помощь.

Но самая доступная, видимая часть — это приготовление и раздача обедов на улице. Это под силу каждому. Большую часть времени занимает подготовка, поэтому работы много. Кто-то чистит овощи, кто-то их привозит, кто-то — собирает и сортирует пожертвованную одежду либо предметы гигиены. Есть те, кто не ходит на встречи с бездомными, но, например, дома делает зажарку для супа — это тоже очень полезно. Кто-то ищет пожертвования — продукты, ненужную одежду, и т. д. А есть те, кто приходит разбирать склад, потому что он постоянно превращается в пещеру Алладина: большая часть того, что люди жертвуют, не годится ни для бездомных, ни для чего-либо вообще. Нужно вести соцсети, писать новости и отчеты, закупать одноразовую посуду — это все тоже волонтерская помощь.

Но самое, мне кажется, ценное — это контакт с человеком. Когда безликий бездомный, «человек, которого жалко», превращается в реального человека со своей

историей. Иногда она — удивительная и захватывающая: перед тобой человек с тремя высшими образованиями, лингвист. Иногда — менее впечатляющая: несколько тюремных сроков, детдом за плечами либо просто череда каких-то неудач.

— **Как проходят ваши субботние выезды?**

— У нашей группы есть несколько задач. Первая — это, конечно, угощение. Оно позволяет бездомному почувствовать радость жизни. И каждую субботу мы собираемся вместе в первой половине дня, общаемся, обсуждаем какие-то наши планы и параллельно чистим морковь, картошку, варим суп. Волонтер может предложить свой рецепт, я всегда только за.

Собрав для выхода еду, одежду и предметы гигиены, мы отправляемся на вокзал. Начинается все, конечно, с еды. Пока люди едят, у нас есть возможность пообщаться с ними или просто поздороваться. У тех, кого мы уже знаем, интересуемся, как дела, что произошло, что интересного творится вокруг. В теплое время года, конечно, общение строить проще.

Бездомные по-разному относятся к тому, что мы им даем. Для кого-то это — просто закуска, для кого-то мы те, «кто что-то с этого имеют». Но есть и те, для кого горячий суп — это крайне важно, а внимание — жизненно необходимо, даже если человек бурчит и кажется недовольным. Своим отношением мы хотим напомнить бездомному, что, он — прежде всего человек, нечто больше, чем его жизненная ситуация.

Мы понимаем, что, если постоянно наткаться на безвыходность, бессилие, отвержение — это лишает человека сил бороться, искать выход, строить свою жизнь. Только когда человек перестает относиться к себе как к человеку, он соглашается на роль бездомного, такого, как его видит общество — грязного, пьяного, плохо пахнувшего

бездельника. Это ярлык, стигма, на нее надо еще согласиться.

Человек, который недавно попал на улицу, постоянно находится в условиях стресса, постоянного недосыпа, небезопасности, множества конфликтов. Бывает, что адекватно оценить ситуацию, продумать шаги по возвращению в нормальный мир он не способен. Для безопасности таким людям хочется вступить в какую-то из групп, а там всегда — алкоголь и своя иерархия. Это общество затягивает, человеку начинает казаться, что нет возможности изменения жизненных условий, в которые он однажды попал. Или ему бы «только работу и все будет хорошо», или вообще что-то измениться может только чудом, хотя для определенного процента бездомных выход и правда не видится, просто непонятно, что можно сделать. Потом наступает привыкание, чувство безысходности. Но жить так очень трудно, поэтому появляется какая-нибудь дежурная история. Это не значит, что человек — плохой и лентяй, это просто помогает понять, почему так.

— А вы помогаете им найти ночлег, работу через другие организации?

— Да, у нас есть специальные памятки, справочники бездомного, мы можем дать контакты. Тем, кто недавно на улице, мы можем подсказать, куда обратиться. Это вообще самое главное — вернуть доверие к организациям. Самый частый ответ: «Я там был, мне там ничем не помогли». Ну и, конечно, мы работаем на понимание, что «спасти» человека вряд ли кто-то сможет. Слишком слабо пока развита у нас такая помощь, чтобы человека с улицы экстренно убрать, найти кров, работу или место пребывания для нетрудоспособных, обойти препятствия в виде болезни, психического расстройства, зависимости или банального отсутствия документов или трудовых

навыков. В большинстве случаев человеку придется выбирать самому, долго, складывая из различных доступных вариантов помощи пазл своего жизнеустройства. Поэтому мы стараемся объяснить и направить его к специалистам в другие организации.

Кто-то готов вести трезвый, трудовой образ жизни — тогда даем контакты приютов «Ной», кого-то «кинули» на работе и ему просто надо домой вернуться — тогда направляем в программу «Возвращение». Кто-то — бывший москвич, а значит — имеет право на услуги Департамента соцзащиты. Если мы видим, что человек действительно ищет варианты — предлагаем прийти на консультацию в отдельное время, уже в помещение и к специалисту. Для этого совместно с «Каритас» мы открыли маленький дневной центр: в будни там принимают профессионалы — социальный работник, психолог, консультант по трудоустройству. А также там можно вместе с волонтерами поучаствовать в группе общения, посмотреть и обсудить фильм, сыграть в настольную игру или получить помощь в работе на компьютере.

— Как волонтеры, которые к вам приходят, объясняют свое желание помогать бездомным людям? И это желание как-то потом меняется?

— На собеседованиях я вижу, что людям не всегда просто сформулировать свои мотивы. Чаще всего это — желание не остаться равнодушным, как-то помочь, «спасти утопающего». Бывает, что это — попытка преодолеть какое-то свое отношение к бездомности.

Но мотивы в процессе деятельности порой трансформируются. С этим часто связаны кризисы, которые волонтер проходит в поисках нового смысла.

На самом деле для кого-то хорошо просто готовить суп. Есть люди, которые раз в месяц привозят печенье, конфеты, им общение с бездомными дается не очень

легко. Но все-таки у подавляющего большинства происходит изменение мотивации. Рост происходит постепенно за счет открытости, за счет переосмысления. Вот человек сначала раздает еду, ему становятся знакомыми лица, и этот специфический мир тоже становится интересным, он начинает общаться, а потом уже может взять и более специфические задачи. Это внутренний процесс.

И мне кажется, очень многое зависит от атмосферы. В волонтерской группе есть общие мысли, общие ценности, и через общение они транслируются, осмысляются. Я слушаю, начинаю понимать: да, это интересно, в этом есть энергия. И это вдохновляет!

Мой первый день с бездомными

Кирилл Влодзимирский — волонтер группы.

Помощь бездомным, нуждающимся людям показалась мне наиболее очевидным и понятным направлением для движения в сторону волонтерской деятельности.

Первый день начался со знакомства с другими участниками группы. Сложно передать ощущение, когда видишь перед собой группу совершенно разных людей, разных возрастов, принадлежащих к различным профессиональным областям и социальным ячейкам, которые при этом объединены общей целью. Каждый человек индивидуален, кто-то предпочитает общение на «вы», кто-то довольно быстро переключается на «ты» и находит общие темы. Ключевая особенность волонтерской группы — это её открытый характер. Иначе говоря, члены группы регулярно обновляются, наравне с опытными участниками работают новенькие. И чтобы деятельность группы могла продолжаться, важно уметь договариваться.

Наша задача — приготовить обед на несколько десятков бездомных, отвезти к вокзалу и накормить людей.

Кто-то подготавливает продукты, кто-то готовит или фасует вещи. Весь процесс должен быть отлажен, а каждый его участник должен понимать, что он делает и для чего, иначе общий механизм останавливается, возникают конфликты и недопонимание.

Основной этап приготовлений заканчивается, и наступает время совместного ужина. Это тоже важный этап, который позволяет волонтерам не только предложить друг другу помощь в достижении общей цели, но и услышать друг друга, понять, в каком состоянии находится тот или иной участник группы. Координатор Дмитрий Иванин подводит итоги месяца, распределяет так называемые «служения» — задачи, которые могут взять на себя опытные волонтеры и нести за них ответственность. Формальная беседа постепенно перетекает в дружескую, кто-то шутит, некоторые заводят беседы о высоком или насущном, другие остаются молчаливыми наблюдателями.

На этот раз в группе двое новеньких, включая меня. Координатор отсаживает нас в сторону и рассказывает о жизни движения, его основных правилах, отвечает на наши вопросы. Предупреждает о возможности выгорания, ведь, как и в любой деятельности, на определенных этапах человек может терять мотивацию — желание вновь и вновь производить одни и те же действия и ничего не получать взамен. Также важно понимать, что волонтеры, к сожалению, не в силах изменить жизни подопечных. Но они вправе проявить милосердие и оказать локальную поддержку нуждающимся, и, возможно, поспособствовать этим в позитивных изменениях, на которые должен решиться и найти в себе силы сам подопечный.

...Приближается время выезда на раздачу. Происходят последние приготовления. Движение опытных волонтеров выверены и точны. Новенькие помогают, чем могут.

На точке сбора у Павелецкого вокзала уже собралась группа ожидающих людей. Раздача происходит так же, как и процесс приготовления. Каждый участник отвечает за определенный этап раздачи, кто-то наливает суп, другой подает хлеб и так далее. Мне повезло, и я смог участвовать непосредственно в раздаче. Черета глаз и рук сливаются в единый поток, в кровь выбрасывается адреналин. Но с тревогой удается совладать, ведь потоком людей управляет координатор, а опытные коллеги всегда готовы помочь и поддержать в нужный момент, когда что-то заканчивается и нужно найти необходимую вещь или открыть очередную сумку.

Постепенно во всей этой суматохе начинаешь замечать, что большинство пришедших людей выглядят обычно. Бабушка в платке и старой, потертой куртке, дедушка с седыми волосами и бородой, чем-то отдаленно напоминающий образ Льва Толстого из школьных уроков литературы. Всех этих людей мы можем наблюдать ежедневно в метро, по пути на работу или на улице, гуляя по парку. В глазах читается целый спектр эмоций, но в большинстве случаев люди настроены положительно, выражают благодарность, некоторые шутят и заговаривают с волонтерами на отстраненные темы. Вокруг более опытных волонтеров собираются небольшие группы, выстраивается диалог, люди делятся историями из своей жизни. Ведь быть услышанным не менее важно, чем быть сытым и иметь одежду по сезону.

Раздача подходит к концу, люди расходятся. Самые активные участники продолжают общаться с координатором и другими волонтерами. Постепенно расходятся и они. Атмосфера окрестностей Павелецкого вокзала приобретает привычный вид. Подопечные сливаются с бесконечными человеческими массами, возвращаясь к привычной жизни. Участники группы прощаются друг

с другом до следующей встречи. Мой первый день в обществе волонтеров заканчивается...

Чем кормят бездомных на улице?

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку», волонтер, журналист.

***Как зима — так начинаются разговоры: кормить или нет бездомных на улице. Но пусть лучше волонтер Юлия Гусакова расскажет про то, как и из чего готовятся для них обе-
ды, и как заваривают чай.***

«К часу дня я приехала на Дербеневскую улицу: здесь христианский культурный центр «Встреча» дал приют нашей волонтерской группе помощи бездомным людям движения «Даниловцы». В смысле — выделил для наших нужд свою кухню, на которой координатор группы Дима Иванин и его волонтеры каждую субботу готовят горячий ужин для наших бездомных подопечных с Павелецкого вокзала.

Сегодня шеф-поваром выступает Юра: это одна из традиций группы, каждый раз кто-то становится шефом. Он продумывает, какие продукты надо купить заранее, и командует процессом. Сегодня в меню куриный суп, овощной салат и горячий чай. Вот волонтеры внесли сумки с продуктами, процесс пошел: на плите гигантская (на 32 литра) кастрюля с водой, волонтеры чистят лук, морковь и картошку, режут огурцы, помидоры, пекинскую капусту и красный сладкий перец на салат. Идет общий разговор — у кого как дела, кто на какое кино сходил или что прочел недавно. Дима включает аудио-лекцию «Встреча, которая может изменить жизнь». Ее читает итальянец Алессандро Салаконе, представитель общины святого Эгидия в Москве.

Он поразительно хорошо говорит по-русски, мысли его просты и парадоксальны, заставляют иначе взглянуть на привычные вещи.

Волонтёров человек восемь, они меняются в процессе — кто-то уходит, их сменяют другие. Половина шестого, скоро выходить: в гигантский старинный заварник высыпается пачка чёрного чая, в суп добавляются приправы, соль и зелень. Пахнет душисто, по-домашнему. По пластиковым контейнерам фасуется салат, а в маленькие пакетики раскладываются хлеб, печенье и конфеты. Всё это погружается в сумки. Юра и Ибрагим переливают суп в три больших пластиковых синих ведра с крышками. И вот провизия снесена в предбанник, мы в верхней одежде и готовы выдвигаться. Волонтёр Саша на своём личном авто приехал помочь. Я часто встречаю его в разных наших группах — и в ДДИ №24, и в ремонтах, и на Рождественских и Пасхальных ужинах, и из офиса «Даниловцев» что-то отвезти-привезти он помогает.

Точка, где происходит встреча наших волонтёров с бездомными людьми, находится возле выхода из метро «Павелецкая» на Новокузнецкой напротив вокзала. Субботний вечер, в тёплом свете уличных фонарей крутятся снежинки. Тепло, снег мокрый, на дороге ледяная каша. Возле точки стоит один из подопечных — крупный, средних лет, с окладистой бородой. «Это же вы, да? Сейчас нашим скажу, они в переходе ждут». Подходят мужчины, по двое, по трое. Один, чуть подвыпивший, с удовольствием затевает диалог с Ибрагимом.

Ибрагим живёт недалеко отсюда. Однажды шёл домой, увидел нас, но не подошел. Искал потом в интернете, кто помогает бездомным возле Павелецкого. Потом пошёл знакомиться лично. Так в группу и попал, но помогает он не только здесь.

Бездомный Виталик жалуется на то, что уже четвертый день ходит с промокшими ногами, негде просушиться. Вспоминаю про «Дом друзей на улице», который открылся совсем недавно. Пишу их адрес и телефон, но снег быстро мочит тетрадный лист, размывает буквы. Виталику кто-то звонит на сотовый. Это не смартфон, кнопки его светятся ярким ультрамарином. Он деловито объясняет что-то невидимому собеседнику, прощается с ним, а потом говорит, что воевал на Донбассе, что приехал на заработки сюда, но что-то не так пошло... И хорошо, что хоть мы приходим. В его глазах стоят крупные слёзы.

Люди подходят и подходят, окружают раскладной пластиковый стол. Координатор Дима Иванин призывает всех к порядку, объясняет правила. Раздаёт номерки сначала женщинам («дамам», как Дима их называет), потом мужчинам. Дам раз в три меньше, чем мужчин. Здесь молодая брюнетка, явно пьющая. Она нервничает, ей хочется скорей-скорей. Есть круглолицая женщина в платке, она будет брать двойную порцию — позже к ней пришла девочка лет девяти. Есть женщины средних лет, есть постарше и совсем старушки. Одеты все аккуратно, многие чисто. Увидев их на улице, вы и подумать бы не смогли, что это бездомные или сильно нуждающиеся... Идя сюда, больше всего я боялась скверного запаха. Но этот специфический запах — немытого тела, нечистот, пота, болезни, запах неблагополучия — почти не ощущается, несмотря на то, что подопечные наши всего в шаге от нас.

Мужчины разные — много средних лет, есть и пара-тройка молодых. Косматые, бородатые. Часть мужчин сильно побита жизнью на улице — черты лица у них грубые, подпухшие от выпивки, грубые руки с полусогнутыми пальцами, с тёмными ногтями, от них идёт запах перегара. Но есть лица и светлые, и ясные глаза. Они вереницей идут мимо нас по ту сторону стола. А с этой стороны —

конвейер из волонтеров: первый наливает суп в большой пластиковый стакан, Юлия даёт салат, Ибрагим — вилку, я сверху кладу пакетик с хлебом и конфетками. Подопечный берёт в одну руку суп в стакане, а салат с хлебом кладу ему в сумку или пакет. Редко у кого нет сумки или пакетика. Какие такие важные нужности в тех потёртых торбах? Они, как и мы, люди, живут в одном с нами мире. Но насколько же их жизнь иначе устроена! И что бы я положила в пакет, если бы мне пришлось зимой жить на вокзале?

Я провела на улице полтора-два часа. Колготки, носки и башмаки на меху не спасли меня от холода. Полностью вымокли перчатки и шапка, сверху подмок пуховик. Я зашла в тёплое светлое метро и быстро отогрелась. Доехала домой, повесила одежду сушиться, выпила горячего чая, съела вкусенького. Сажу вот за компьютером, пишу. Потом в ванной полежу, потом — в тёплую постель. И мне стыдно, что я, в отличие от наших подопечных с Павелецкого вокзала, счастливо избавлена от неведомых испытаний холодом, голодом, недосыпом, болезнями, унижениями и Бог знает, чем ещё...

Возможно, утешаю себя я, не все из них бездомны, а просто крайне бедны. Возможно, у кого-то есть и постель, и ванна, и возможность высушить одежду. Но другая часть совершенно точно этого лишена! Лишена того, что многие из нас считают чем-то безусловно разумеющимся. Но так ли много в этом нашем уютном положении личной заслуги? И так ли мало в этом череды добрых случайностей? Виталий сказал мне: «Понимаешь, я бы просто хотел нормально лечь и поспать. Просто поспать, понимаешь?» И в его глазах опять появились крупные слёзы. Я кивнула. Ну а что мне было ему ответить? Что я и примерно не представляю и малейшей части тех испытаний, что выпали на его долю?

Кто-то благодарил нас. Немногие, да, зато тепло и искренне. Кто-то просто кивал, другие же брали молча и уступали место следующим. А некоторые и недовольны остались — а хлеба еще дайте, да не того, белого, а тут без конфеты почему, нет, не надо мне такого... Похоже, отношение к миру никак не зависит от социального статуса.

После еды началась раздача мыла, шампуня, одноразовых бритв, тёплых вещей и носков. С каждым новым подходом к нашему столу дисциплина расшатывалась всё больше, и на раздаче носков и вещей хаос победил установленный Димой порядок. Бездомные люди уже были не только с той стороны стола, но и с этой, пытаясь как-то в обход товарищей переговорить с другими волонтерами и получить необходимое без очереди.

Волонтеры подмерзли, за нами — груда пустых ведёр и сумок, всё припорошено мокрым снегом, перед нами — пустой пластиковый стол. Подопечные расходятся, по одному и компаниями. Волонтеры тоже собираются. На часах половина девятого, но это ещё не конец долгого дня: надо вернуться в ХКЦ «Встреча», вымыть посуду».

Олега не видели?

Виктория Дегтева — волонтер группы.

...Олег давно не появлялся у стола на Павелецкой площади. Волонтеры безуспешно выглядывали его в толпе из 70 человек бездомных, разливая суп, и нехотя отдавали другому ботинки, припасенные именно для него. Когда бездомный пропадает из поля зрения, никогда не знаешь: лежит ли он где-то пьяный, живой ли, или, наоборот, нашел работу, дом. Олег — любимец многих ребят, приходящих в группу помощи долгое время. Он никогда не бывал слишком пьян, прилично выглядел и со всеми дружелюбно общался. Волонтер Паша угощал его сигаре-

той, Юля приветливо болтала о том-о сем, и от ее внимания лицо Олега всегда расплывалось хитрой кокетливой улыбкой.

Юля стала волонтером почти год назад и за это время не пропустила практически ни одной субботы. Она не жалела сил, чтобы за час до начала группы ездить на склад за необходимым, нести на себе сразу два служения — ответственность за гигиенические принадлежности для подопечных и сортировку одежды на складе. Она оставалась последней, чтобы перебрать полки на кухне и вымыть полы. Да и бездомные души в ней не чаяли, и стоило ей задержаться, как со всех сторон о ней сыпались вопросы.

Первое время, месяца четыре, Юля испытывала восторг. Трудно было сказать, зачем нужна вся прочая жизнь. В сравнении с субботой все события казались бессмысленными. Ничто не наполняло так, не делало глубоким и осмысленным существование, как реальная видимая помощь страдающим и нуждающимся в тебе людям. Но время шло, и мотивация менялась. Появлялись личные отношения с бездомными, не всегда простые. Любить их безусловно как саму идею о добре уже не получалось. А главное, ничего качественно нового не происходило. Одна и та же суббота начиналась одинаково из недели в неделю, на вокзал приходили те же люди, и в их жизни не было улучшений. Им было привычно и комфортно влачить убогий, голодный и запойный образ жизни. И сколько Юля ни старалась, сколь усердно ни чистила картошку и ни сортировала конфеты по паке-тикам, она так никого и не спасла.

Бесследно прошло опьяняющее чувство восхищения собой и стало неловко за то, что ему вообще было место. Волонтеры вокруг сменяли друг друга, переоценив свои силы, а люди, не покидающие группу годами, казались все менее родными.

Оставались только подопечные Олег и Татьяна — как причина и смысл. Бездомный пьяница-сирота и женщина в инвалидной коляске, не встающая с нее уже очень давно и ночующая на вокзале. Оба эти человека стали для Юли важными. Они делились с ней деталями своей жизни. Она приходила к ним вне группы поговорить, помогала тем, что могла предложить.

Инвалидное кресло Татьяны передвигалось с трудом, у него не было двух маленьких колесиков спереди, из-за чего штыри от них шаркали по земле, когда Татьяна крутила большие колеса. Те тоже смотрели в разные стороны и поддавались манипуляции с трудом. Поэтому перемещалась Татьяна только по острой необходимости. В основном она сидела возле метро, наблюдала за людьми, общалась с местным контингентом бездомных и читала обрывки газет. На шее у нее красовались бусы, подаренные какой-то верующей из ближайшего храма, и почему-то Татьяна всегда была в хорошем расположении духа. Прошлую зиму женщина провела в другом городе, где ей пришлось пережить череду неких страшных трагедий, которые и привели ее в Москву, на Павелецкий вокзал. Подробности этих событий, к слову, иногда менялись в рассказах, что, в общем, не меняло итога. Зима 2018 года должна была стать первой, которую Татьяна планировала пережить одна, на улице, в сломанном инвалидном кресле.

Ситуация с Татьяной пугала и злила Юлю больше всего. Вот человек, которому нужна помощь. Вот мы, волонтеры, находимся тут будто бы ради этого, но ничего не меняется.

Олег, пообещавший Юле больше не воровать и найти работу, давно не появлялся на вокзале. Он, наверняка, тоже попал в передрыгу, и она ничего не смогла с этим сделать. Юля поняла, что ей пора уходить.

Неделю назад волонтеры группы помощи бездомным купили новую коляску для Татьяны. Теперь женщина может комфортно и быстро перемещаться. В тот же день позвонил Олег:

— Привет. Я в Твери, нашел работу тут. Живу у троюродного брата. Спасибо тебе за все.

Мы делаем то, что можем сделать, по капле. Если результат не сразу заметен, совсем не значит, что его нет.

Любить людей сложнее, чем животных

Виктория Дёгтева — волонтер группы.

Что такое праздник для бездомного?

Нет, сначала — что такое праздник? Запах салатов у мамы дома. Звон бокалов. Суета. Предвкушение радости и уюта. Выбирать подарки в тайне от близкого. Прятать до нужного времени. Писать в открытку тёплые слова, чтобы наблюдать потом, как бегут по ним справа налево зрачки чьих-то глаз и смущённо улыбаются губы. Ощущение нужности и повод сказать о любви без стеснения, позаботиться о дорогих сердцу людях, побыть дома. Если, конечно, дом есть. Есть, кому и о ком позаботиться.

А как насчет тех, чья жизнь — выживание, кто пребывает в ощущении вечной готовности воевать? Отвоёвывать право на существование, защищать остатки униженного самолюбия изо дня в день. Что за праздник у них? День, когда пустили в метро и не замерз в сугробе, когда удалось поспать лежа, а не сидя, день, когда не пришлось прятаться от охраны вокзала? Мы стараемся не смотреть в их сторону. Ну, что смотреть на бомжа, ведь «довёл себя сам», «хотел бы жить по-человечески...», да чаще всего и оправданий не надо для отвращения. Оно стало естественной реакцией.

Я в очереди в магазине. 9 утра. Боковым зрением замечаю вставших за мной и, естественно, не поворачиваю головы. И так знаю, кто там. Перегар моментально отрезает доступ кислорода так, что начинает тошнить. Клацают монетки в руке — пересчитывают, звенят бутылки белой. Мне привычно неприятно. Сейчас обернусь и окину презрительным взглядом. Брови уже наготове — сведены и нахмурены. Поворачиваю голову — девушка и мужчина. Потрепанные, опухшие, неопределенного возраста, все, как положено.

Но только вот она его за шею обнимает, а он улыбается, бурчит что-то нежное прокуренным голосом. Что мы знаем-то о них? О тех, кого считаем асоциальным рудиментом общества. Кого так стремимся осуждать, поучать. Поучайте-ка лучше ваших паучат.

Волонтеры «Даниловцев» на Павелецком вокзале каждую субботу кормят бездомных. Сами готовят утром. Упаковывают по пакетикам хлеб, конфетку туда кладут одну, одно печенье.

Поесть сюда приходят разные люди. От аккуратненьких бабуленек до людей в совсем уж «плохом» состоянии. За супом, вторым и этим вот пакетиком. «А с конфеткой осталось?», — спрашивают. Тело она не согреет им, в отличие от чая, а вот душу — да. Да и волонтеры тут разные — от конфессий до гражданства. И все же объединяет их всех умение увидеть другого, заметить. Тут называют это «тайной». Прикоснуться к «тайне бездомности». Ее не пытаются разгадать, поставить диагноз, вынести вердикт. Лишь поддержать того, кто пришел за этим сюда. Поговорить о простом, накормить. Дать почувствовать, что рядом кто-то есть. Кто-то, кому не все равно — жив ты или мертв, голоден или сыт, замерз или согрет. Кто готов просто быть тут в 6:30 вечера по субботам ради тебя, с тобой.

Да, может, покажется, что этого мало. Ну что они сделали? Кого спасли? Но разве помощь может быть только в спасении? У одной из благотворительных организаций отличный слоган: «Если человека нельзя вылечить, это не значит, что ему нельзя помочь». Кажется, в случае с бездомными цитата работает не хуже. У каждого из них есть личная трагедия, может быть, по случайности, может, по глупости, может, сам виноват, а может, не сам. Страдания остаются страданиями, кто бы ни был в них виноват. Бог знает, сможет ли хоть один из этих людей снова встать в гладковыбритые ряды «нормальных». Чтобы подняться, нужна нехилая вера в себя и людей. Может, для кого-то эти 30 минут на Павелецком и есть та соломинка, которая держит их на плаву. Не дает забыть, что ты человек.

Мои знакомые говорят, что охотнее бы животным помогли, чем бомжам на вокзале. Да я и сама животных люблю. В моем подъезде живёт старушка с собакой. Старушка дородная, собака — бульдог. На улице их не заметить трудно. Она идёт медленно, с отдышкой через каждые пару шагов. Собака на коротком поводке вынуждена двигаться так же, ведь стоит ей на полметра отдалиться от хозяйки или потянуть поводок, женщина заливается гневным криком. Лицо ее багровеет, она дергает пса назад и лупит по спине поводком. Сердце кровью обливается. Эти вопли слышны на высоких этажах соседних панелек и повторяются ежедневно на протяжении часа, за который гуляющие успевают лишь сделать круг возле дворовой школы.

Пса невозможно жалко. Я злюсь и плотнее закрываю окна. А недавно взгляделась в лицо живодерки, и стало не по себе. Заплывшая, дышит трудно. Охает, вздыхает. Пса-то, конечно, жалко, но почему-то ни разу раньше не было жалко ее. Эту одинокую, больную и старую

женщину, явно страдающую на исходе лет. С единственным родным существом — бульдогом. Не будь у нее этой собаки — не делай она круг возле школы, не чувствовала бы себя нужной этому миру. И может быть, была бы еще несчастней и больней. Любить людей сложнее, чем животных.

...Чувствовать себя нужным. Что-то из детства. Когда жизнь казалось сложной, а на деле была простой. Любили ни за что-то, а вопреки, не только мама, но все вокруг. Были рады тому, что ты есть. И праздник. Тоже из детства. Ощущение это. «Даниловцы» своим подопечным праздники устраивают регулярно. Сидят за горой открыток на 23-е февраля, пишут теплые слова своим чужим бездомным. Спорят, что дарить женщинам, чтобы побаловать, порадовать: цветы, гигиеническую помаду? Зачем бездомному цветы или открытка, когда у него еды нет? Да просто потому, что цветы и открытка приятны любому человеку, а бездомный — человек.

На Пасху тоже были отложены конфеты. Берегли специально, чтобы поздравить. Дома у волонтеров пахло сдобой куличей. Они красили яйца — дарить своим подопечным и возвещать Благоую весть.

Праздник — это ощущение праздника. Для всех.

Ни один нормальный человек не может быть доволен положением бездомного!

Юрий Капул — волонтер группы.

Наша группа встречается с бездомными и малоимущими вблизи метро Павелецкая регулярно — каждую субботу. Мы делимся с нуждающимися приготовленной собственными руками едой, средствами гигиены и иногда немного одеждой. На встречу с волонтерами каждую неделю приходит

ориентировочно 50–70 человек, основная масса из них постоянные гости. А это значит, что для этих людей наша помощь важна и они готовы ждать ее, иногда даже проводя долгое время на морозе.

Как я попал в эту тему?

Дело в том, что, работая каждый день в офисе с документами, можно реализоваться в качестве профессионала, но не всегда в качестве человека. На мой взгляд, достичь внутренней гармонии можно, если ты не только получаешь от жизни, но и отдаешь другим. «Даниловцы» занимаются многими направлениями — работа с детьми в больницах и детских домах, благотворительные ремонты для малоимущих, даже переписка с заключенными. Но я выбрал именно группу помощи бездомным потому, что считал свою помощь здесь наиболее нужной. Детям в детских домах помогать хотят многие, а вот к бездомным люди часто относятся предубежденно. Тем не менее, эту работу тоже должен кто-то делать. Кто-то другой? А найдется ли этот другой, если им не стану я?

Вспоминаю свой первый выход вместе с даниловцами. По-моему, это было летом 2013 года. Я немного волновался, так как плохо себе представлял, как все пройдет и с чем придется столкнуться. И надо сказать, что начало выхода действительно получилось суровым. Стоило нам подойти к обычному месту встречи, как мы увидели пожилого плохо одетого человека. Очевидно, в ожидании нас он много выпил, после чего упал и рассек себе лоб об ограду клумбы. Его лицо, одежда и асфальт вокруг были залиты кровью.

— Александр Петрович! — в испуге воскликнула Татьяна Зайцева, основатель и на тот момент координатор нашей группы, — что с Вами случилось?

В этот момент грязный, обросший щетиной пожилой мужчина с рыданиями вознес окровавленные руки к небу

и закричал «О господи, мой боже! Ты единственный верный и преданный мой друг!».

Татьяна успокоила пострадавшего, обработала ему ссадину перекисью водорода. Как раз подоспели работники социального патруля, чтобы оказать ему профессиональную медицинскую помощь.

Александр Петрович — в прошлом офицер армии, служил в Афганистане. Мы не знали почему — в мире случается много страшных историй, — но в последствии его сознание исказилось, и постепенно он опустил на самое дно.

С течением времени Александр Петрович стал приходить на выходы реже и выглядел все хуже и хуже, а потом исчез совсем. Куда бездомные исчезают с улиц? К сожалению, в лучшие места — очень редко...

Сцена первого выхода врезалась в память. За следующие два года я стал свидетелем и других сцен, узнал много людей и историй. Рассказать их все в формате этой статьи нереально.

Полученный мной за это время опыт оказался достаточным для того, чтобы пересмотреть для себя ряд стереотипов, которые есть в обществе в отношении бездомных.

Во-первых, мы недооцениваем масштаб проблемы бездомности и нищеты. Обычно, образ «бомжа» в нашем сознании — это грязное обросшее бесполое создание, спящее на лавке в вагоне метро и распугивающее пассажиров ужасным смрадом.

Но это лишь верхушка айсберга. Грязными и вонючими, как правило, бывает меньшинство бездомных — люди с запущенными психическими болезнями и алкоголизмом. Глядя на многих бездомных, приходящих к нам на Павелецкую, ловишь себя на мысли, что в толпе их не отличишь от рядовых обывателей. Они бывают добротны,

хоть и не с иголки, одеты и регулярно моются (в Москве есть места, где любой может вымыться бесплатно — было бы желание). Однако, если присмотреться, обращает на себя внимание их изможденный вид.

Во-вторых, многие из нас презрительно относятся к бездомным, считая их дармоедами, которые не хотят работать и вполне довольны своим положением, получая еду и одежду от общественных организаций.

Могу заверить, ни один нормальный человек не может быть доволен положением бездомного. Быть бездомным — не значит иметь дармовую еду и одежду. Это значит вести очень и очень тяжелую жизнь. Невыносимую жизнь. Не пожелаю никому такую жизнь попробовать.

Бездомный на улице — это постоянная мишень для холода, голода, злых людей, которые могут оскорбить и даже избить бездомного, потому что он является для них единственным объектом, на котором они могут проявить собственное превосходство. Это постоянные косые взгляды, позор, бесприютность и неспособность защитить себя. У бездомного нет возможности, устав от всего этого, зайти домой и закрыть за собой дверь на ключ. Часто единственным способом хоть как-то убежать от этого стресса является дешевый алкоголь, который еще больше усугубляет положение.

Почему же бездомные не могут, как все мы, найти работу, пусть низкоквалифицированную, и начать новую жизнь?

К слову сказать, многие из них подрабатывают, например, раздачей листовок или пытаются найти работу, но без документов и регистрации они не защищены от произвола работодателя, который после месяца тяжелого труда, например, на стройке, может просто выгнать их вон. Но суть даже не в этом.

Как говорил бывший координатор нашей группы Данияр Шамканов, бездомный человек — это как человек со сломанным позвоночником. Только когда мы видим парализованного, у нас не возникнет даже мысли усмехаться над ним, призывать его встать и «начать новую жизнь».

У человека бездомного, опустившегося, сломан внутренний стержень, духовный стержень. Мы не видим его и поэтому недоумеваем, «почему у человека ноги-руки есть, голова тоже на месте, а работать не идет».

В развитие этой мысли также высказался мой знакомый, хороший врач. По его мнению, подавляющее большинство бездомных страдают в разной степени тяжести психическими заболеваниями — шизофренией либо слабоумием.

Исходя из своих наблюдений, я склонен с этим согласиться. Общаясь с этими людьми, замечаешь немало странностей — в их речи, рассуждениях, поведении. Сегодня один слезно просит помочь ему с восстановлением паспорта, работой, покупкой билета на родину, уверяя, что будет упорно трудиться; а после почему-то впадает в состояние рассеянности, забывает о назначенных встречах, вновь теряет только что восстановленные документы, а уехав в свой город, вновь возвращается в Москву, пополняя ряды бездомной братии.

Мы в этих случаях часто говорим «они сами виноваты в своем положении». Да, бесспорно, многие (не все) из них попали на улицу из-за своих дурных наклонностей — пьянства, асоциального образа жизни. На улице они продолжают вести асоциальный образ жизни — пить, воровать. Даже на благотворительной раздаче для бездомных иногда можно столкнуться с некорректным поведением и неблагодарностью со стороны отдельных людей, которым мы помогаем.

Здесь перед нами стоит вопрос морального выбора. Отгородиться и быть строгим судьей? Поступить так проще всего. Сложнее — попытаться понять и быть милосердным независимо от того, виноват ли человек, плох он или хорош. Верю, что лишь в этом случае можно заронить плодотворное семя и разорвать сложившийся порочный круг.

Не стоит сравнивать бездомных людей с собой. В психологии и психиатрии это называется «неправомочное сравнение». Каждый человек индивидуален, имеет различный запас прочности. И главное, у каждого из нас очень разный жизненный опыт. Я не могу сказать с уверенностью, что бы собой представлял сам, выпади на мою долю такие удары, какие приходились на долю многих из этих людей.

Поэтому считаю, что больным людям нужно от нас не осуждение, а помощь. В идеале, чтобы полностью реабилитировать одного бездомного, нужны большие вложения — арендовать ему жилье, где бы он мог отлежаться, восстановившись от шока жизни на улице, откормить, привлечь нужных специалистов — психолога, а если нужно — психиатра и нарколога. И только после этой реабилитации человек вновь сможет почувствовать себя человеком и подумать о возвращении в нормальную жизнь, о поиске работы.

Поставить хотя бы одного упавшего на ноги — задача мессианская. А наши возможности ограничены. Но чем не предпринимать ничего вообще, можно хотя бы порадовать замерзающего тарелкой горячего супа и теплым свитером. Это наш вклад, который мы можем сделать, не претендуя на роль властителей судеб.

Готовя эту статью, я испытываю достаточно сложные эмоции. Долгое время никак не афишировал свою работу с бездомными. Позерства не хочется. При этом многие

люди, с которыми мне приходилось общаться на эту тему, реагировали негативно: «Фу, это же бомжи! Зачем ты им помогаешь? Тебе делать нечего?». Постоянно спорить и переубеждать не хочется тоже.

Решил написать потому, что заметил — есть люди потенциально склонные к милосердию и готовые помогать, но им нужен какой-то спусковой крючок для этого. Чей-то рассказ, чей-то пример. Ведь мы часто стесняемся совершать добрые поступки, опасаясь, как на это посмотрят...

Наши маленькие радости

Дмитрий Иванин — координатор группы.

В мае у нашей группы было много маленьких радостей — это и новые волонтеры, и новые проекты, и просто предчувствие лета. За последнее время к нам стало приходить больше женщин, и появилось несколько домашних старушек.

Погода пугала, и мы старались готовить два горячих блюда — кратковременное тепло лишило многих бездомных теплых вещей, а организм еще не окреп после зимы. Чтобы оптимизировать процесс, под второе мы купили специальную большую гастроемкость и изокороб, и теперь не тратим время, заранее раскладывая второе по порционным контейнерам.

От горячей пищи они сильно плавились и протекали, из-за чего и раздавать их было неприятно, и в негодность пришел наш старый термоконтейнер — он был для мороженого.

Благодаря ТЦ «Вишневый сад» мы пригласили в театр наших подопечных, правда, пришел только один. Зато мы посмотрели и обсудили Тартюфа и попили кофе.

К нам пришли несколько новых волонтеров — Александр и Дарья. Благодаря Дарье мы наконец-то смогли перебрать последние пожертвования. Большинство вещей оказались бесполезными — нам пришлось вынести на помойку полных восемь мешков, но мы смогли и привезти полмашины одежды на Павелецкую. Волонтерам, правда, пришлось идти пешком, зато у наших подопечных появилась свежая одежда и небольшой запас на случай, если погода снова начнет капризничать. Однако теплую одежду уже почти никто не брал и, доверяясь интуиции бездомных, мы надеемся, что хорошая погода надежно установилась в Москве.

Мы немного поговорили о планах на лето, и опять актуальными стали вакансии сезонной и вахтовой работы, жаль, искать и проверять их пока сил не хватает, да и не многим опытным бездомным удастся сразу перестроиться с уличной жизни на трезвую и трудовую. Но именно работа в сознании многих воспринимается как средство вырваться из замкнутого круга уличной жизни, и это очень нас радует.

Одному молодому человеку удалось пройти собеседование на сторожа, и он просил у нас мобильный телефон — симка у него есть, но вдруг с фирмы не дозвонятся и отдадут место другому. Еще к нам пришел настоящий албанец, который практически ничего не понимал по-русски. Он выглядел очень чисто и солидно, при нем был паспорт. Его обокрали, и он никак не может связаться с родными — у него есть внутренний номер, но он не понимает, как позвонить в Албанию, какие цифры лишние. Минут 10 мы пробовали разные комбинации с нашего мобильного, но так ничего и не добились, и посоветовали ему обратиться в фонд «Гражданское содействие», где есть переводчики. В посольство он почему-то идти не захотел.

А уже недалеко от Даниловского монастыря мы встретили Надежду — она на улице всего несколько недель, но чувствует себя надломленной — тяжелая семейная драма, потеря жилья и нежелание более обременять дальних родственников. А ведь Надежда потомственная москвичка, закончила факультет иностранных языков, работала личным помощником директора компании. Учитывая, что Надежда москвичка, мы надеемся, что ее смогут взять на ресоциализацию и оказать помощь в ЦСА им. Глинки.

Еще мы готовим небольшой вечер, посвященный Дню России — просмотр кино, чаепитие и группу общения. Учиться проводить такие вечера нам помогает Геннадий — сам бывший бездомный и алкоголик, он долгое время вел для бездомных группы поддержки в Армии Спасения, а теперь вот передает технологию нам...

ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ «КУНЦЕВСКИЙ» (ЦССВ «КУНЦЕВСКИЙ»)

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2014 г. Волонтеры посещают детей со значительными задержками в психическом и физическом развитии, они не в состоянии самостоятельно передвигаться и говорить. Волонтеры организуют прогулки с детьми в небольшом парке на территории ЦССВ. На свежий воздух детей вывозят в колясках, на каждую коляску приходится один взрослый.

Старое название учреждения — детский дом-интернат №15.

Здесь улыбка — самая крутая награда

Юлия Курбатова — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Волонтеры «Даниловцев» посещают четыре московских Детских Дома-Интерната для детей-инвалидов — ДДИ. В этом году новым координатором в ДДИ №15 стала Юлия Курбатова. Всю неделю она работает в офисе, а по воскресеньям приходит в детдом гулять с детьми. Эти дети не ходят и не говорят, но Юлия уверяет, что их улыбка — самая крутая награда для волонтера.

Раньше Юлия Курбатова была волонтером в другом ДДИ. Там она получила первый опыт занятий с детьми, у которых есть нарушения в развитии. Она играла с ними, готовила творческие занятия. Сейчас перед Юлией стоит задача посложнее.

— Наши дети почти все в колясках и неречевые. Есть мальчик, у него была операция, его надо «расхаживать» понемногу. Девочка одна тоже ходит полноценно. И еще есть Маша, она делает все по своему желанию: хочет — на коляске, не хочет — сама ходит. Но это исключения.

— **И что вы делаете на прогулке?**

— Нас, как правило, в детдом приходит пятеро — я и четыре девушки-волонтера. Каждый берет одного ребенка, одну коляску. Волонтер волен сам выбирать способ общения — кто-то истории рассказывает, кто-то включает музыку, кто-то сам может спеть. У меня с собой всегда какие-то штучки есть — пузыри мыльные, шнурочки с узелками. Я предпринимаю попытки как-то улучшить моторику. Очень все тяжело идет, но недавно я слушала лекцию директора ЦЛП «Особое детство» Анны Битовой

и поняла, что такие дети безусловно чему-то научатся, если это повторять изо дня в день. И в меня это вселило дополнительную уверенность, что нужно продолжать.

Но, конечно, иногда и мне хочется просто песни попеть!

— Перед тем, как возглавить группу волонтеров, вы закончили Школу Координаторов. Вам это помогает сейчас?

— В рассылке движения «Даниловцы» я почти одновременно увидела два объявления: что ищут координатора в ДДИ №15 и что начат набор в Школу Координаторов. Я решила, что раз так все совпало, надо идти и пробовать. И Школа стала мне дополнительным подспорьем и придала уверенности в себе. Потому что есть разница: просто так пойдешь и будешь на своем опыте шишки получать, или тебя сначала научат, дадут какую-то информацию, структуру, алгоритм действий и уже после этого в дело пустят. То есть ты с самого начала все будешь делать правильно, а это же польза и детям, и волонтерам.

Оказалось, что все процессы, из которых состоит наша работа, уже описаны со стороны и волонтера, и координатора, и даже учреждения. И очень круто, когда у тебя большая целая картина разбита на части, и эти части четко и структурированно рассмотрены с разных сторон. Я до сих пор свои заметки просматриваю. Например, готовлюсь к собеседованию с новым волонтером и, хотя уже не одно собеседование провела, все равно пролистываю конспекты со Школы координаторов.

— Когда вы первый раз пришли в ДДИ, что вы там увидели? Зачем там вообще волонтеры?

— Я увидела добродушие персонала и очень комфортные условия, созданные для большинства подопечных. Я очень рада, что попала в такое учреждение, где сотрудники смотрят с тобой в одну сторону. Их цель —

не просто приход на работу. Большинство из нянечек и воспитателей чувствуют, что их предназначение — быть с детьми. Эти люди вызывают мое восхищение и уважение и дополнительно мотивируют приходить туда и помогать этим детям. Потому что ты тут не один, у тебя есть поддержка.

Изначально смысл нашей работы был в том, что мы приходим гулять с детьми по территории. Рук персонала на всё не хватает, и дети, как правило, гуляют в формате «подышать свежим воздухом» на террасе или веранде. Но кроме того, мы делаем этих детей более открытыми. Они чаще улыбаются, и эта реакция на окружающих становится постоянной. И сотрудники, находясь на работе и встречая эту улыбку, тоже дополнительно мотивируются. Мне кажется, мы там всю обстановку заряжаем положительным настроением.

Ну да, да, мне хочется в это верить! Я понимаю, что мы делаем простые вещи. Но внутри, в голове, я держу идею, что одно маленькое положительное действие связано со всеми другими и в итоге переходит во что-то большое, грандиозное и прекрасное. В какие-то новые условия, которые мы пытаемся для этих детей создать.

— **У вас постоянная группа волонтеров?**

— Да, четыре девушки как пришли с самого начала, так и продолжают ходить, и мне это безумно нравится. Они ответственно пришли в ДДИ, не просто так, а осознали и прочувствовали. Но я и на собеседовании старалась помочь расшифровать кандидату его внутреннюю мотивацию, максимально дать понять, чего человеку ожидать от наших прогулок. Девушки — большие молодцы. И я рада, что они с таким удовольствием проводят время с детьми. У нас создается такой немного хаотичный, но в целом очень веселый круг общения во время прогулок.

— **А ребята-волонтеры у вас есть?**

— У нас есть группа подопечных мальчиков, они крупные сами по себе, и плюс у них большие коляски с кучей каких-то наворотов. В зимнее время нам с девочками было тяжело. Если мы такую коляску брали, то чуть в горку — и ты прям упираешься и еле ее вкатываешь. И сначала парней-волонтеров совсем не было. Но недавно стали приходить трое. И с ними прогулки проходят еще лучше, потому что они берут на себя все самое тяжелое, и это очень выручает. И мы будем рады, если к нам придут еще ребята!

— **Расскажите немного о детях.**

— Например, есть такой Ислам, его не только волонтеры любят, но и вообще все ребята из детского дома. Он не разговаривает, не ходит, но при этом любит пританцовывать под музыку, у него живая мимика, он улыбается, хмурится и ярко выражает свои эмоции. В этой же группе есть Даша. Она любительница похохотать, любит мыльные пузыри. Зимой я для нее подбрасывала снег над головой, как будто нас засыпает. Ей нравятся такие простые представления, она всегда заливается смехом, и мы всячески дурачимся.

— **Я правильно понимаю, что волонтером у вас может быть любой?**

— Да. Я первое время переживала, что поскольку наши дети никакой обратной связи словесно не выражают, то и какую-то эмоциональную отдачу от них получить будет не так просто. И волонтер, придя и не увидев этой обратной связи, не сможет почувствовать смысл своей деятельности. Но связь будет. Этим детям надо больше времени, чтобы привыкнуть к человеку, почувствовать к нему расположение. Ты к ним приходишь два-три раза, они тебя уже узнают, реагируют на твою улыбку, взгляд, начинают ощущать тебя как близкого человека.

Связь появится — не за один раз, понадобится чуть больше сил, чуть больше времени. И потом уже нельзя будет прекратить к этим детям ходить. Это очень крутая награда за такие простые действия.

Дети, говорящие сердцем

Борис Голубев — волонтер группы

Дети в ДДИ №15 почти не ходят и не разговаривают. Но они узнают тех, кто им улыбается, и улыбаются в ответ. И те, кто пришел в детдом для детей-инвалидов волонтерами, бывают зачарованы этим местом: тихим и немного мистическим.

— Я начал ходить волонтером в ДДИ №15 совсем недавно, в воскресенье был мой второй поход, — говорит Борис Голубев. — Когда я впервые увидел ребят, сердце сжалось в трепете перед ними, я понял, как они нуждаются в поддержке. Особыми воспоминаниями теперь живет в сердце прогулка с Костиком. Замечательный парень, который старается изо всех сил идти вперед, когда мы гуляем, не думая, что будет потом, а вот здесь, сейчас! И пускай силы на время оставят, но Костик продолжает двигаться, и у него получается, он живет. После очередного круга прогулки мы присели на лавочку отдохнуть. Солнышко светит, птички поют, и Костик крепко сжимает мою руку, как бы призывая к разговору, к дружеской беседе, где не нужно слов. В тот момент я понял, что и Костик, и все другие воспитанники этого дома — это люди сердца. Сердцем они живут, сердцем чувствуют, и сердцем они разрушают все привычное мировоззрение. Потому что беседовать можно молча...

Я стал волонтером, потому что понял: так правильно

Сергей Яковлев — волонтер группы

Однажды вечером, наткнувшись на информацию о том, что в детский дом-интернат нужны люди, желающие помочь, я решил откликнуться. Почему? Кажется, что вопрос простой, но мне сложно подобрать слова, чтобы объяснить причину своего решения. Кажется, что любые доводы и рассуждения будут казаться шаблонными, притворными и лицемерными. Конечно, можно было бы начать рассказывать об идеях помощи ближнему, бескорыстии и так далее, и, мне кажется, именно так я и поступил бы раньше.

Но сейчас я думаю, что подобные решения просто принимаются в какой-то момент, основываясь где-то в глубине на непоколебимой уверенности в том, что именно так и нужно поступить, что так правильно. И уже не важно, знают ли окружающие тебя люди — родные, друзья и знакомые — что ты решил помогать болящим детям.

Раньше это было важно для меня. Делая что-то, что считается в обществе «хорошим поступком», я очень хотел, чтобы это увидели другие люди, чтобы они поняли, какой я добрый и хороший. Для меня было очень важно, что думают обо мне окружающие! Но сейчас необходимость быть «хорошим» в глазах других перестала быть для меня первостепенной.

Сегодня мне важно быть достойным человеком в собственных глазах, в глазах моих родных, немногих друзей и в глазах Бога. Хотя, конечно, нужно быть осторожным со словом «достойный». Приходя помогать ребёнку, мы не совершаем великого поступка, мы не становимся героями, мы лишь делаем то, что должен делать

каждый обычный человек. А со временем к тебе даже может прийти мысль: «А это я помогаю этому ребёнку, сидящему сейчас в коляске, или он помогает мне, делая мою жизнь полнее и осмысленнее?».

Придя в первый раз в ДДИ №15, первое, на что я обратил внимание, это добродушные, приветливые и открытые люди, которые так же, как и я, пришли в тот день на прогулку с детьми. У меня был опыт общения с малышами: в нашей семье четверо детей, и я самый старший, но никогда прежде я не сталкивался с детьми с особенностями в развитии.

Благодаря Анне Гарибян, координатору группы, которая провела ту прогулку рядом со мной, объясняя правила и тонкости общения с особенным ребёнком, моё первое посещение детского дома прошло плавно и спокойно. Думаю, мне повезло познакомиться с такими людьми: и с волонтерами, и с детьми.

Наши прогулки — это открытое окошко в большой мир

Юлия Курбатова — координатор группы.

У меня часто спрашивают: «Вот вы ходите гулять, а что конкретно вы там делаете, и в чем смысл этого?». Такой, казалось бы, чёткий вопрос, но однозначного ответа на него нет. Можно сказать, что мы делаем многое, не делая ничего особенного. Ведь даже простая прогулка с ребенком, который большую часть времени проводит в коляске, в значительной мере расширяет его кругозор, знакомит с окружающим миром и дает возможность видеть и слышать новое.

Во время прогулок с нами дети свободно гуляют на свежем воздухе, видят живую природу. Когда мы прихо-

дим, мы открываем маленькое окошко в большой и широкий мир, мир общения с обычными людьми.

А еще мы учим ребят радоваться и дружить. Дети начинают чаще улыбаться, находя своего друга, и улыбка входит у них в привычку. А когда у ребёнка есть способность улыбаться, у него больше возможностей для счастливой жизни. В ответ на улыбку люди из его окружения будут чаще дарить внимание и заботу.

И все это не только с нашими подопечными ребятами в колясках, но и с другими воспитанниками учреждения, которые самостоятельно, под присмотром воспитателей, совершают прогулки. Достаточно часто эти ребята составляют нам приятную компанию, рассказывают о том, как провели неделю, кто приезжал к ним в гости, где были они сами, делятся планами на жизнь, переживаниями. Ценность таких моментов сложно передать словами, но ощущается очень ярко!

Вся наша группа волонтеров состоит из невероятных людей, в первую очередь, наделенных внутренней силой и энергией, которой хватает не только на формирование своего личного успешного жизненного пути, но и на поддержку и неравнодушное отношение к проблемам детей-сирот.

Присоединяйтесь к нашей группе, где во время важных прогулок вы сможете принять живое и действенное участие в судьбах воспитанников!

День сурка

Анна Гарибян –координатор группы в 2014–2017 гг.

— *Вы к кому?*

— *Мы волонтеры. На прогулку с детьми.*

— *В какое отделение?*

— *В «Милосердие».*

Обычный ежевоскресный диалог на пропускном пункте в ЦССВ «Кунцевский». Далее следует сверка фамилий с утверждённым списком, проверка документов. Пара сотен шагов до главного входа, и вот уже знакомый коридор с выстроившимися детскими колясками. Некоторым из них сейчас придётся поработать и отвезти на свежий воздух детей, которые сами не могут выйти на прогулку...

Конечно, жители отделения «Милосердие» — главная причина наших встреч, их курлыканье на ангельском языке, которого мы, обычные люди, не понимаем, ладошки, за которые можно подержаться во время прогулки, а, если повезёт, то и отрешённые улыбки!

Но не только «милосердикам» достаётся внимание волонтеров. Почти каждый раз на прогулке нас сопровождают старшие воспитанники детдома. Со всеми из них мы знакомы, в курсе их привычек, манер, симпатий. Но в силу своего внутреннего устройства почти все из них забывают нас сразу после ухода. И каждый раз, встречаясь по воскресеньям, мы знакомимся заново. Получается своеобразный День Сурка!

— Привет, а как тебя зовут?

— Аня. А тебя зовут Даша.

— Да, а откуда ты знаешь моё имя?

— Я тебя помню, мы уже давно знакомы. Ты любишь смешариков и мультфильм «Холодное сердце».

Дальше ты начинаешь задавать вопросы, на которые часто наперёд знаешь ответы, становишься самым вниманием и заинтересованностью, потому что это именно то, что нужно этим подросткам — внимание и интерес.

И всё же у некоторых волонтеров каким-то удивительным образом получается победить День Сурка и преодолеть ловушки, которые расставляет память подростков.

Миша давно сдружился с Юлей Шарафутдиновой. Катя Алпатова подобрала персональный ключик к сердцу Светы и Димы. А Кирилл особенно расположился к Лере Еолян и, хотя она уже год, как переехала в другой город, Кирилл до сих пор её помнит и регулярно передаёт ей приветы. Вот такие чудеса творит распахнутое сердце и искренность.

Помните, чем заканчивается фильм «День сурка»? Испробовав все способы выбраться из петли времени и очень устав, Фил решает посвятить роковое 2 февраля полезным и добрым делам. Из дня в день Фил тратит время на благородные и бескорыстные поступки, о которых знает только он сам. И тогда, наконец, для него наступает завтра!

ЦЕНТР ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ И ДЕТСТВА «ЗЮЗИНО»

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2012 г. Волонтеры посещают детей, оказавшихся в приюте из-за трудной жизненной ситуации или временно лишившихся попечения родителей. Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются, гуляют, играют в спортивные игры.

Старое название учреждения — Социальный приют «Зюзино».

Если воспитанник хочет быть похожим на волонтера, это очень ценно!

Андрей Мурсеев — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Что за дети живут в приюте «Зюзино», как они туда попадают?

— Обычно там находится 40–50 детей, все — разных возрастов. Они поделены на четыре группы: младшая, где малыши 5–7 лет, средняя и две старшие. В младшей находятся все вместе — девочки и мальчики, а старшие — порознь. Там доходит до такого, что когда, допустим, группу девочек ведут на полдник, то мальчики туда зайти не могут. Ждут, когда группа девочек поест, а потом воспитатели отзванивают в группу мальчиков и говорят, что столовая свободна, теперь можно идти.

Воспитатели там очень строгие, и вообще все строго. Я, в принципе, понимаю, зачем это так устроено. Дисциплина там, с моей точки зрения, нужна. Но к нам, волонтерам, там очень дружелюбно относятся, с воспитателями взаимоотношения складываются отлично.

Нужно подчеркнуть, что приют «Зюзино» — социальный. Туда попадают не те дети, у которых нет родителей, а те, у которых какая-то сложная жизненная ситуация. Вот, например, мальчик, 13 лет. Он ушел из дома и провел два дня на улице. Ночью его останавливает наряд полиции и спрашивает: «А ты почему ночью один?» И тот честно говорит: «Я ушел из дома». Всё. Полиция передает его в органы опеки, а те, соответственно, начинают разбираться: почему ребенок ушел из семьи, что там за условия, в которых он живет. И вот на время разбирательств

нужно какое-то место, где бы он мог жить под опекой государства, пока родители одумаются и пока выясняются обстоятельства. В приюте можно провести от недели до двух лет. Это не место постоянного пребывания. Но если понятно, что ситуация тяжелая, то ребенка переводят в детский дом.

— **А в школу они как ходят?**

— Есть две общеобразовательные школы, которые взаимодействуют с приютом, и каждое утро детей отвозят туда на специальном микроавтобусе. А потом так же централизованно их забирают в приют. Хочу пояснить: когда ребенка забирают из семьи, он не понимает, зачем он должен находиться в этом приюте — там чужие люди, другие непонятные дети. У него есть желание вернуться обратно. Какая бы семья у него ни была, он принимает ее такой, какая она есть. И поэтому из приюта очень часто совершаются побеги. Была яркая история, когда две девочки сбежали и на попутках доехали до города Сочи. И там их остановил наряд полиции и сопроводил в Москву.

После того, как дети приезжают из школы, у них есть свободное время для выполнения домашнего задания, игр. По выходным к ним могут приходиться родители. Бывает, что родитель может забрать ребенка на целый день, но, конечно, с отметками, что он ведет его, например, в кино.

— **А вы когда приходите?**

— Тоже в воскресенье. Кроме нас приходят другие волонтеры с мастер-классами, так что от нехватки новой информации и общения там дети точно не страдают. Мне кажется, что за год, что они проведут в приюте, дети смогут посетить больше музеев, чем я за всю жизнь. А на все лето их увозят на море. И в сентябре, когда наша группа возобновляет посещение, там такие шоколадки ходят, что завидно становится. Три месяца на море! Супер...

— И зачем тогда вы ходите?

— У нашей волонтерской группы нет задачи быть нужным всем поголовно. Если из 40 воспитанников мы будем важны хотя бы для одного человека, то, с моей точки зрения, это уже смысл ходить и делать то, что мы делаем.

Наши волонтеры — это очень образованные люди. Я сейчас в уме перебираю тех, кто ходит в приют, и сразу мне в голову приходит ветеринар-хирург, юрист, архитектор, автомеханик, строитель, переводчик, философ, маркетолог. Мы даем возможность детям соприкоснуться с внешним миром. И в их возрасте, когда они еще не понимают, кем хотят быть и какой можно сделать выбор, мы им даем возможность увидеть состоявшихся в жизни людей: чем они занимаются, чем живут, как разговаривают, как они одеты, в конце концов. Это тоже очень важно. Когда ты к старшим заходишь в группу, они тебя как сканером мониторят: какие у тебя кроссовки и какой размер ботинок

В чем я вижу основную фишку. Дети, которых забрали органы опеки, обязаны учиться, соблюдать распорядок дня. И тут приходят взрослые дяди и тети и играют с ними в настольные игры, волейбол, футбол, бегают в салочки или просто приходят понянчиться. И ребенок рано или поздно подумает: им денег не платят, а они ходят, играют, радуются, тратят свое свободное время, хотя они все работающие люди... Мне кажется, тут такое зерно сеется, что, когда дети повзрослеют, они поймут, что можно поступать как-то по-доброму. А может, кто-то станет и волонтером.

Наша волонтерская группа — это не отряд спасения. Мы просто проводим время вместе с детьми. Играем, общаемся, находим друзей среди воспитанников. Если мы с кем-то общаемся, то делаем это на равных. Дети чувствуют себя с нами свободными, раскованными. Кто-то,

конечно, любит посидеть на лавочке, а кто-то, наоборот, ждет нас, и когда мы уходим, начинается: «А вы придете завтра? Не уходите!» Это показывает, что все у нас получается хорошо.

— И чем вы занимаетесь с подопечными? Пытаетесь каждый раз их чем-то удивить?

— Даже при том, что у нас посещения раз в неделю, этот вопрос всегда витает в воздухе: «А чем же мы их будем удивлять?». Но задачи удивить так, чтобы они были в восторге, нет. Потому что потом нужно будет себя как-то опять подавать, держать марку... Но с другой стороны, конечно, если мы каждый раз будем приходить с пустыми руками, то это тоже не то. Без каких-то мастер-классов, без идей... Но если мы можем организовать какую-нибудь подвижную или интеллектуальную игру, это уже считается, что мы пришли «с чем-то».

У нас есть чат в WhatsApp, где мы с волонтерами обсуждаем, чем мы будем заниматься во время следующего посещения. Если у нас появляется какой-то активист, волонтер, который скажет: «О, у меня тут есть идея», то всё, человек попал. Раз это его идея, то он знает, что хочет, и мы начинаем строить наше посещение вокруг этой идеи. А мне как координатору выделяется скромная сумма денег, которая может быть на нее потрачена.

У нас есть два типа посещений. Я их условно для себя называю летние и зимние. «Летнее» посещение проходит на улице, как правило, с 4 до 6 часов вечера в хорошую, солнечную погоду, когда грех сидеть в помещении. У приюта очень хорошо обустроена площадка, есть коробка для хоккея, соответственно, летом это — футбольная коробка. Есть волейбольная площадка, карусели, качели, какие-то тренажерные элементы и просто скамейки, где можно посидеть, поговорить, поиграть в мафию или на гитаре.

У нас есть одна девочка-волонтер, которая поет на английском. У нее замечательный голос, дети прямо заслушиваются, шикарно... Есть еще волонтер Саша. Он любит играть в футбол. По профессии Саша юрист. Но когда я смотрю, как он играет с детьми в футбол, я думаю, что он такой юрист, которому бы в сборной играть. И когда дети видят, как он троих обводит, — причем это пацаны из старшей группы, которая, грубо говоря, на этой коробке живет, — то там такое уважение! Он для них становится, не знаю, прям старшим братом. Сразу видно, как они к нему тянутся, стараются от него что-то перенять, может быть, даже чему-то научиться, спросить совета.

Когда есть такая сильная фигура, когда человек в чем-то хорош, дети начинают к нему прислушиваться. Они пытаются быть похожими на него, и это очень ценно.

— А в плохую погоду что делаете?

— Это я называю «зимние» посещения. В основном, это поздняя осень, зима и ранняя весна, но и летом, если льет дождь, мы находимся в помещении. Тогда это, конечно, настольные игры. Если это старшие мальчики, то там и «Активити», и «Имаджинариум», «Свинтус», игра «Бэнг» — на «Мафию» похожа. У старших девочек все посложнее. Как ни приходишь, они хотят играть только в классическую «Мафию», и они обожают эту игру, не знаю почему.

А еще с ними отлично заходят просто душевные беседы, когда ты сидишь, разговариваешь о жизни, они рассказывают истории, особенно, если довелось устроить какое-нибудь чаепитие. Вот как у нас было на 8 марта: ребята помогли стол принести, собрались кружком, у всех были чашки с чаем, торт, и вот так провели посещение. Отлично был контакт налажен.

— **А есть какие-то сложности у вашей группы?**

— Конечно, есть. Нужно быть готовым, что на тебя могут «наехать». Ребенку 11 лет, а он уже матерится так, что ты в свои 28 таких слов не знаешь. Ну, ребята все такие, и мы там не первый день, соответственно, все нормально проходит... Но новых волонтеров мы, конечно, инструктируем, что все бывает. Особенно, если там еще и игра такая накаленная, тот же футбол или волейбол. Вот из последнего: мы играли мячиком, а потом этим мячиком мне так полетело, что очки сбило. А потом и 30 секунд не прошло, мальчик мальчика кулаком ударил. Думаешь: «Господи, что же это творится?» Но это крайности. Так у нас, скажем, девять месяцев посещения — все нормально, все шелково. И вот на одном бывает что-нибудь такое, что запоминается.

Так что дисциплина, которую стараются держать воспитатели, оправдана тем, что без нее там наступит анархия. И тут очень важна, конечно же, личность. Если волонтера уважают, если он в чем-то круче, если дети видят в нем образец для подражания, то все будет отлично. Но если человек, скорее, исполнитель, то ему лучше быть в младшей группе. Подросткам больше подойдет более опытный, более харизматичный волонтер.

Еще очень важный момент в этих посещениях — это курение. С волейбольной площадки очень хорошо видно, когда дети бегают за хоккейную коробку курить. И вот ты вроде бы в волейбол должен играть, подачу подают, а ты видишь, что там курят. И ты через всю площадку: «Не кури!», и имя там, допустим. А мне в ответ: «Тссс, тссс! Не надо-не надо, не пали меня».

Я даже иногда думаю, что пора проделать с ними опыт с ютуба на тему курения. Там нужно взять бутылку с водой, ватку, подсоединить через шланг сигарету и сделать дырку снизу, чтобы создать тягу воздуха. Потом достается

эта ватка, и после двух сигарет ты ее видишь просто почерневшую. Я как человек некурящий смотрю и понимаю, что вот это всё может остаться в моих легких после двух сигарет. А когда ты по 20 сигарет в день выкуриваешь, о чем ты думаешь? Зачем ты это делаешь вообще?

Мне кажется, это — наглядный пример. А вот эти разговоры: «Не кури, это вредно», это не работает. Сугубо личный опыт, когда человек сам увидел. Вот тут, мне кажется, больше шансов, что что-нибудь отложится.

— Похоже, ваши волонтеры — это очень уверенные в себе люди.

— Да, как я уже сказал, наши волонтеры — это личности. В приют они пришли по разным причинам. Есть те, которые идут сюда целенаправленно. Скажем, контингент старших детей: я вижу это как свое поле для работы. Да, конечно, с маленькими детьми я тоже спокойно нахожу язык, играю, все отлично. Но со взрослыми я чувствую себя комфортнее. Там уже такой возраст, когда можно о чем-то более серьезном разговаривать, а не просто о каких-то динозавриках и бабочках.

Есть у нас несколько волонтеров-девушек, цель которых пойти и поиграть именно с малышами. Младшая группа — она самая лайтовая. Когда ты приходишь, они сразу на тебя кидаются обнимать со словами «Мамонтеры пришли!». Они просто тебя любят за то, что ты вообще уже есть. А есть волонтеры, которые на вопрос во время собеседования о том, в какую группу они хотели бы пойти, отвечают: «В ту, где люди нужны. Направьте меня туда». И если на тот момент приюту «Зюзино» нужны новые волонтеры, то человеку предлагается пойти и попробовать. Соответственно он приходит, пробует и остается.

Конечно, бывают случаи, когда кому-то это не совсем подходит, и он переходит в другую группу. Кто-то один раз для себя сходил, узнал и потом перестает вообще

ходить. Но те, кто остаются, начинают считать себя частью коллектива приюта «Зюзино». Всё, это уже стало родное место.

Я сам изначально был волонтером в ФНКЦ. Когда там объявили карантин на три недели, я подумал, что надо, наверно, сходить еще куда-то, посмотреть, расширить горизонты. А приют «Зюзино» у меня как раз рядом с домом. Я сходил туда один раз, потом второй, потом третий раз, а потом начал ходить в две группы. И вот теперь дослужился, стал координатором.

— **Вы потом обсуждаете посещение с волонтерами?**

— Конечно же, у волонтеров должна быть обратная связь. У нас есть традиция после посещения идти пить чай. Или в Макдональдс... Это уже часть ритуала, и прямо грех потом не предложить ребятам посидеть в кафе. Я считаю, что это вторая часть посещения, которая, скорее, чисто для волонтеров, но она очень нужна. Просто иногда нужно обсудить какие-то сложные моменты, выговориться, человек, может, просто хочет быть услышанным.

И опять-таки, это очень важно для планирования следующих посещений, особенно, если посещение было очень успешным, удачным, прям огонь. У всех глаза горят, идеи из людей прямо так и искрят. То есть ты просто сидишь и мысленно с корзинкой бегаешь, подбираешь. «О, можно, эта идея хорошая, тут можно объединить, тут можно что-то докрутить». И уже в уме откладываешь: «Так, это следующее посещение, через одно можно вот этим заняться, и еще можно Илью Комарова с его «Кунг-фу—пандой» пригласить». Целый список можно составить.

И, конечно, людей еще подкупает то, что мы никого не заставляем, если у тебя есть зов души пойти сегодня в «Зюзино», отлично, приходи, мы тебя ждем. Если не можешь, мы не обидимся, мы все прекрасно понимаем. Это нормально.

Фейерверк активностей

Александр Валентьев — волонтер группы.

Сегодня в «Зюзино» был фейерверк игр и активностей. Наш новый координатор Андрей Мурсеев серьезно подошёл к организации досуга подопечных, привезя с собой походный набор на большую компанию: два волейбольных мяча, бадминтон, фрисби, комплект настольных игр, гитару и еще много чего. Плюс свою гитару взяла волонтер Наташа Тихонова.

Погода благоприятствовала занятию на улице. Андрей распределил всех волонтеров по разным группам подопечных. Кто-то играл с детьми в мяч, кто-то на гитаре, кто-то запускал тарелку фрисби. Меня Андрей попросил поиграть с подростками в настольную игру «Имаджинариум». Я позвал старших ребят, но они предпочли перебрасываться баскетбольным мячом.

Зато на предложение поиграть отозвались ребята среднего возраста (9–14 лет): мальчики Саша, Толя и Денис, а также девочки Маша и Лена. Так вшестером мы разыграли несколько конов этой игры на ассоциации. При этом, кроме Маши, никто из детей раньше в «Имаджинариум» не играл.

Игра очень увлекла ребят. В процессе ко мне подошла девочка — одна из давних подопечных приюта в Зюзино, которую последний раз я видел, наверное, год или два назад. За это время она подросла, постепенно превратившись из ребенка в девушку. И обрадовалась, что я ее помню. По ее словам, она поссорилась с мамой, и та на месяц отправила ее в приют. Вот только теперь она не знает, когда вернется домой, так как детей из приюта отправляют летом на море.

Когда-то она отлично играла в «Имаджинариум», это была ее любимая игра. Но в этот раз играть в него она не захотела. Спросив про старых волонтеров группы — Валеру, Надю, Колю — она убежала к подругам. Такая неожиданная и теплая встреча у нас получилась.

В оставшийся час занятия с детьми я успел послушать и попеть песни под гитару, покидать фрисби, поиграть в настольную игру «Доббль», в салки, «Сифу», «Чай-чай-выручай». Кажется, что ни детям, ни волонтерам не хотелось, чтобы посещение заканчивалось. Подопечные и воспитатели благодарили нас за мероприятие, а мы, довольные тем, как все прошло, направились в кафе обмениваться впечатлениями.

Вот это поворот... Не зря сходили!

Андрей Мурсеев — координатор группы

19 мая стал для меня особенным днём, так как я пришёл в Зюзино уже не просто волонтером, а координатором волонтерской группы. Это уже совсем другая степень ответственности, и, честно сказать, это меня немного пугает, но в то же время очень сильно мотивирует.

Волонтеров в этот раз было четверо, а количество ребят-подопечных переваливало за сорок. Но мы были не одни, недалеко от игровой площадки на лавочке в тени сидели воспитатели разных групп, а на периферии несколько родителей играли со своими детьми.

Переглянувшись с волонтерами, мы поняли, что основную часть ребят нужно будет занять футболом, благо, с нами был волонтер Саша Черненко, который очень хорошо играет в эту игру. Дети из старших групп быстро поддерживали инициативу и радостно пошли на поле. Команда, в которой играл Саша, победила со счётом 5:0, два гола из которых было забито им лично.

На этой встрече также была очаровательная гостыя-волонтёр из наркодиспансера «Квартал» Даша Логинова, которой был выдан мешок с цветными мелками со словами: «Нужно с маленькими нарисовать несуществующих животных, придумать им имена и суперспособности». Процесс пошёл, а сам я с остальной частью подопечных пошел на волейбольную площадку, где мы сначала тренировали подачу через сетку, а потом начали играть в «вышибалы» и другие подвижные игры.

Самый запоминающийся момент посещения лично для меня — это беседа нашего волонтера Саши Валентьева с подопечной Катей. Расскажу предысторию: несколько месяцев назад, когда посещения проходили еще в помещении, я и Саша были отправлены в группу старших девочек. Не знаю уж по каким причинам, Катя очень сильно его невзлюбила, и при каждом удобном случае отпускала едкие шуточки и замечания в его сторону. Надо отметить, что Саша стойко переносил это и на провокации не поддавался. И что же мы видим в этот раз: Саша и Катя за неспешной прогулкой проводят два часа, обмениваясь историями из своей жизни, и ведут себя как давние друзья. «Вот это поворот, — подумал я, — точно не зря сходили».

Дайте детям прокричаться!

Надежда Черкашина — координатор группы в 2015–17 гг.

... Почти все дети разъехались, осталась только одна группа мальчиков, 8 человек семи-восемью лет. Нас, волонтеров, было пятеро. Стали играть в одну карточную игру, и мы переделали правила так, что она стала похожа на игру «в ассоциации». И добавили туда «лекарство»: тем ребятам, кто отгадывал, я как ведущая «давала лекарство». Например, им надо было хлопать или особым образом

размахивать руками. А если кто отвлекался и забывал, то штраф: 10 раз отжаться или присесть. То, что надо угадывать, показывали два ребёнка, и это было очень интересно! Иногда они показывали противоречащие друг другу жесты или очень простые, а остальные вообще отгадать не могли. Всё это вместе было настолько смешно! Дети кричали так громко! Мне кажется, мы все немного оглохли даже! Но воспитательница особо поблагодарила нас в конце — мол, дети так хорошо прокричались... Видимо, очень им этого не хватало.

А посещение у нас долгое, часа два, и в какой-то момент нам это надоело. Мы решили разделиться: кто-то ушёл играть в «Мафию», крики и страсти там продолжились, а я и некоторые ребята стали рисовать: я взяла с собой сухую пастель, которую нам пожертвовали, и очень красивую коричневую бумагу. Мне захотелось нарисовать дом, и я приступила. Тему я никому не навязывала, но, естественно, все дети тоже захотели рисовать дом! И как-то так сложилось, что сели мы — и такие крутые рисунки нарисовали, яркие, подробные! Но один мальчик стал рисовать больницу и машину «скорой помощи». А Настя, наш волонтер, говорит: «Ну, нет. Давай лучше нарисуем дом, в котором вы всей семьёй жить будете, где ты будешь очень счастлив!» И это сработало! Ребёнок на рисунке стал проживать ту жизнь, которую он хотел: деревья, забор, из трубы шёл дым. И рядом с домом была машина — обычная, а не «скорая»...

Волонтер с керамбитом

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку», волонтер, журналист.

...Страшно спугнуть, но вроде весна! Небо высокое, голубое, сугробы потемнели и подтекают, оставляя на сухом

асфальте тёмные дороги. Пространство города удивительным образом раздвинулось.

Солнечный субботний день, возле выхода из метро Севастопольская стоит координатор Надя Черкашина в окружении четырёх парней-волонтеров. «Сначала для посещений ввели требование по прививкам, а сдать анализы и сделать прививки — это не одна неделя нужна. Потом в приюте был карантин. Группа моя поредела...», — вздыхая, говорит Надя. Наде немного грустно сегодня: три года она волонтерила в ФНКЦ, потом три года координировала группу в «Зюзино», и вот последнее её посещение в качестве координатора. Для Нади эта история завершается, но группа продолжает жить.

В Центре поддержки семьи и детства «Зюзино» — таково официальное название учреждения — уютно пахнет чем-то съедобным. Охранник записывает наши паспортные данные, навстречу выходит молодая сотрудница. «Что-то лицо мне твоё знакомо!» — обращается она к Саше Валентьеву, активному волонтеру, который посещает не одну, а целых три волонтерских группы. «Так я хожу уже сколько!» — «Нееет, это понятно... На одного нашего воспитанника ты сильно похож!» Воспитанников здесь искренне любят, переживают за их судьбы, и к волонтерской помощи относятся с уважением. За шесть лет жизни группы трудности бывали, но совместными усилиями решались.

Надя с двумя волонтерами направляется в группу к ребятам постарше играть в настольную игру «Денежный поток». А Коля — опытный волонтер и новый координатор группы — волонтер Саша и я идём к ребятам помладше. В приюте есть и девчачьи группы, и малыши, но силы волонтеров ограничены, пока ходим в две группы мальчиков.

Комната немногим больше обычной детской и обставлена на схожий манер: письменные столы, над ними полки; шкафы, диванчики, стулья, справа — дверь в спальню.

Это не обычный приют, здесь дети живут не постоянно, а временно при острых семейных кризисах — неблагополучная обстановка, тяжёлый внутрисемейный конфликт или родители ограничены в родительских правах. Бывают и менее драматичные причины — кто-то из родителей или опекунов уехал в командировку или по неотложным делам, или лёг на плановое лечение, а ребёнка оставить не с кем... В волонтёрской среде как-то не принято дотошно выспрашивать у подопечных подробности их затруднений. Но как бы в приюте ни было уютно и спокойно, какими бы тяжёлыми ни были домашние трудности, дети скучают по семье и часто говорят об этом. Даже мальчишки, даже «почти взрослые», всё время обсуждают, кого через неделю заберут, кого — через две, а за кем прямо сегодня мама придёт.

В комнате шесть пацанов и одна девочка. Обычно детей больше, но сейчас в некоторых школах каникулы, ребята разъехались на отдых. Дети стайкой окружают волонтеров и галдят наперебой: «А что сегодня делаем? Сегодня что?»

Артём с Максимом заключают пари:

— На полтинник спорим!

— Нет, на сотку!

— Да у тебя есть сотка-то?

— Есть! — не моргнув глазом, отвечает Артём. Сотки у него, разумеется, нет.

— А вы новенькая, что ли? Разбейте!

Разбиваю. Артём спор выиграл: сегодня будем делать керамбит, анонсированный на прошлом занятии. Что это? Оказывается, модный ножик (но не моднее спинера!),

которым «головы всем отрезать, чтоб прямо вот так кровь текла!» — поясняет Артём. Не настоящий, нет, а из цветной бумаги и картона, по особой технике с бумажными усилениями-трубочками, что соединяют «лезвие» и «ручку». Коля запускает ролик на ютубе, все усердно принимаются рисовать, я тоже пробую. «Некрасиво!» — кося на мой рисунок, припечатывает Артём. Делает круг вокруг стола, другой: «Мне тоже такой нарисуйте!» — «А кто критиковал меня?» — «Нет, нарисуйте!.. Да нет, тут же не так!» — «Ну, если не так — тогда сам давай!» Вздыхает, уходит. Находит помощников на другом краю стола.

Все страшно увлечены — вырезают, проклеивают, выравнивают, сворачивают трубочки... Не всё даётся с первого раза, да и не выходит так аккуратно и эффектно, как в видеоролике. Ребят это огорчает, они подкисают, но Коля подбадривает: «Тут дело такое: главное не результат, а участие. Важно, что вы попробуете!».

Коле — 29, работает он товароведом одежды и обуви, такой киношный типаж молодого школьного физрука или вожатого в лагере: спортивный, строгий и справедливый. Пацаны таких просто обожают, и наши подопечные — не исключение! Тут ещё такой момент: так сложилось, что большинство социальных волонтёров — девушки. Не поймите превратно, подопечным с волонтёрками прекрасно. Но мужская компания для мальчишек — это нечто особенно ценное! Мужские разговоры, мужские отношения — своя атмосфера, одним словом. Волей случая или как-то иначе в Зюзино много волонтёров-мужчин, что и говорить, это замечательно.

Между делом подопечные рассказывают о себе. Кто в кадетском корпусе, а кто на скрипке играет. У кого дома котёнок пушистый чёрный и почти взрослый, а кто болеет за «Спартак» и якобы даже ходил драться двор на двор с другими фанатами (хотя, судя по внешнему виду

и мягким манерам, скорее, выдаёт желаемое за действительное). «А не проще ли по турнирной таблице посмотреть? Драка-то как дело решит?» — спрашивает Коля. Да, возразить тут нечего.

Занятие подходит к концу. У единственной девочки получился аккуратный миниатюрный керамбит, она пытается «отрезать» им рукав моего свитера. Мы с мальчишкой одним старались дуэтом, и у нас вышел голубой, крупный и аккуратный. Загляденье! Он любитесь, бережно крутя нож в руке, потом подставляет стул и прячет поделку на шкаф. Артёму Коля помогает доделать зелёный из бархатной бумаги. Артём вырезал с обложки альбома морду белого тигра и наклеил ее на «лезвие». Показывает мне: «Вот, всё сам сделал!» — «Доволен?» — «Не-а!» Артём, похоже, мало чем бывает доволен, такой вот характер. Но он обаятельный, ребята любят его, это заметно.

«А наклейки?» — Артём лезет в волонтерскую сумку и получает от Коли строгий нагоняй. Самостоятельно по волонтерским сумкам лазить нельзя, такое правило. «Все в очередь!» — командует Коля, и друг за другом ребята выбирают маленьких объёмных кошек и собак. Это — традиция группы. «Раньше я приносила много красивых материалов для творчества, — говорит Надя, — но оборачивалось это тем, что ребята поделку делать не хотели, а каждый старался лично для себя урвать побольше и получше, иногда и обманным путём. И мы нашли такой выход: из пожертвованных материалов для творчества всё делаем строго на занятии, но после занятия лично для каждого подопечного — наклейка. И это решило проблему!»

Ребята прощаются с нами, обнимаются, благодарят. Впереди у них полдник и маленькая прогулка, и дальше по режиму — у кого несколько дней в приюте, у кого —

недель или месяцев. За год все ребята успевают смениться полностью. Для волонтеров это немного грустно: только привыкнешь, узнаешь поближе, завяжешь дружбу — а они уезжают... С другой стороны, уезжают-то они к себе домой, к мамам и папам, и это — момент радостный. Это значит, семейный кризис миновал, жизнь налаживается. А наши волонтеры? Наши волонтеры всегда готовы поддержать того, кто сейчас в беде.

ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ «СКОЛКОВСКИЙ» (ЦССВ «СКОЛКОВСКИЙ»)

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2013 г. Волонтеры посещают детей с умственной отсталостью: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются, гуляют.

Сейчас ЦССВ посещают 2 волонтерские группы «Даниловцев» — на двух территориях учреждения.

Старое название учреждения — детский дом-интернат №24.

От того, насколько много мы можем детям дать, зависит их дальнейшая судьба. Даже усыновление...

Марианна Бушуева — координатор младшей группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Марианна, ты же простым волонтером побыла совсем недолго — полгода. И сразу решила, что хочешь стать координатором?

— Да, мне сразу этого хотелось, хотелось выстраивать всё в группе немножко по-своему. Я с самого начала пришла волонтером в корпус со старшими детьми, а мне хотелось к маленьким. И когда я узнала, что у нашего учреждения есть корпус с малышами, то мое решение уже лежало на поверхности. По-другому и быть не могло.

— Но быть координатором — это же надо появляться на очных встречах, писать отчеты, заметки. Это все требует времени. Но ты уже оценила полезность всего этого?

— Конечно! Например, когда пишешь отчет, сама всю картинку видишь. Когда я писала годовой отчет, мне самой было очень интересно. Конечно, не всегда есть достаточно времени, чтобы всё и все сделать. Но в тот момент, когда ты анализируешь свою деятельность за год, появляется больше мотивации для того, чтобы продолжать делать свое дело. Ведь когда деятельность идет еженедельно, непрерывно, от тебя ускользает рост в целом, ты не обращаешь должного внимания на этапы и достижения. А когда анализируешь картинку в целом, они сами бросаются тебе в глаза.

— А расскажи про годовой отчет, что там было интересного?

— Группе чуть больше года, так что это был наш самый первый отчет. Но я увидела, что у нас произошел достаточно быстрый рост по количеству волонтеров и по количеству детей, которых нам стали доверять. И что это произошло даже быстрее, чем говорили коллеги. Я сама думала, раз это госучреждение, то все будет достаточно долго, и пока ты там войдешь в доверие к сотрудникам и детям... А тут все получилось довольно быстро, наверное, за счет того, что собралась достаточно большая группа постоянных волонтеров. У меня в группе практически нет текучки. Есть девчонки, которые ходят с первого же дня. Вот как мы открылись в прошлом марте, они так и ходят.

Сначала было 2–3 человека, сейчас ходят по 8–9. Но, по сути, основные лица остаются. И естественно, для персонала это очень большой кредит доверия. Они видят конкретную группу, конкретные лица, и процент появления новичков очень маленький. Но новички тоже постепенно приходят, группа растет, и за счет этого растет число детей, которых мы можем посещать.

— Свои люди остаются?

— Когда я только создавала группу, я даже и не думала, что так все получится. Я была настроена на текучку. На то, что волонтеры где-то могут повести себя безответственно. Но, как оказалось, девушки понимают, насколько важна регулярность посещений, и относятся к волонтерству серьезно, со всей душой. Вся волонтерская команда делает одно дело, здесь нет места указаниям «как надо». У нас общее видение, и это очень здорово. Я такое и в других группах видела, когда к координатору приходят «его» люди — по характеру, по восприятию мира. Это как-то само получается. И за счет этого проще многие процессы направлять.

— Я помню, с самого начала вы гуляли только с одной группой малышей, и ты говорила, что у вас в планах —

пройтись по другим группам с более тяжелыми детьми. Это получилось?

— Да, это поначалу получилось. Но, к сожалению, из-за тяжести их заболеваний встречи наши пропали, так как выпали практически на всю зиму и часть весны, а дети в периоды межсезонья и зимой часто болеют. И вообще с ними достаточно сложно работать именно в формате волонтерства — это лежащие малыши, и там очень много разных факторов и ответственности. Здесь мы не можем настаивать.

Но зато прошлой весной нам пару раз давали группу мальчиков, с которыми, как мне казалось, мы никогда не сможем поладить. Потому что они очень тяжелые! Сложные! У них такое непонятное поведение! А у меня еще на тот момент было достаточно много студентов в группе, девчонок совсем молодых. Но вот сейчас мы с этими мальчиками гуляем постоянно, и все замечательно! Мы знаем все их особенности. Они себя начали с нами вести абсолютно по-другому! То ощущение от детей, которое было год назад, и то, что есть сейчас, — это две разные вещи.

— А в чем именно изменились дети?

— Эти мальчишки не могли с нами первое время долго гулять. У них распорядок, режим — все достаточно щадящее, спокойное, деятельность какая-то у них очень ненадолго. Если занятия, то это пять-десять минут. А наши прогулки сначала длились по сорок минут, сейчас гуляем полтора часа. И когда мы брали этих мальчиков, буквально минут через 15 было видно, что они сильно устали, начинали капризничать, истерить, мы теряли какой-то контроль. И нам казалось, что да, дети особенные, им 15 минут — это много. Но хотя бы 15.

Но потихонечку они начали к нам привыкать и проводить с нами все больше и больше времени. Есть один

сложный мальчик, у него зрение очень слабое, но он очень сильный, решительный и о-очень эмоциональный! Он весьма бурно реагирует на то, что происходит. Он очень любит смеяться, и из-за того, что у него такая бурная реакция, то минут за 10–15 он так перегружался впечатлениям, что уже ничего не мог, начиналось такое странное поведение, и мы его отдавали воспитателям.

И вот прошло буквально несколько месяцев, недавно мы его взяли на прогулку. И только в конце посещения мы поняли: «Ого, а он же все это время был с нами! Полтора часа! Он слушался и ходил с удовольствием, и все время что-то делал: то мелками рисовал, то они с волонтером катались на карусели, то искали бабочку. То есть — была постоянная смена деятельности, постоянное общение и коммуникация с волонтерами и другими детьми. И это был для меня шок, что ребенок, который через 15 минут уже стухал, за несколько месяцев раскачался настолько, что может теперь, как любой ребенок, общаться с нами длительное время без каких-то проблем и перегруза, полностью, насколько это возможно, контролируя себя.

— Я так понимаю, тебе очень важен результат, именно изменения, а не просто процесс.

— Да, конечно, это же маленькие дети, и от того, насколько много мы можем им дать, зависит их дальнейшая судьба. Там несколько вариантов. Например, усыновление: когда приходят приемные родители, они, безусловно, смотрят на то, насколько социально адаптирован ребенок. Либо он забивается в угол и сидит, либо он привык к тому, что приходят люди, и у него к чужим есть определенный кредит доверия. Потому что мы говорим не просто о сиротах, а о сиротах с отклонениями. Это совершенно другая история. Просто сироты — ко всем бегут, что далеко не всегда хорошо. А тут дети очень

закрыты, и это пугает людей, которые хотят с ними построить какие-то взаимоотношения.

И второй вариант развития событий — он больше актуален для больших мальчиков, с которыми мы сейчас гуляем, — это скорое попадание в ПНИ. Там они уже будут предоставлены сами себе, нянечек и воспитателей, которые их подстраховывали, больше рядом не будет. И хотя бы базовые навыки социального общения им очень пригодятся, чтобы им там не тухнуть в углу, а общаться с другими людьми. Они должны не бояться находить контакт и понимать, что за новым контактом могут идти новые интересные взаимоотношения. Что, собственно, это и есть жизнь.

— У вас получается играть всем вместе во что-то одно — детям и волонтерам?

— У нас в зимний период была игра «Парус», которая детям совершенно замечательно зашла. Мы много времени зимой проводили в помещении, потому что после минус десяти детям гулять нельзя. И вообще зимние прогулки короче, чем летние, и мы минут сорок после прогулки еще проводили в помещении. И вот мы играли в «Парус»: брали платок, накрывали им каждого по очереди, пели песенку, брали за руки. Ребята ее очень сильно полюбили и всегда ждали. Мы ее использовали на завершение, чтобы все немножко успокоились. И уж насколько дети непослушные и «сами в себе», но эта игра стала для них чем-то объединяющей, и без проблем все садились вместе.

— Как у вас за год изменились взаимоотношения с персоналом?

— Да, тут прогресс тоже есть. Из-за того, что ходят одни и те же люди, воспитатели видят в нас заинтересованность, видят, что мы приходим действительно с чистой душой, и они наконец-то поняли, что мы приходим просто так.

Я сама научилась больше слушать, меньше комментировать. Некоторым женщинам из персонала иногда очень надо выговориться, какие-то случаи рассказать. А им же тоже нужна оценка их деятельности, работы. Они очень любят рассказать, «вот я тут работаю 30 лет, из тех, кто у меня 20 лет назад выпускался или кто оказался в приемной семье, некоторые мне до сих пор пишут, кто-то в Германии живет, фотки присылает». Мы становимся для них постепенно теми людьми, которые вне системы, кто приходит к детям и только детьми интересуется.

А когда взаимоотношения меняются, они начинают делать чуть больше для нас, например, помогать подбирать к детям ключики, которых мы не знаем. Мы же приходим редко, а они с ними находятся постоянно.

— Получается, что вы извне системы приходите не только к детям, но и к персоналу.

— Персонал стал больше интересоваться темой волонтерства, периодически подходя то ко мне, то к кому-то из девочек: «А что, а сколько вам платят, а кем вы работаете?» Это был такой следующий этап взаимоотношений. И вот по прошествии года у нас появились личные договоренности с воспитателями!

— А может, вы их и мотивируете?

— Конечно, особенно когда воспитатель видит, что какой-то из детей начинает круто реагировать на кого-то из волонтеров. У нас такая история произошла недавно с Машей Пешковой и одним мальчиком.

Я вообще не знала, что в этом детском доме есть такой мальчик. Я хожу туда больше года, знаю всех детей и знаю все группы. Я была там сто раз и знала всех! Кроме него, оказывается. Потому что это такой мальчик молчаливый, тихий-спокойный, никого не бьет, никого не обижает, не орет, уткнувшись лицом в землю. Он

сидит всегда в углу. Его вообще не видно и не слышно. К нам он никогда в жизни не подходил.

И вот у меня два месяца назад появился новый волонтер Мария. Я уже примерно подумала, кого из детей можно было бы предложить ей на прогулку, и вдруг этот мальчик вырос буквально из-под земли, просто взял ее за руку, и сейчас он с ней уже гуляет каждую субботу. И каждый раз, когда Маша его берет, воспитатели каждый раз удивляются: «Кого вы хотите взять? Вы точно уверены?» То есть для понимания — такие вопросы обычно задают, если мы берем какого-то ребенка агрессивного или буйного. Того, с которым сложно справиться, а не просто душку, который тихо с тобой рядышком ходит, слушается и все такое. Они были поражены тому, как неожиданно раскрылся этот человек, и сами стали больше ему уделять внимания! Потому что такие вещи удивляют, и хочется разобраться — а что произошло?

Ведь раньше он ни на кого не реагировал! Он какой-то все время безразличный был. А теперь так круто они спелись с Машей...

Мы обращаем внимание воспитателей на какие-то особенности детей, на какие-то их черты, которых во взаимоотношениях «воспитатель и подопечный» просто быть не может. Ведь каждый раскрывает свои грани с каким-то отдельным человеком. Ты вот, например, с одной подружкой будешь обсуждать одну тему, с другой — другую, а с мужем — вообще третью. И это нормально. И также здесь — приходит волонтер, который попадает в одну из струн души этого ребенка, и неожиданно эта струна начинает играть. И внимание воспитателя это также привлекает.

А еще мы делаем с детьми поделки с какими-то таковыми материалами, которые обычно в детдоме не используют. А мы это делать можем, потому что у нас есть

возможность контролировать все процессы. Это не то, что — один взрослый на восемь детей. Это — по человеку на ребенка плюс еще воспитатель, который над всеми ними стоит. Поэтому мы можем себе позволить чуть больше вещей: давать клей и знать, что ребенок его не съест. И вот эти раскрытия новых умений в детях играют на взаимоотношениях воспитателя с детьми тоже.

— **Я так понимаю, для тебя координаторство — это долго?**

— Думаю, да, потому что это всегда так интересно, когда человек — ребенок или волонтер — вдруг раскрывается! Вроде всех знаешь, приходили разные волонтеры, и все равно иногда такие вот открытия происходят, как с тем мальчиком. Это очень удивительно и очень вдохновляет. И всегда, когда приходит новый волонтер в его первое посещение, я наблюдаю, для меня это такой процесс интересный. Потому что ты никогда не знаешь, с какой стороны, каким образом человек волеется в группу. Спрогнозировать совершенно невозможно. Это всегда открытие и всегда вдохновение для всей группы.

Волонтеры в детском доме-интернате

Виктория Дороничева — координатор старшей группы в 2016–2018 гг.

Беседовал Юрий Белановский — руководитель ДД «Даниловцы».

Виктория Дороничева — логопед, работает воспитательницей в детском саду. А еще она уже три года руководила группой волонтеров, которые ходят в дом-интернат для детей с инвалидностью. Дети там годами не видят новых лиц, их жизнь рутинна и однообразна. Поэтому волонтеров в этом ДДИ встречают с неподдельной радостью.

С волонтерами можно поиграть, поделывать что-то новое и интересное, просто поговорить. В ответ дети дарят свою любовь, и Вика говорит, что больше такой любви нельзя получить нигде.

— Расскажи о ДДИ, который вы посещаете, о ваших подопечных.

— Детский дом-интернат (ДДИ) №24, где проживают дети с умственной отсталостью, находится в Москве. В нем 2 корпуса. В первом корпусе — малыши до 7 лет. Во втором — старшие дети до 18 лет. В каждом из корпусов проживает около 100 детей. Вокруг зданий есть своя территория. Самих детей делят на две категории — с родителями и без. «Семейные» дети проживают в ДДИ так же, как и сироты. Часто родители есть только формально. Но есть и такие дети, которых на выходные берут домой.

Дети распределены по группам по 8 человек, мальчики отдельно от девочек. Группы разделены по степени «сохранности» детей — более «тяжелые» проживают в своих особых группах. У каждой группы детей есть воспитатель, няня, медсестра. Воспитатель находится в течение рабочего дня, няни работают круглосуточно и посменно. Более «сохранные» дети ездят в специализированную школу. Есть и такие, к кому ежедневно приезжают педагоги.

Мне очень важно сказать, что, несмотря на свои особенности развития и внешний вид, наши подопечные дети — это, прежде всего, дети. Они ничем не отличаются от каждого из нас, и им дорого все, что дорого любому из нас.

— Зачем в ДДИ волонтеры?

— Детский дом-интернат хорошо обустроен, у детей есть очень многое. Для сторонних людей и порой для персонала даже непонятно, а зачем волонтеры туда ходят? Для меня ответ очевиден. Слишком часто у детей

там нет самого важного — близкого человека. Детям не с кем поделиться впечатлениями и переживаниями. У них почти нет личного пространства, поскольку воспитатель всегда с ними. Сами же дети почти всегда находятся в группах, то есть в своих больших комнатах. Воспитатель так или иначе находится на работе, и следуя достаточно строгой дисциплине и инструкциям, держит дистанцию с детьми.

Одна из трагедий этих детей в том, что у них нет выбора. Сказали ехать куда-то, значит едешь. Сказали заниматься — занимаешься, даже места в столовой у них всегда одни и те же. И именно выбор, некоторая свобода — это еще одна вещь, которую волонтеры им дают. Мы стараемся не ограничивать свободу, даже в мастер-классах. Я всегда говорю волонтерам, что тут важен не результат, а творческий процесс и общение. Волонтер не является частью системы ДДИ и поэтому дает детям возможность искреннего доверительного общения, дарит им внимание и все то, что для нас является довольно обыденными и повседневными вещами: обнимашки, комплименты и прочее.

— **Что для тебя ДДИ?**

— Для меня ДДИ — это особый мир. Если в больницах дети часто лежат с родителями, то в ДДИ они находятся одни. Поэтому, с одной стороны, это мир грустный, даже несмотря на то, что детей постоянно возят на экскурсии и в музеи. Но, с другой стороны, ребята, которые там проживают — очень искренние и добрые. Дети там дают очень своеобразную, но сильную отдачу, которую нужно прочувствовать. Они всегда бегут к нам и к каждому из волонтеров, радуются и делают это очень искренне, помнят каждого. И, приходя туда, потратив несколько часов свободного времени, ты осознаешь, что внес в их мир частичку добра и радости.

— Как вы выбираете занятие для посещения, мастер-класс?

— Мы стараемся подбирать детям что-то, чего им не хватает. Например, мы знаем, что им не хватает мужского общения (т. к. почти весь персонал женский). У детей мало подвижности. И мы стараемся позвать спортсмена, который может провести мастер-класс и поиграть с ними в подвижные игры. Дети любят фотографироваться. Но больше всего они радуются, когда ты просишь их что-то сфотографировать. Им кажется это большой ответственностью, и когда у них получается, то они просто светятся изнутри. Так или иначе, мы стараемся привнести что-то свое, чего им не хватает, но на первом месте все же стоит сам факт того, что ты приходишь.

— Могут ли волонтеры как-то повлиять на будущее подопечных?

— Это самый главный вопрос для нас — в силах ли волонтер дать детям что-то на будущее? И поначалу мне казалось, что нет. Но сейчас я считаю, что мы можем подготовить ребят ко «взрослой» самостоятельной жизни во взрослых учреждениях — психоневрологических интернатах. Если сейчас они целиком и полностью находятся за воспитательницей, а выбора как такового почти не имеют, то там они будут как бы сами за себя, у них появится свобода и необходимость отстаивать собственные интересы перед другими ребятами. И если ребятам из ДДИ все равно придется привыкнуть к такой жизни, то почему бы волонтерам не сделать этот процесс менее болезненным.

— Кто для тебя волонтер?

— Для меня волонтер — это, прежде всего, человек, который пришел помогать детям осознанно, который понимает весь труд и ответственность. Волонтерство — это в первую очередь ради наших подопечных. Мы приходим

к детям, чтобы скрасить их повседневную жизнь. При этом очень важно, что мы, волонтеры, очень разные, начиная от профессий и заканчивая увлечениями. Волонтерство нас объединяет, каждый из нас вносит что-то свое в общее доброе дело.

Волонтеры во главе с координатором формируют команду, а команда — это единство и общая цель, к которой мы идем. Координатор для волонтеров — это не столько руководитель, сколько помощник. Человек, который готов прийти в трудную минуту, готов взять на себя определенную ответственность. Нам нельзя стоять на месте и бояться задать вопрос или сделать ошибку. Мы, волонтеры, должны быть открыты друг другу и, прежде всего, самому себе. И самое важное тут — это быть искренним с остальной группой и координатором. Я думаю, что волонтером не может быть человек, не способный слышать и слушать. На мой взгляд, именно это самое важное в волонтерах.

— Важно ли постоянство, регулярность посещений волонтеров?

— Мы все становимся друзьями и товарищами для наших подопечных детей. Настоящее доверие и серьезные отношения с детьми приходят постепенно. В наших учреждениях разовые акции не столь актуальны, как постоянство. Доверие со стороны детей появляется только тогда, когда есть стабильность и искренняя заинтересованность. Для детей это очень важно, ведь они хотят делиться своими переживаниями и опытом, что-то рассказывать, знать, что они лично дороги. А для этого лучше всего подходит общение с уже знакомым человеком. Именно поэтому мы работаем группой, где всегда есть постоянные волонтеры. Мы очень ценим в волонтерах постоянство. Для работы в ДДИ — это одно из самых важных качеств.

— **Что волонтер отдает подопечным, в чем его «волонтерский ресурс»?**

— В первую очередь, это время и силы. Именно их волонтер жертвует, чтобы подготовить встречу с детьми, мастер-класс или игру, чтобы потратить время на дорогу и на само посещение детей. Нужны силы и время, чтобы урегулировать отношения (а порой и конфликты) с персоналом, обсудить что-либо.

Но ресурс — это то, чем человек распоряжается. Само волонтерство сильно зависит от его мотивации. Несмотря на то, что все люди разные, очень важно каждому найти себя. Не все любят проводить мастер-классы. Кто-то гораздо лучше себя ощущает в стороне с фотоаппаратом. Мне как координатору очень важно организовать этот процесс и подобрать каждому его роль и место в группе.

— **Какова мотивация волонтеров, посещающих ДДИ?**

— Мотивация определяет то, насколько человек задержится у нас в группе и какое место он займет. Я могу сформулировать несколько причин, по которым люди чаще всего приходят в волонтерство. Очень распространенная причина — это горе в семье или среди знакомых, опыт общения с умственно отсталыми. Такие люди, как правило, чувствуют в себе силы. Вторая по популярности причина — это удобство по времени и месту расположения ДДИ. Третий тип людей — те, которые хотят общаться с самостоятельными и более сохранными детьми, а не малышами или «колясочниками». Но так или иначе, чаще задерживаются именно те люди, которые уже имеют какую-то жизненную историю, связанную с «особыми» детьми.

Нерабочая мотивация, если человек приходит не столько помогать, сколько искать помощи. Они хотят прийти, излить душу, но, в первую очередь, это несет

негатив и в волонтерскую группу, и детям, которые хорошо это чувствуют.

Стоит затронуть вопрос «выгоды». Что получает человек, который становится волонтером? Для большинства — это хобби, место, где можно себя реализовать. Кто-то играет на гитаре, фотографирует, рисует, и таким образом использует свое умение. И приезжая в ДДИ, понимает свою значимость и важность. Если говорить о глубокой мотивации, то они получают внимание подопечных, их любовь, то, что о них помнят и всегда ждут.

— **Расскажи о своем координаторском пути.**

— По специальности я учитель-логопед. До того, как стать координатором, я полгода была волонтером. У большинства волонтеров очень смутное представление о том, что такое быть координатором. Им кажется, что координатор — это такой активист, который, помимо самого волонтерства, просто всех собирает, так же веселится, а потом уходит. На деле все не так. Я была реально шокирована, когда стала координатором. На меня хлынул поток новых обязанностей.

Поначалу трудно было все. Выстроить отношение с волонтерами и руководством ДДИ. Именно тогда наш активный и очень опытный волонтер Александр Гречухин сильно меня поддержал. Помогал с организацией группы, давал советы. Помогал даже собирать и забирать волонтеров на машине до тех пор, пока я не встала на ноги. И большую помощь я получила от куратора волонтерской деятельности движения Алены Характеровой, которая многому меня научила, подсказала, что и где почитать, помогла с документацией, с выстраиванием отношений с руководством ДДИ, давала советы и просто была всегда готова выслушать. Я сейчас понимаю, что такая организационная система очень помогает новым координаторам.

— Какое главное отличие роли координатора от роли волонтера?

— Есть серьезное различие между волонтером и координатором. Волонтер нацелен только на подопечного и себя. И это нормально. Он не особо задумывается об остальных, что и как у них происходит. У координатора все меняется кардинально. Ты уже не столько думаешь о подопечных, сколько о своей группе. Стараешься сделать пребывание команды комфортней, продуктивней. Думаешь, что и как можешь еще привнести. Координатор очень много контактирует с руководством учреждения. Но что одинаково и для волонтера, и для координатора, так это то, что мы стараемся быть самими собой. Зачастую на работе или еще где-то мы боимся сказать лишнее слово, чтобы избежать косых взглядов. Здесь мы имеем возможность снять все маски и коммуницировать, выстраивать доверительные отношения со своей группой.

С точки зрения навыков, координаторство — это очень большой опыт общения. Начиная с собеседований, заканчивая контактированием с персоналом учреждения. Лично я как координатор научилась говорить «нет» и принимать решения, нести ответственность, которая приходит вместе с этими решениями.

— Что бы ты посоветовала новым волонтерам?

— Я знаю и понимаю, что не все могут работать с особыми детьми, и это нормально. Моя забота — работать с новичками-волонтерами. Самое сложное здесь то, что новички, которым посещение ДДИ как-то не пришлось по душе, редко говорят, если им стало тяжело, страшно или грустно. Они могли бы получить от нас поддержку, но столкнувшись с реальностью ДДИ, просто тихо уходят, перестают посещать. Мне важно изначально донести до новичков, что не стоит молчать, надо вместе со мной разбираться в том, что происходит или не нравится.

Я как координатор понимаю, что постепенно человек «выгорает». То есть теряет интерес, устает от этой деятельности. Некоторые берут на себя слишком многое и через какое-то время понимают, что не потянут. Именно поэтому я всегда говорю волонтерам о необходимости брать перерыв, особенно если они понимают, что начинают уставать или что-то их раздражает.

Очень важно, чтобы волонтер был искренним. И для этого мне следует создать такую атмосферу в группе, где это возможно. Искренность необходима, в первую очередь, для того, чтобы можно было помочь волонтеру. Если люди не могут открыто сказать, почему им трудно, это почти всегда приводит к тому, что они теряют смысл ходить и постепенно перестают это делать. Очень часто помощь можно оказать относительно просто. Рядом всегда есть волонтеры с большим опытом, и многое, что беспокоит волонтера, уже пройдено координатором или другими волонтерами.

— Чем еще занимается координатор?

— Относительно самой волонтерской группы, я слежу за комфортным пребыванием ребят. Стараюсь привносить свои идеи и поддерживать различные инициативы. Занимаюсь развитием волонтерских навыков и группы в целом, в том числе и продвижением в соц. сетях. Организирую общение вне ДДИ. И делюсь, и получаю опыт от координаторов и волонтеров других групп.

Очень важно поддерживать вовлеченность волонтеров в работу, чтобы не получалось так, что координатор купил, подготовил, привез, а волонтер немного позанимался и ушел. В обязанность входит ведение соц. сетей. Подготовка новостей, написание текстов — это все тоже труд, которому надо учиться.

И, конечно, координаторство — это постоянный креатив. Нужно придумывать новые занятия так, чтобы это

не превращалось в рутину. Даже последние полгода, которые получились насыщенными, я старалась максимально разнообразить наши посещения.

Благодаря координаторству я получила огромный опыт общения с детьми, волонтерами, другими приглашенными людьми, опыт проведения мастер-классов. Раньше я боялась этого всего, а теперь благодаря такому количеству общения, налаживания контактов с людьми, я совершенно спокойно к этому отношусь. Я научилась делегированию и распределению обязанностей, управлению группой.

Но рано или поздно мне тоже придется уйти, я это понимаю. И тут уже трудности будут в том, что каждый координатор по-своему ведет группу. Так же опять возникает необходимость налаживания связей. Руководству проще, когда все идет по накатанной, и если вдруг что-то меняется, то вся цепочка должна выстраиваться заново.

Что касается назначения нового координатора, то важно постепенно передавать ему все свои функции. Для этого лучше всего назначить время, по истечении которого вы полностью передадите группу новому координатору.

— Расскажи о работе с руководством и персоналом учреждения.

— Как координатор я много общаюсь с персоналом, а потому отлично вижу их отношение к волонтерству как к явлению. Поначалу персонал нам не доверял. Им казалось, что мы пришли смотреть за ними, следить, как они общаются с детьми. Поэтому сначала они боялись и не очень понимали, что к чему. Постепенно они осознали, что мы не из «департамента» и нас не стоит бояться. Сегодня большинство воспитательниц к нам скорее нейтральны. Есть и те, которые нас очень ждут и стараются сами включаться в работу, но их не очень много.

Я стараюсь много времени и внимания уделять воспитательницам. Подойти, поговорить, спросить что-то. Все это располагает человека к вам. Таким образом, хорошие отношения сильно упрощают жизнь волонтерам, а, значит, и детям. Связано это также с тем, что с самим руководством мы почти не контактируем, а воспитатель является связующим звеном.

Конечно, есть вопросы, связанные с руководством, которые я решаю непосредственно с ним. Бывают чисто технические моменты, которые решаются через воспитателя. И я как координатор должна выстроить добрые и рабочие отношения и с теми, и с другими. Важно периодически показываться перед самим руководством, предлагать им неформальные отчеты в виде рассказов. Это служит своеобразным показателем того, что все хорошо.

Сейчас мы выстроили очень рабочие и хорошие отношения: во всем поддержка и всегда проявляется интерес. Во многом это достигнуто благодаря общению с самим руководством. Мы дружны в социальных сетях, рассказываем им о наших занятиях, показываем фотографии с занятий, обсуждаем новые идеи. Я поняла, что даже банально зайти, поговорить и показаться — очень важно. Это все помогает выстроить доверительные отношения и с персоналом, и с руководством. Я стараюсь со всем справиться сама, хотя иногда требуется помощь представителя движения.

— **А как к вам относятся воспитатели?**

— С воспитателями отношения не всегда складываются благополучно. Достаточно долго я думала над этим. Но в конце концов поняла, что это люди, работающие по 12 часов в учреждении, для них не организована профессиональная психологическая помощь, нет тренингов и поддержки. Мы на деле знаем, что настроение

воспитателя не только хорошо чувствуется, но и сильно влияет на обстановку. Поэтому необходимо каким-то образом получить их расположение.

— **Как можно повлиять на их отношение к волонтерам?**

— Один из способов — это постоянно напоминать персоналу о том, что с руководством согласовано и руководство в курсе, замечать, что вы уже у него были, наметили график работы и прочее. Это сразу говорит человеку о том, что мы общаемся, а потому предъявить сходу претензии не получится.

Второй метод — это проявлять интерес к самому воспитателю. Во время того, как группа занимается, можно подойти, поговорить о том, как дела в группе, спросить совет. Каждая группа детей уникальна, и то, что хорошо идет в одной, в другой может совершенно не работать. И именно тут воспитатель может подсказать, помочь, подключиться и поучаствовать, чтобы участие волонтеров было для детей максимально полезно. В любом случае, воспитатель очень важен, хотя бы потому, что именно он поддерживает дисциплину. И если дети видят, что его нет, то могут начать баловаться.

Ну и само собой, простенькие, незатейливые, символические, но все же презенты на праздники тоже отлично помогают и подчеркивают для воспитателя его значимость.

Так или иначе, постепенно воспитатели начинают проявлять интерес к волонтерству, узнавать, кто мы такие, зачем и почему сюда ходим. Это я стараюсь прорабатывать с воспитателями и лично отвечать на такие вопросы. Такая работа с персоналом очень трудоемка и затратна, но крайне важна.

— **А что бы ты посоветовала новым волонтерам?**

— Всегда с новыми волонтерами необходимо проговаривать всю техническую сторону вопроса. Необходимые

документы, правила безопасности, правила поведения в ДДИ и все остальное. Хотя, конечно, сейчас мы уже дошли до той степени доверия, когда воспитатель может спокойно уйти и не опасаться за детей, а иногда, наоборот, включиться в работу и помогать нам.

— **Может быть, тебе особенно запомнился кто-нибудь из воспитателей?**

— В моей координаторской деятельности был воспитатель, который быстро принял меня как координатора, а потом и всю волонтерскую группу. Это был один из таких людей, которому работа педагогом дана от Бога. Она нам очень сильно помогала. Например, когда мы с волонтерами танцевали, она приносила гармошку и играла. И вот недавно, когда я перебирала бумаги, то нашла благодарности от людей, работающих в учреждении. И среди прочих, благодарность от нее, которая отличалась, в первую очередь своей искренностью.

ПНИ — это всё, конец, никто оттуда никогда не заберет...

Виктория Дороничева — координатор старшей группы в 2016–2018 гг.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Как оказалось, волонтерство — это не только радость, но и серьезные переживания за дальнейшую судьбу своих подопечных: «Мы вдруг поняли: психоневрологический интернат — это конец пути...»

— Я давно задумывалась о волонтерстве. Мне хотелось чувствовать свою вовлеченность во что-то хорошее. Да, я могла перечислить кому-то денежку на лечение, но мне казалось, что всё это не то. Мне хотелось самой что-то

делать. И однажды мы с моим молодым человеком поехали в Даниловский монастырь, и на выходе из монастыря я увидела плакат Добровольческого Движения «Даниловцы»: «Детям в больницах нужны не только лекарства». И я подумала — это же знак!

Дома я зашла на сайт «Даниловцев» и подумала: «Ничего себе, сколько волонтерских групп — и в детские дома они ходят, и в больницы, в наркодиспансер, в психиатрическую больницу! Вот! То, что надо. Приходи и делай добро!» Это было то, к чему я всегда стремилась.

Но встал вопрос — куда идти. Я стала читать про каждую группу. И мне захотелось пойти в детский дом, потому что там у детей точно нехватка заботы и внимания. В больницах-то детишки с родителями. Да, у них тяжелые ситуации, но именно в детском доме — острая нехватка общения.

— Но вы пришли в детский дом-интернат?

— Да, я выбрала ДДИ №24, хотя территориально это вообще не мой вариант, я туда добирюсь практически два часа.

Очень хорошо помню первую встречу, я же раньше таких детей почти не видела — аутизм, синдром Дауна, ДЦП... Был сентябрь, бабье лето, дети гуляли на улице. И вот мы только заходим внутрь их забора, а они бегут вот так, раскинув руки, на нас: «Волонтё-ооры!»! Один ребенок вцепился мне в руку, другой повис на шее, третий в сумку лезет. У меня было одно желание — убежать за этот забор, закрыться, чтобы меня немедленно оставили в покое! Это было очень сильное нарушение границ.

И на той первой встрече я познакомилась с Зоей, она незрячая. Ей было тогда лет 13. Зоя взяла меня за руку, мы отошли, и она стала рассказывать, что любит апельсины, к ним приезжает батюшка, она причащается, у нее есть крестик. Какие-то очень личные вещи рассказывала.

Придя домой, я разревелась, и мой молодой человек сказал: «Вик, наверно, тебе лучше не надо ходить. Невозможно же будет постоянно переживать». Но я сказала: «Нет, надо сходить еще раз, чтобы понять. Тем более, там есть Зоя. Она меня будет ждать...»

Это было больше трех лет назад. И сейчас этот ДДИ стал тем местом, которое дает мне силы. Оттуда уезжаешь просто окрыленной! Эти дети вызывают у меня только нежность. Они дают столько нерассуждающей любви. Им все равно, какой ты, как ты одет, какой у тебя телефон. Ты можешь приехать любой, а тебя будут любить. Вы такого больше нигде не найдете.

— **А сколько там детям лет?**

— От 12 до 16. Это старшие группы. Малыши в другом здании, а в нашем — те, кому до 18 лет. И мы с другими волонтерами никогда не задумывались о том, что однажды наши дети уедут в психоневрологический интернат — ПНИ. Мы знали об этом, но все казалось — как-то потом, через год. И вот в прошлом сентябре мы приходим с наших волонтерских каникул — все в группе, а Кирилла нет, Сережи, еще одного Сережи... Всё, говорят, в ПНИ увезли. А буквально через неделю смотрим: возле каждой группы — список детей на стене, а фамилия одной девочки — Веры — бумажной полоской заклеена. И ее уже перевели...

Мы не понимали, как к этому относиться. С одной стороны, мы к ним очень привыкли, привязались. С другой, мы не знали, что там за условия — в ПНИ. Вообще, детей в ДДИ настраивают на то, что их туда однажды переведут, у них будет взрослая жизнь. Они это знают. И даже ждут, потому что в ДДИ все по-детски, они все с воспитательницей. Никакой самостоятельности, территория маленькая, никуда не выйдешь, чуть ли не за ручку все. Короче, чувства были двойственные.

— **И вы поехали в тот ПНИ.**

— Да, мы договорись с заведующей нашего дома-интерната, что навестим ребят. Поехали на машине вчетвером, — заведующая с нами, ей тоже было интересно, как ее ребята устроились. Купили подарков: что-то из предметов гигиены. Ехали очень долго, это дальняя окраина Москвы. Приехали и — встали перед глухим забором с КПП. Не пускают, дядечка-охранник говорит: «Ничего не знаю, меня не предупредили». Начались звонки, переговоры. Если бы не заведующая, нас бы ни за что не пустили, и мы бы с пакетами уехали обратно. И неважно, что к друзьям в гости приехали. Охранника не предупредили!

Наконец, мы прошли. Внутри оказалась приятная территория, лес, в помещениях тоже хорошо, просторно, позвали к нам наших ребят. Оказалось, что мальчики живут втроем в комнате, работают на каком-то производстве, что-то клеят, им платят, и они даже сами вскладчину купили плазменный телевизор!

Было облегчение, что им там хорошо, но потом появились и сомнения. То мы нашего веселого Кирилла видели среди детей, а тут — эти взрослые люди, странно одетые тихие женщины... Но самое главное, мы вдруг поняли: ПНИ — это конец пути.

В ДДИ у них до последнего была надежда, что их заберут. А этих детей, действительно, редко, но берут, в Америку как-то усыновили кого-то. Они часто об усыновлении, о семье говорят, воспитательницу мамой называют. Одну девочку на пробный визит брали, так она потом чуть с ума не сошла. Все говорила: «Который час? Меня сейчас мама заберет!» Хорошо, что они ее и правда забрали...

То есть в детском доме есть хоть какой-то шанс, что их возьмут в семью, и у детей появятся близкие люди.

Им проводят День Аиста, день открытых дверей, постоянно какое-то движение, подарки. А ПНИ — это все, конец. Никто их никогда не заберет никуда. Доживание своего века.

— Получается, что людей отрывают от мамы — они же воспитательницу именно в таком качестве воспринимают, от друзей-волонтеров, которых они искренне любят на протяжении многих лет. От любимого парня или девушки — а в 17–18 лет это неизбежно есть. И помещают за забор на другом конце города. И больше им ни с кем не придется увидеться, как ни проси. Но они могут позвонить?

— Нет, им не положены телефоны, можно позвонить только от психолога.

Что я хочу сказать: волонтерский труд — это служение, это на самом деле — большой труд. И важно не выгореть. Важно не только отдавать, но и чем-то наполняться. А сейчас я сама себя спрашиваю: вот мы играем с ребенком, веселим его, но он неизбежно отправится за глухой забор и будет ходить там в растянутых колготках... И у него снова никого не будет.

Все перевернулось в моей голове. Я все время об этом думаю: они все туда попадут. Вот эта Зоя незрячая. Как ей тяжело даже в нашем корпусе жить! От нее дети все отстранены, потому что она не видит. Максимум, она сидит, слушает музыку и шатается из стороны в сторону. Только с нами она играет и разговаривает. А в ПНИ что она будет делать? Сидеть целыми днями в комнате своей на кушетке и все.

А ведь у нас иногда в ДДИ приходят новые волонтеры, смотрят на ребят и говорят: «Вик, что с этими детьми не так? Почему они не могут жить как все, иметь семью, работу?» Ведь правда, наши ребята работающие, сильные, просто непосредственные, как дети. Они заслуживают большего: счастья, дружбы, семьи.

— И что вы решили, есть тут какой-то выход?

— Нас с волонтерами эта тема очень беспокоит, мы постоянно делимся друг с другом своими мыслями и переживаниями по этому поводу. А я обратилась к психологам, специалистам нашего движения — Лиде Алексеевской и Андрею Мещеринову. Они очень опытные люди, которые всегда готовы дать дельный совет. Выслушав меня, Лида предложила внедрить некую программу по поддержке наших подопечных, которые в ближайшее время отправляются в ПНИ.

Эту идею волонтеры моей группы поддержали. Как я это вижу: совместно с ДДИ и ПНИ мы будем устраивать встречи для старших групп, где с подопечными будут общаться психологи. Мы как волонтеры сможем возить их на экскурсию в ПНИ, чтобы показать наглядно, что их ждет в будущем, рассказывать про личную гигиену, про навыки самообслуживания. С девочками можно заниматься кулинарией, учиться стирать и т.д. Это большой проект, который мы сможем реализовать общими усилиями. Я уверена, что таким образом мы сможем изменить жизнь наших подопечных и сделать их перевод в ПНИ менее болезненным.

А в перспективе мы хотим открыть волонтерскую группу и в том ПНИ, чтобы ребята не чувствовали себя брошенными. Чтобы друзья приезжали к нашим выросшим мальчикам и девочкам, как и прежде. И нам это нужно не меньше, чем им.

Но это в планах. А пока, пользуясь случаем, я хочу пригласить всех в нашу волонтерскую группу гулять и играть с детьми в ДДИ. Приходите, если вам не хватает в жизни любви и привязанности. Здесь вы получите это в избытке!

Просто несколько звуков — но это уже прогресс!

Мария Шиндяпкина — волонтер группы.

В субботний вечер, в очередной раз встретившись все вместе, мы, волонтеры и уже такие близкие друг другу люди, поехали в «Сколковский». Открыв калитку и зайдя на территорию, все увидели, как золотистые лучи заката проблескивали между желто-красных кленов — пришла осень.

Мы быстро разошлись по группам и забрали детей на прогулку. Я взяла М., ему четырнадцать лет. Вместе мы вышли на улицу и сразу же весело зашуршали опавшими листьями, разбросанными, как волшебный красочный ковер, под ногами. Сегодня был какой-то особенный день, и этот невероятно красивый осенний пейзаж в солнечных лучах вокруг, и настроение детишек, их звонкий смех, улыбки... Сегодня мы с М. танцевали, пели, катались на качелях, собирали букеты из опавших кленовых листьев и просто весело прыгали по ним. А сколько радости и невероятных эмоций на лице М. было, когда у него получалось надувать мыльные пузыри и лопать их, а еще сегодня М. показал мне танец утят, это было так здорово!

Глядя на М., я задумалась: сколько же всего можно дать ребенку, даже если у него диагнозов больше, чем ему лет! Раньше М. был таким серьезным и молчаливым, иногда даже казалось, что этот ребенок никогда не будет радоваться даже тем мелочам, каким обычно радуются дети. А сейчас есть прогресс, который получился благодаря работе воспитателей и нашей помощи!

После прогулки мы с девочками-волонтерами, как всегда, делились нашими впечатлениями, и оказалось, что сегодняшний день стал особенным для всех, для

каждого из нас! Каждая из нас поделилась своей историей, своими эмоциями! Стало очевидно, что дети, которые в начале весны не могли даже говорить, а только издавали звуки и то — настолько редко, что любой звук был для нас счастьем, сегодня уже поют, говорят (пусть даже не четко, но уже понятно). Сразу же видно, что с ними очень хорошо работают.

А., например, пела песню вместе с волонтером Юлей, пела! Пусть не всю, но начала. О., девочка, которая не может ходить, говорить, а может только лежать и смотреть, сегодня улыбалась и смеялась, и даже пыталась что-то сказать волонтеру Оле. М., которая всегда молчала, стала пробовать что-то сказать, просто несколько звуков — и это уже прогресс. Р., который очень давно не гулял с нами, показал нам такие эмоции, был так счастлив, я даже не знаю, как это описать. Это невозможно описать словами. Он не отпускал нашего координатора Марианну ни на шаг и крепко-крепко сжимал ее руку.

Все мы нуждаемся во внимании и ласке, а особенно нуждаются в них дети. Это дает им шанс раскрыться, почувствовать себя нужным. Что стоит взрослому подарить хоть капельку тепла детям — ведь это несложно, так давайте же все вместе делать добро! Ведь наша самая большая сила заключается в доброте.

А меня сегодня возьмут погулять?

Марианна Бушуева — координатор младшей группы.

Каждое посещение Дома ребёнка — особенное. Никогда не знаешь, как на этот раз сложится прогулка.

Бывает, что волонтеров пришло меньше, чем детей в группе. Допустим, трое, а детей в группе — 5–8. Всего же в Центре, который мы посещаем, 8 групп разных

возрастов и разного состояния здоровья. А так как это малыши, которые не всегда хорошо умеют ходить и почти всегда не умеют разговаривать, то на одного ребёнка приходится строго один волонтер. Эта система помогает очень внимательно следить за безопасностью детей, а ещё даёт то качественное внимание, заботу и тепло, которых так не хватает сиротам. Суббота — тот день, когда взрослый весь твой, слушает только тебя, хочет провести именно с тобой свой выходной день просто так, просто потому что вам хорошо вместе. И эти дети реально умеют это ценить, брать свой максимум из общения. Лежащие дети начинают привставать, неговорящие — учатся разговаривать и издают свои первые звуки.

Но и поэтому самое трудное в нашем волонтерском деле — это первые 5–10 минут, когда мы разбираем детей на прогулку. Вот этот немой вопрос в глазах: «А меня сегодня возьмут погулять? Меня поддержат за ручку?»

Вот мы заходим в помещение группы и забираем на прогулку пять детей из шести, а 4-летняя М. остаётся наблюдать, как няня моет полы и готовит ужин. М. никак не может смириться с таким положением дел, в ход идут слезы, и эти слёзы мне кажутся горше слез моей дочурки — в них столько безысходности...Ведь М. уже успела полюбить и волонтера Алёну, и внимательную Таню. Но у малышки изредка случаются припадки, поэтому ей нужно внимание супер-плюс, и мы никак не можем взять ее сегодня на прогулку. Я как координатор подмечаю, как расстроены такой ситуацией мои волонтеры, и в следующую субботу М. непременно пойдёт ворошить осеннюю листву своими крепкими ножками, за ручку с любимым волонтером!

Ведь ей это совершенно необходимо! Наши совместные прогулки — это не просто время, проведенное на свежем воздухе. За полгода регулярных прогулок дети

научились ценить ту свободу, которую им дают волонтеры, научились слышать свои собственные желания.

Хорошо ли это? Однозначно да, ведь именно запросы и желания заставляют ребенка развиваться, расти, становиться сильнее, а, значит, у этих детей будет больше шансов на лучшее будущее. Потому что одновременно меняется и система, меняется сознание людей, общество перестало панически бояться малышей с особенностями развития, поворачивается к ним лицом. Особенно это заметно по молодому поколению (в нашем движении много студентов). И это очень позитивные изменения!

У каждого ребёнка своя история. Кто-то с радостью идёт на контакт, кто-то, наоборот, замыкается в себе. Но абсолютно каждый ребёнок, которому мы регулярно уделяем внимание — меняется. Глаза как будто распахиваются шире, расширяется диапазон звуков, движений, он как будто начинает ощущать себя и своё место в этом мире.

Бывает очень грустно, когда ребёнка вот-вот должны усыновить, но каждую субботу мы по-прежнему встречаем его в казённых стенах... А потом усыновление и вовсе отменяется. Здесь роль волонтера бесценна — ведь наши уже такие знакомые лица рядом каждую неделю, в одно и то же время. Любым детям очень важно, чтобы в мире было что-то незыблемое! И я счастлива, что в нашей группе большинство волонтеров приходит регулярно!

Каждую субботу мы показываем детям, что каждый из них — личность, вне зависимости от тяжести заболевания и невзгод, которые им пришлось пережить. Учим их быть друзьями друг другу, приносим бесценную информацию о большом мире за забором, частью которого они являются.

Я считаю, что общение с особенными детьми — это самое благодарное и ресурсное дело, потрясающие

результаты которого можно видеть каждую неделю! Дети в принципе быстро растут, а если дать им мотивацию, проявить интерес к отдельно взятой личности и немного любви — делают невозможное.

Если в детдоме быть волонтером год: что изменится?

Виолетта Протасова — волонтер группы.

Второго марта я впервые увидела этот детский дом в снегу. Последний раз я была здесь в конце декабря, потом брала отпуск на время учебной сессии в университете. А в конце декабря, как повелось, снега не так уж и много. Поэтому в этот раз было как-то по-особенному сказочно.

И так неожиданно было войти в группу после двухмесячного перерыва и тут же услышать приветственный визг от А. и Д. Ни на что его не променяю. К детям я вошла с волонтером Юлей — любимицей А. Да, у них любовь. Но малышка тут же взяла за руки меня и будто начала что-то рассказывать. Я присела на корточки, хотела быть к ней поближе. Не знаю, почему именно меня она выбрала, а не Юлю: может, потому что Юля в этот момент решала организационные вопросы, или потому что А. чувствовала, что я очень соскучилась... Она и правда пыталась что-то говорить. А год назад это была кроха с испуганными глазами, которая не совсем понимала, зачем к ней приходят эти взрослые тёти и ещё пытаются с ней играть. А. тогда смотрела на нас с некой опаской, мало ли, вдруг нам не стоит доверять.

Сейчас мне очень сильно напоминает ее маленькая Д., которая спустя десять секунд притопала к нам в прихожую. Да, Д. притопала. Правда, с ходунками-каталкой. Но уже уверенно и даже гордо. Наверное, она понимает,

что стала самостоятельной. С Д. у нас особенные отношения. Мне так нравится наблюдать за динамикой её развития: она похудела и начала больше двигаться, больше обниматься и лучше осознавать то, что происходит вокруг.

Р. почти все полтора часа провёл с волонтером Наташей. Он тоже изменился. Раньше он напоминал зверька — хватал всё, что попадает на его пути, и старался это разрушить. Пара часов с ним заменяли пару часов фитнеса. Были, конечно, исключения. Но в основном так. Теперь же я как сторонний наблюдатель увидела, что он стал более послушным и хозяйственным. Первые полчаса посещения была прогулка, и он собрал возле веранды почти весь снег игрушечной лопаткой в ведёрко. Жаль только, ледяные глыбы на аллейке ему не по плечу, ростом маловат. А то уж очень они мешали нам с Д. гулять с коляской. Да и вообще, неплохо было бы покататься на горках. Или в очередной раз покорить все вершины детской площадки. Только всё завалено сугробами, и Р. с ними вряд ли справится.

И, конечно же, М. Не представляю день посещения «Сколковского» без него. Волонтер Таня насыпала с ним семечки в кормушки для птиц. Он рвался наполнить абсолютно все. Даже снежные препятствия его не останавливали. На середине прогулки М. понял, что соскучился по волонтеру Маше, и предложил координатору Марианне позвонить ей по видеосвязи. Да, с каждым посещением он всё осознанней.

Проходит год, и вот так всё меняется. Дети к нам привыкают, а мы привыкаем к ним. Мы помогаем им, а они помогают нам. Мы улыбаемся, когда улыбаются они. Мы развиваемся, когда развиваются они. Как же хорошо, что в жизни каждого из нас есть такой вот круговорот взаимности...

Кто лучше — я или шишка

Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь
ДД «Даниловцы».

Рост Димы — меньше метра. Поэтому я сажусь рядом с ним на корточки и высоко поднимаю шишку. Разжимаю пальцы, шишка падает на асфальт. Дима внимательно следит за ней глазами. Снова поднимаю, отпускаю, шишка с шорохом катится в сторону. Дима смотрит. Прошлогодние листья ему не интересны, шишка лучше, а больше под руками ничего нет. И мы продолжаем стоять (а я — сидеть) посередине дорожки интерната.

Он бы так и провел всю прогулку, вдали от остальных детей и с шишкой. Я, кстати, тоже. Кажется, мы нашли друг друга — два небольших интроверта. Но нас зовут...

Волонтеры «Даниловцев» попали в «малышовое» отделение детского дома-интерната №24 не сразу. Сначала они несколько лет посещали старшие группы. И однажды руководство ДДИ предложило волонтерам гулять и с младшими. Детей много, воспитателей мало. Выйти на улицу, покидаться снегом или подышать первым весенним ветерком может один-два ребенка из группы. Остальные — завтра. Или послезавтра.

Но в эту субботу гуляет вся группа — четыре человека 2–4 лет, потому что пришли мы с девочками. Четыре малыша — это четыре не желающих стоять ровно организма, четыре комбинезончика, восемь ботиночек, шапки, стой, дай натяну! Притопни! Это твой? Где же эта пуговица... А второй ботинок был? Не туго? Ну пошли...

Одеть надо стремительно — и им жарко, и нам. Теперь вниз со второго этажа. Идут дети не совсем уверенно, и два пролета они будут одолевать целую вечность. Поэтому — каждой по утепленному ребенку и — на руках. А внизу еще тугие двери. Да, теперь очень хорошо

понятно, почему одна няня может вывести гулять только одного ребенка за смену...

«Мой» мальчик — Дима. Ему четыре, но ходит он, как в два, и вообще недавно оперирован на сердце. Это очень неторопливый спутник. Плюс он не говорит, и не факт, что слышит меня. Или просто не слушает. И шишка ему явно интереснее, чем я. Но, с другой стороны, почему нет...

Воспитательница предлагает посадить Диму в коляску и докатить до веранды, но я отказываюсь: гулять так гулять. И вот спустя минут 15 мы догоняем остальных. На веранде — игрушки, и Дима оживляется. Он решительно забирает кукольную коляску у Миши и начинает с ней весьма бодро носиться. Миша — это низко надвинутая на лоб шапка, из-под которой торчат длиннющие ресницы. Он — «домашний»: если Дима — отказник, то Мишу забирают домой на выходные.

Еще есть две девочки. Настя — совсем маленькая, она еще почти не ходит и в виде морской звезды, растопырив ручки и ножки в толстом комбинезоне, сидит на коленях у волонтерки Кати.

А еще Ася, у нее тоже синдром Дауна, как и у моего Димы, и это самая красивая девочка на земле: сероглазая блондинка, брови вразлет.

Кого-то из девочек тоже изредка навещает мама, но домой не забирает. Мы не осуждаем и не обсуждаем это, мы гуляем. Асю катают на лошадке-качалке, Миша очарован песенкой из телефона. И так мы ходим, припеваем, крутимся по веранде, подхватываем за воротник.

И всё? Да, и всё. Все мамы так гуляют с малышами.

А потом, через час, мы поднимаем румяных детей на руках наверх. Ася раздевается первой и — ух ты, как, оказывается, эта трехлетняя крошка шустро раздевает остальных! Она стаскивает шапки вместе с ушами,

относит по порядку в шкаф ботиночки и штаны, трудится вовсю! Жалко, детей мало.

А Дима? Дав себя раздеть, он остается сидеть на диване и начинает рассматривать свои носки. И вдруг молниеносно стягивает их и швыряет вдаль. Я говорю, чтобы он не кидался, ну и... кидаю ему их обратно. Дима хихикает, кидает носком в меня снова, и я думаю: какой же это обычный, хороший, шkodливый мальчишка. И что я в его глазах, пожалуй, стала интересней шишки. И что надо в субботу ехать сюда опять. Потому что в каком-то смысле у Димы все нормально — в группу ходит логопед и психолог, где-то есть комната Монтессори и куча развивающих игрушек.

Но у каждого мальчика есть право на шишку в кармане. И кажется, я первая, кто ему ее показал.

Соня и сирень

Виолетта Протасова — волонтер группы.

В этот раз мы поехали втроём: я, Маша и Марианна. Когда Саша нас увидела, сразу побежала обниматься с каждой. А пока бежала, так улыбалась!...

Да, эта девочка улыбается по-особенному, не скрывая ничего.

Мы решили, что сегодня Саша будет гулять с нами. Хотя, почему мы? Она сама всё решила. Просто взяла Машу за руку, сказала, что будет себя хорошо вести и начала предлагать идеи, чем бы заняться во время прогулки.

А потом состоялось знакомство с Соней. До этого мы не встречались. Воспитательница предложила нам с ней подружиться. Нам очень понравилась эта идея, Сонечке тоже.

Марианна с Машей бродили по тропинкам интерната со старшей девочкой и пели «Облака — белогривые

лошадки». Причём начала сама девочка, без чьей-либо подсказки. А потом девушки стали учить её щёлкать пальчиками в такт мелодии. Было видно, что раньше она никогда этого не делала, и что ей очень нравится.

За всем этим я наблюдала со стороны, гуляя с Соней. Первую минуту мы познакомились. Затем пошли на площадку. По дороге я с ней говорила. Малышка меня слушала. Я рассказывала ей про то, как сегодня на улице особенно тепло, как красиво зацвела сирень. Она шла и смотрела только вниз. Не оглядываясь вокруг. Поэтому я решила, что нужно ей всё-всё рассказать.

Так вышло, что мы близко подошли к воротам интерната. Мимо проходил прохожий, услышал, что я говорю с ребёнком. Он бросил неодобрительный взгляд, будто бы подумал: «Чего это ты с ней беседуешь, она маленькая, ещё и с диагнозом». Я сделала вид, что не заметила. Мы с Сонечкой просто отошли и продолжили прогулку.

Я начала делать ей комплименты. Говорить, какое красивое на ней сиреневое платье, какая интересная брошка на шапочке, как здорово она уверенно шагает. Да просто говорить, какая она хорошая девочка и как сильно её любят все вокруг.

И вдруг Соня начала мне отвечать. Она старательно произносила что-то непонятное. Я наклонилась к ней и начала слушать. Теперь пришёл её черед высказаться. И мне казалось, что я её понимаю. Так же, как и она меня несколько минут назад. Слова — это ведь не просто набор букв. Это ещё и сильнейший эмоциональный посыл, который дети, как никто другой, чувствуют.

Так что, милый мой друг, который проходил по той улице вечером, ты ошибся. Она меня слышала. И не только слышала, но ещё и слушала. Просто решила это утаить. Зачем? Пусть это останется её маленьким секретом.

Все, что надо делать — просто быть рядом

Анастасия Делкова — координатор старшей группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Как люди приходят к волонтерству в детских домах?

— Это происходит в тот момент, когда человек внутренне созрел и понимает, что он живет в этом мире не один. И ему хочется делать что-то большее, нежели просто жить, достигая только лишь своих целей и живя только для себя или для своего узкого круга. Он понимает, что мы все едины в жизни и взаимосвязаны, поэтому мы должны помогать друг другу. Я вообще считаю, если у нас каждый человек научится заботиться о любом другом, тогда вообще не будет потребности в каких-то детских домах, приютах или других учреждениях, куда люди приходят волонтерами. Просто мир поменяется. Пока у нас большая часть населения живет в режиме выживания, но есть люди, которые понимают, что помимо выживания есть что-то большее. Есть единство, которое мы должны поддерживать. Потому что благодаря ему мир как-то существует.

— А что лично вас привело в ДДИ №24?

— Думаю, это судьба, провидение. Потому что я пришла в «Даниловцы» для того, чтобы стать волонтером. А Москва — она большая, и у меня много дел, и как-то мотаться туда-сюда в транспорте подолгу не хотелось. Я увидела, что возле моего дома находится ДДИ №24, и подумала, что это для меня подходит. Эта группа мне очень откликнулась, да еще и посещать удобно. В общем, звезды сошлись.

— Как изменилась ваша жизнь, когда вы стали волонтером?

— Абсолютно, кардинально поменялся уровень сознания. Он каждый день меняется, и каждый день я получаю от жизни какие-то уроки. Как-то я наткнулась на такую полезную статью, где девушка-волонтер писала, что милосердие, как и любую мышцу, можно развить. И вот еще одна цитата: «Попробуйте хоть раз быть немножко добрее, и вы увидите, что уже не можете жить иначе». То есть постепенно внутри начинается что-то развиваться и приходит все больше понимания, что надо заботиться о мире и друг друге. И поэтому, конечно, меняется каждый день сознание, приходят новые привычки, новое понимание мира и вещей. Каждый день.

И дети, которые находятся именно в ДДИ №24 — это какие-то уникальные дети. Принято говорить, что они особенные, но я думаю, что у нас нет людей особенных, а просто каждый — уникальный. И у них уникальность проявляется в том, что они, во-первых, честны и правдивы. Они не знают лжи. Они всегда говорят открыто. И они учат нас этому. То есть ты каждый раз понимаешь, что в жизни где-то был нечестен с собой, с другими людьми. Ну — мы все это проходим. Но когда ты видишь, как они честны, открыты и правдивы, то сам от них этому учишься.

Второй момент — это открытое выражение своих чувств. Эти дети всегда приветливо относятся к любому человеку. К каждому волонтеру они подбегают, обнимают, с таким трепетом к нему относятся, всегда сделают какой-то комплимент, скажут: «Ты красивая!» Они открыто, от сердца говорят то, что видят и чувствуют. А чувствуют они очень много. Казалось бы, они обладают какими-то умственными ограничениями, а мы — нет. Но нам иногда этот ум мешает правильно чувствовать

жизнь, людей и выражать свои чувства. Мы закрываемся от настоящих чувств и живем только умом. Тут еще вопрос — кто чего лишен...

— **То есть волонтеры идут помогать детям, но сами неожиданно получают от них очень много? Принятие, комплименты, одобрение.**

— Еще волонтеры получают ощущение того, что у них теперь есть источник света и добра внутри, который нужен миру. Они его постепенно развивают, и жизнь начинает преображаться. И переходит это не только на волонтерство, но и на все остальное. Мы уже по-другому начинаем смотреть на окружающее, на близких, понимаем ценность этого мира и ценность себя. Потому что вообще-то мы в этом мире важны.

И мы только недавно обсуждали на тренинге в «Даниловцах», что волонтеры сталкиваются иногда с таким внутренним диссонансом и чувством вины, что вроде бы они идут отдавать, но взамен получают гораздо больше. Это чувство дискомфорта идет от того, конечно, что мы сами себе запрещаем что-то получать обратно от мира. Волонтер получает благодарность, но он закрывается от этого. Мы закрываемся от того, что волонтерство несет нам какую-то отдачу. Мы считаем себя обязанными делать что-то, но ничего получать за это мы не должны. Особенно если ты волонтер...

Но жизнь-то — это энергообмен. Мы отдаем и получаем. И получать — тоже прекрасно! Понятно, что импульс должен быть, прежде всего, на отдачу. Но получение чего-то в ответ надо тоже уметь принимать.

— **У вас стоит каждый раз задача как-то развить детей?**

— Нет, у нас есть задача просто прийти, пообщаться, поделиться своим теплом. Каждому человеку нужны родные люди, друзья. Для каждого человека самое важное в жизни — это любовь и тепло от мира и близких лю-

дей. И вот мы являемся близкими людьми этим детям. Мы приходим и можем погулять или провести мастер-класс, но у нас нет задачи какого-то развития. Эта задача есть у учреждения. Мы — просто друзья. Летом мы больше времени проводим на улице. Недавно запускали дрон, теперь у нас есть очень красивые фотографии, с высоты сделанные. Большие мыльные пузыри пускали, фотосессию делали волшебную, где девочки были принцессами в красивых платьях. Если мы на улице гуляем, берем две группы. В группе по семь человек, волонтеров в среднем приходит пять-шесть человек. Меньше троих точно не бывает.

— Какова роль координатора в вашем понимании?

— Тут нет четких обязанностей, но обязанности по коммуникации людей — есть. Ты договариваешься с учреждением, волонтерами, с руководством «Даниловцев». Чтобы срослось одно посещение в субботу, нужно сделать очень много звонков, договориться с теми, кто готовит мастер-класс. Это большая работа по коммуникациям. И большая работа по тому, чтобы группа жила и волонтеры были заинтересованы в том, чтобы ходить. Но это не искусственные какие-то вещи, ты просто делаешь то, что надо. У меня есть внутренняя заинтересованность в том, чтобы к детям ходили друзья. Все. И на этом все держится.

— А что делать, если волонтер переживает по поводу детей?

— Да, есть такое, конечно. В этом случае ты просто разговариваешь с человеком, доносишь какую-то информацию из своего опыта. Иногда руководство учреждения что-то волонтерам рассказывает. Иногда я вижу, что волонтеру трудно. Бывают такие периоды, когда у детей обострения, они очень активны, требуют много внимания. Не все бывают к этому готовы, мы же все разные.

Сегодня много энергии, а завтра ее нет. И я, допустим, вижу, что волонтеру тяжело. Подхожу, говорю: «Тебе сегодня было тяжело?» Она говорит: «Да, спасибо за понимание, я бы сама не сказала, это как бы стыдно...» Такую работу ты, конечно, проводишь, когда видишь, что людей надо морально поддержать. Конечно, они задают вопросы по поводу детей, и ты отвечаешь, стараешься успокоить, чтобы у них не было чувства жалости. Я всегда на первых собеседованиях обозначаю, что не нужно проявлять чувство жалости. Эти дети не обделены. У них свой уникальный жизненный путь, они наполнены очень большой любовью и очень большой честностью. И с теми детьми, к которым мы ходим, с ними замечательно занимаются, у них замечательный детский дом. Да, у них нет родителей, а они хотят семью. Но это их путь. И все что мы можем сделать, это просто прийти и побыть рядом. Просто порадоваться этому мгновению. Без жалости.

Дети, космос и паук

Ирина Капошко — волонтер группы

«Кто людям помогает, тот тратит время зря! Ха-ха!» Ну, на то злобная старушенция и отрицательный персонаж, чтобы показывать, как делать не нужно. «Послушай Шапокляк и сделай всё с точностью до наоборот!» — вот мой девиз.

И недавно я помогала готовить занятие, посвященное космосу. Итак, задача — проведение мероприятия в старшей группе ДДИ №24, где живут дети с особенностями. Время, отведённое мне на лекцию, — 10–15 минут, время подготовки — 2 дня. Все сопутствующие материалы, в виде макета Солнечной системы и прекрасного прожектора, который имитировал звёздное небо, мне пообещали

предоставить. То есть от меня требовалось лишь личное присутствие и десятиминутный монолог о космосе.

Я по старинке села за конспект своей дебютной лекции. Ведь, одно дело — владеть информацией, а другое — донести её до детей, да ещё с особенностями, да ещё и которых никогда не видела. Я набросала основные вехи, стараясь разбавить их интересными фактами, например, что паук не способен плести паутину в условиях невесомости (сама в шоке).

Настал день икс. Ехала я с замиранием сердца: как все пройдёт? Как встретят меня ребята — и волонтеры, и подопечные? Справлюсь ли? Сотни вопросов крутились в моей голове. Договорились встретиться у метро «Славянский бульвар», к моменту, когда я приехала, там уже была Виктория и скромный молодой человек Евгений. Спустя некоторое время к нам присоединился Родион (как и я, волонтер-новичок), затем Павел и две милостивые девушки, и всех Виктория знакомила друг с другом, чувствовалась такая забота и неравнодушие в этом, словами не передать. Это был момент, когда я плавно влилась в абсолютно новый для меня коллектив совсем без потерь, и это очень важно!

ДДИ №24 — двухэтажное здание за забором с несколькими подъездами, с виду похожее на типичные детские сады — наследие времён СССР. В помещении мы разделись, я заглянула в дверь: там за партами сидели ребята, человек 10, перед ними стояла достаточно суровая женщина, как позднее выяснилось, воспитатель. Я зашикала на ребят-волонтеров, мол, мешаем занятию, а оказалось, это нас так ждут подопечные — в тишине и за партами, как в школе. Мы ворвались в кабинет шумным вихрем, начали готовить технику — компьютер и проектор — при этом один из детей, Максим, вызвался нам помочь. Оля собирала макет Солнечной системы, Родион и Павел

помогали Максиму, мы готовились к занятию, рассаживали ребят, а параллельно я начала настраивать мальчишек на космический лад.

Чудесное преображение помещения и ребят началось, когда я включила радужный прожектор: по потолку, стенам, лицам ребят забегали весёлые разноцветные огоньки. Радости мальчишек не было предела: «Звёзды!» — закричали они. В ходе моего рассказа про Вселенную, Солнечную систему и её обитателей в лице звёзд, планет, нас с вами и всего живого, ребята показали недюжинные знания, наперебой выкрикивали названия планет, вспомнили Белку и Стрелку, первого космонавта Юрия Гагарина, чем просто сразили меня. Я была счастлива, всё удалось. В обсуждение включился Родион, он дополнял рассказ, заполнял неловкие паузы, ребята охотно шли на контакт. Затем все, включая нас, радостно уселись за просмотр развивающего мультфильма про космос, который подготовила Вика. Ребята заворуженно смотрели на экран, комментировали происходящее на нём.

Следующей активностью был танец «Ракета». Вика объявила задание и, о, чудо, Максим сказал, что знает его и вызвался нам его транслировать, а мы все дружно повторяли за ним, при этом он нас постоянно подбадривал и поторапливал. Ракеты, в лице и волонтёров и подопечных, взлетали, стыковались, летели все быстрее и быстрее, смех наполнил кабинет, все покраснелись в своих стараниях. Эмоции просто захватили нас и закружили в общем вихре удовольствия!

Последнее задание было творческим — ребятам нужно было придумать и нарисовать свою планету. Был и круг, и дом (видимо, для этого мальчишки дом — и есть его планета), клеились блёстки и вата, монтировались возвышенности, сопели носы от усердия.

Серафим, ребёнок «солнечный», впервые увидел вату, я взяла кусочек, провела мягкой ватой по носику, щёчкам, ушкам ребёнка, он замер от удовольствия. А затем мы представили, что это облако, и дули на этот комочек, гоняя его воздухом по столу друг к другу. Серафим был счастлив и заливисто смеялся, а вместе с ним была счастлива и я — девушка-волонтёр, казалось бы, с другой планеты. А планету свою Серафим назвал Космос!

Финальной точкой моего удивления стал тот факт, что самый старший из мальчиков — Саша — взял веник и совок и начал убирать кабинет, где мы порядком намусорили в нашем творческом порыве. А за пять минут до ухода меня окружили воспитанники ДДИ и начали наперебой рассказывать мне, в каких лагерях они были, сколько раз и чему их там научили.

Всю обратную дорогу домой я улыбалась и продолжаю улыбаться сейчас. Делать добро так просто, а получать от этого удовольствие — ещё проще, просто попробуйте! Вернусь ли я к ребятам из ДДИ№24? Ответ очевиден — да, конечно, с огромным удовольствием! Ведь, как сказал наш классик Ф.М. Достоевский, душа исцеляется рядом с детьми.

Особый Новый Год

Родион Грудинский — волонтер группы.

«— А что это у нас за сугроб под новогодней елкой? — звонким голосом восклицает Снегурочка. — Смотрите, да это же...»

— Дед Мороз! — в нетерпении кричат детишки, и я встаю и оглядываю зал. На меня смотрят десятки широко открытых, добрых, бесконечно искренних глаз. Отличаются ли их обладатели от обычных детей? Наверное.

Но разница стирается после первого же проявления чистых детских эмоций: легкого испуга, сменяющегося интересом, радости от прихода сказочных гостей, восторга от участия в играх и танцах.

За несколько посещений детского дома-интерната №24 с командой волонтеров-«даниловцев» я уже привык к своим необычным подопечным. Благодаря чудесному координатору группы страх и неловкость исчезли ещё в первый раз, сейчас же я взялся за главную роль в новогоднем утреннике с уверенностью опытного детского аниматора.

Представление продолжается. В то время как наша доблестная Снегурка организует игры и управляет ходом действия, я стараюсь уделить внимание всем ребятам, а в нем они нуждаются по-разному и в разной мере. Празднично одетые мальчики-зайчики трогают меня за бороду, касаются краев шубы, берут за руку и шепчут свои новогодние желания. Девочка постарше держится поодаль, но не отрывает от меня восхищенных глаз и скромной улыбки. Совсем тяжелые дети остаются сидеть на местах, но одного взгляда на них достаточно, чтобы понять: они в сказке вместе с нами, они смотрят и слушают.

И вот мы, сами того не замечая, выходим за рамки своих ролей и становимся символами добра, любви и волшебства, приходящих к таким детям вопреки всем сложностям жестко обошедшейся с ними жизни. Но это вовсе не односторонняя связь: наоборот, придя поделиться теплом и заботой, мы сами становимся окруженными таким интересом и вниманием, как никогда в жизни. Отдача всех своих душевных сил возвращается от детей еще большим зарядом по-настоящему позитивной энергии. Может быть, в этом и заключается их особенность?

Я рад, что пришел в интернат

Павел — волонтер группы.

«Нет ничего дороже времени, и сейчас мало кто отдает его за так, — говорит наш новый волонтер Павел, — да еще с искренним желанием подарить детям из интерната для инвалидов праздник. Но я там был и видел это...». Павел только начал ходить в ДДИ №24, но сразу сделал главный для себя вывод: важно не какой ты и с чем пришел, а то, что ты вообще пришел к одиноким детям...

«Задаю себе вопросы: «Почему я решил этим заниматься? Может, хочу этим что-то оправдать? Может, просто хочу казаться хорошим? А есть во мне искреннее сострадание к тем, к кому я иду в гости?» Долго копаюсь в себе и не могу ответить точно. Но потом понимаю, что детям все равно, каким будет ответ. Главное — я пришел.

Дети улыбаются и рады встрече. Все мы на час становимся труппой театра теней, идет подготовка к спектаклю, сцена, сценарий, актеры и их герои, сюжет. Это фурор!!! Об этом выступлении пишут все газеты, постановку хотят видеть главные площадки планеты. Нас ждут слава и успех. Урааааа!!!

Но нет. Эти ребята и девчонки большую часть жизни проведут в стенах учреждений под присмотром. Но подарить им чуть больше радости можно. Надо просто прийти.

Мы снимаем пачками патриотические фильмы, бьем себя в грудь за лучший ЧМ по футболу, но по-настоящему великой нацией мы будем, только не забыв об особенных детях. Они особенные, но — не другие. У этих детей можно научиться простой, искренней, безусловной радости, не сравнивая себя с ними, а видя, как умеют радоваться они. Я рад, что пришел...»

Наши ласковые и искренние девочки...

Виктория Дороничева — координатор старшей группы в 2016–2018 гг.

Наши встречи с подопечными в ДДИ 24 в холодное время года в основном проходят внутри помещения. Редко, когда бываем на улице, и если бы вы знали, как уже хочется тепла, чтобы поскорее возобновить наши активные прогулки на свежем воздухе!

Сегодня наша поездка оставила очень тёплый след в моей душе. Вдвоём с Варей мы отправились к нашим чудесным девочкам во вторую группу. По дороге мы обсуждали планы на будущее, а их, как известно, всегда очень много! Например, мы помним про наших воспитанников, которых не так давно перевели в ПНИ, и в ближайшее время планируем навестить ребят.

Девочки у нас очень активные и любознательные. Мы с Варей смогли невероятно организовать этот час: в первой половине мы делали отпечатки ладошек и раскрашивали, а во второй половине танцевали под музыку Е. Железновой и играли в игру на внимание, а в конце нашей встречи девочек ждала фотосессия. Они с особым трепетом относятся к ней: выбирают позу и хотят сразу же увидеть своё изображение.

За нашу встречу девочка Вика дважды призналась мне в любви, а девочка Зоя сделала мне комплимент и сказала, что я вкусно пахну. Наши девочки всегда очень нежные и ласковые, а самое главное — искренние!

В детский дом, как на пожар!

Александр Гречухин — волонтер группы.

18 мая 2019 года в Центре содействия семейному воспитанию «Сколковский» мы проводили практический мастер-

класс по пожаротушению. В проведении этого тренинга любезно согласился помочь наш знакомый спасатель Сергей, сотрудник службы МЧС.

Хорошая погода позволила заниматься на спортивной площадке. Сергей привез с собой не только опыт, знания, но и предметы для пожаротушения. На площадку пришли ребята с воспитателями из разных групп, как только они увидели, что будет происходить что-то интересное. Спасатель рассказал им про работу с огнетушителем, рассказал, какие они бывают и чем они отличаются, как определить на манометре уровень заряда. Каждый мальчик потрогал огнетушитель, а некоторые, более взрослые, даже смогли выпустить из него порошок, чтобы посмотреть, как это работает. Воспитатели также с интересом слушали, задавая вопросы про пожарную безопасность в зданиях.

Все мальчики старше 10 лет смогли примерить на себя полный комплект пожарника, включая костюм из жаропрочного материала, шлем, ремень и т. д. Надо отметить, что вес такого набора больше 5 кг! Особенно ребятам понравился современный противогаз «Самоспасатель», в котором можно находиться в дыму до 45 минут и спокойно дышать. Некоторые надели его по 2–3 раза!

В общем, надо ли говорить, что все парни остались в восторге от тренинга, отвечали на вопросы профессионала, многие делали фотографии на память с амуницией!

Как потом выяснилось, Сергей, который профессионально связал свою жизнь с работой спасателя, выбрал эту профессию после того, как много лет назад к нему в школу приехали пожарники с подобным мастер-классом. Это вдохновило его и определило дальнейшую жизнь. Теперь, спустя более 30 лет, он проводит обучающие мастер-классы и тренинги для молодежи разных возрастов, чтобы рассказать им об этой мужественной

профессии. И надеется, что кто-то из ребят тоже захочет стать спасателем!

Бокс и ватман

Екатерина Клинкова — волонтер группы.

Среда — а это значит, что волонтерская группа собирается у метро и дружно едет в ДДИ. Только заходишь на его территорию, как к тебе уже бежит обниматься кто-то из подопечных с криками «Волонтёрыы!!!». Дети здесь невероятно дружелюбные и любвеобильные: даже приехав в первый раз, чувствуешь, как к тебе, незнакомому человеку, уже относятся со всей душой.

Наша волонтерская группа в этот раз успела посетить две группы подопечных — старших мальчиков и старшую девчачью группу.

К мальчишкам приехали боксеры провести тренировку. До этого такого рода занятия уже проводились и пользовались большим успехом. Мальчикам в таких учреждениях остро не хватает общения со взрослыми мужчинами, мужского примера, так что влияние мужчин-волонтеров тут трудно переоценить.

Во вторую же группу координатор Виктория и я отправились с ватманом, распечатанными фотографиями с разных событий в жизни ДДИ и целым пакетом новеньких ярких канцтоваров, чтобы сделать вместе с подопечными большой коллаж из фотографий. Мы волновались, что эта идея может оказаться слишком простой для таких взрослых девочек, что они с этой задачей быстро справятся и заскучают.

Мы действительно достаточно быстро расклеили все фотографии, но это было только начало — цветными карандашами, фломастерами, мелками, ручками девчонки

принялись рисовать узоры, раскрашивать ватман, писать свои имена, имена подруг под фотографиями, а посередине Люда, одна из подопечных, написала название их группы — «Созвездие». Простор для фантазии был просто огромен, и они с большой радостью, увлечённо и кропотливо занимались делом.

Занятие было веселым — девочки очень любят музыку, поэтому они все время просили Вику поставить их любимые песни, так что у нас все время играл то Басков, то Нюша или певица Зара, все подпевали, а ближе к концу посещения уже начались и танцы. Они танцевали разученные в летнем лагере движения и показывали нам с Викой.

Мы говорили о разном: о прошедшем лете в детском лагере, о том, что завтра у одной из подопечных большой праздник — исполняется целых 17 лет, говорили и на серьёзные темы: девочки рассказали нам даже о том, что все в жизни происходит так, как распорядится Бог...

Пока я бывала в ДДИ всего несколько раз, но каждое посещение я чувствую большую радость от того, как наша волонтерская группа общается с ребятами — мы получаем море тепла. Много о чем размышляешь после встречи, со смехом вспоминаешь забавные моменты, конечно, бывает, и немного грустишь... Но очень хочется ещё возвращаться туда, потому что там так много искренности и добра, потому что нас, волонтеров, там всегда ждут.

ЦЕНТР СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ ВОСПИТАНИЮ «ДОВЕРИЕ» (ЦССВ «ДОВЕРИЕ»)

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2015 г. Волонтеры посещают детей с умственной отсталостью: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются, гуляют.

Старое название учреждения — детский дом-интернат №28.

Наши волонтеры так раскрывают детей, как, наверно, никто!

Всеволод Голенков — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— **Расскажи сначала про ваших детей.**

— В нашем ДДИ живут дети в возрасте от 9 до 21 года. Самая старшая девочка младше меня на четыре дня. Практически у всех есть нарушение опорно-двигательного аппарата, много колясочников. А некоторые дети, к тому же, еще и неговорящие.

— **Как ты стал волонтером именно в ДДИ?**

— Я был в лагере на Валдае, который устраивал Центр лечебной педагогики в прошлом году. И там меня пригласили пойти волонтером в этот ДДИ с прицелом, что потом я там возглавлю группу.

В сентябре я пришел в ДДИ, прошел Школу Координаторов, и с января я туда уже хожу в качестве координатора.

— **Ясно, то есть дети с какими-то отклонениями тебя не пугают.**

— Да. Я прошел через такой период: мне в детстве было очень тяжело находиться рядом с такими детьми. Я очень их боялся всегда и хватался за мамину юбку. Не знаю, что это было, но это прошло. И мне теперь комфортно с любыми детьми.

— **Какое у тебя было первое впечатление от этого детского дома?**

— Когда я туда пришел, то увидел отличное учреждение с хорошим двором и с очень радушным персоналом.

Дети очень ухоженные, окружены заботой (ну, нянечки, конечно, разные бывают, кто-то может и жестко себя повести). Когда мы везем ребенка по коридору и встречаем воспитательницу, она его целует в лоб, гладит по головке и идет дальше. И вот так несколько раз может произойти, пока мы идем.

— **И возникает вопрос: «А зачем я там? Кому я там нужен?»**

— У меня никогда не было такого острого желания прийти и помогать. Спасти кого-то. Я знал, что есть детские дома, и как-то этим все и ограничивалось. Но я попал в этот ДДИ, прижился, он вошел в мой распорядок жизни, в мой график, я хожу и... и мне просто хорошо. Я остаюсь надолго там, где мне комфортно. А мне комфортно с моими волонтерами, с моими детьми. Я как-то настроился на их волну. Вот поэтому я там.

— **Что тебе дала Школа координаторов?**

— Конечно, обычно все идет не по плану, и в процессе посещения всегда приходится импровизировать. Но Школа дала систему. Я понял, что это за процесс — собеседование, процесс принятия волонтеров в группу, как реагировать на различные поведения подопечных. В этом Школа помогла, потому что мы на занятиях примеряли на себя роли и воспитанников, и волонтеров. И можно было с разных сторон на процесс посмотреть и как-то его лучше понять.

— **Что за волонтеры к вам ходят? Будущие психологи?**

— Нет-нет, психолог — только одна девочка, которая с исторического факультета переводится сейчас на психологический. А все остальные не имеют никакого отношения ни к какой психологической практике. И даже никто не работает с детьми. Одна молодая женщина — Светлана — работает на почте, например. Она очень активная. Другая занимается каким-то маркетингом, третья — инженер.

— И как такие разные люди налаживают контакт с детьми, у которых нарушение речи, которые не ходят?

— Зависит от волонтера, и некоторые так раскрывают ребенка, как его никто не может раскрыть. Например, вот эта Света очень здорово нашла контакт с девочкой Катей. Катя неречевая, но при этом очень сообразительная. И если что-то ее увлекает, она очень хорошо это делает. У нее достаточно хорошо развита моторика, и Света постоянно что-то такое придумывает, что ей очень созвучно. И они всегда здорово проводят время и что-то вместе делают.

Мы делаем каждый раз какой-то общий мастер-класс, в контексте которого можно что-то свое придумать. И всегда то, что они придумывают, мне больше всего нравится. Если мы лепим из соленого теста, они слепят из него пирожки с начинкой или что-то совершенно невообразимое, и это во мне всегда очень отзывается.

Есть другая девочка-волонтер, Юля. Когда она пришла первый раз, я ее отправил к другой неречевой девочке, которую мы тогда решили тоже взять в первый раз. Это взрослая девушка, но выглядит, как 12-летний ребенок. Ее тоже зовут Катя, она не говорит, ведет себя достаточно замкнуто и на контакт не идет. И вот они пошли гулять, и Юля наладила с ней какой-то тактильный контакт, что-то ей пела, говорила, в «ладушки» научила играть. И теперь они каждый раз вместе гуляют. Они выезжают отдельно на какую-то другую скамеечку, а Юля такой человек — ей не нужен второй собеседник. Она сама о чем-то говорит, говорит — именно то, что Кате и надо. Потом они мнут какой-то пакет: Кате нравится шуршать, перелистывать страницы книг. Когда я пробовал к ней подойти и что-то сделать, она меня не приняла. А вот Юля поняла ее сразу, и из раза в раз их связь все прочнее становится.

— **А ты что сам там делаешь?**

— Есть там девочка Диана, колясочница, она меня всегда просит писать открытки воспитательницам. Зовут меня поработать в качестве машиниста. Она диктует, а я ей пишу.

Еще мне комфортно с Даней. Такой огромный парень, он тоже колясочник, но у него такие широкие плечи, сильные руки. И ему очень сложно концентрировать внимание на происходящем, но мы тренировались, тренировались, и сейчас он уже выдерживает целое занятие, не теряя концентрации. Да и просто мне с ним хорошо, весело, я шучу с ним все время.

— **А из опыта ЦЛП ты что-то применяешь?**

— Поскольку у них всех проблемы с моторикой, то я применяю какие-то сенсорные вещи. Мы делали там неньютоновскую жидкость, приносили материалы с разной текстурой, чтобы можно было их помять, потому что они очень любят мять, лепить, и их моторика это очень хорошо позволяет. У них получается.

А раньше у нас период был бумажных изделий: оригами, аппликации. Но мы стараемся детям кругозор расширять. У нас, например, есть девочка Ира, она уже большая. И она очень хочет стать медсестрой. Мы для нее каждый раз приносим всякие шприцы, бинты, устраиваем курсы первой помощи, и она там всех бинтует — волонтеров и детей, которые захотят. Рисуем ей руку из бумаги, в которую она делает уколы...

— **Какие волонтеры нужны в твоей группе?**

— Наверное, главное пожелание к волонтеру, вне зависимости от его пола, расы и вероисповедания — это регулярность, стабильность. Потому что когда волонтер долгое время работает с каким-то ребенком, то скорость прогресса этого ребенка многократно возрастает. Тогда волонтеру не приходится каждый раз заново знакомить-

ся, находить какие-то точки общие. Ты приходишь и уже знаешь, что ты делал в прошлый раз и что будешь делать сегодня. И это гораздо более эффективно, чем если волонтер приходит раз, а потом уже только через месяц. Вот мне бы хотелось стабильных волонтеров, а уж по темпераменту мы подберем ребенка, который был бы человеку близок.

— То есть если волонтер будет ходить стабильно, то он увидит прогресс у ребенка?

— Да, потому что ямы, которые он выкапывает над кладом, он же может и засыпать обратно. И чем дольше не ходит человек, тем быстрее все возвращается на прежний уровень.

Чтоб не болела, чтобы ложилась вовремя спать...

Всеволод Голенков — координатор группы.

На последнем посещении Маша, одна из наших подопечных, сделала открытку. Она делает открытку каждый раз, независимо от темы занятия. И каждый раз одному из волонтеров выпадает честь записать за ней пожелания адресату. В тот раз таким волонтером оказался я. С гордостью принимаю из ее рук открытку, достаю из коробки фломастер и говорю: «Ну что пишем, Маш? Кому сегодня?» «Анне Михайловне», — отвечает девочка.

Я с детства боялся детей, которые не были похожи на моих сверстников, косился на инвалидов, замирал и искал взглядом маму, когда какой-нибудь мальчик посреди улицы пытался меня обнять и говорил что-то непонятное. Каждый раз во время таких встреч сердце мое сжималось, его сковывал страх, а страшная сцена еще на протяжении нескольких дней стояла перед глазами.

Мне непонятны были эти дети, а непонятное всегда пугает больше всего. «Милая Анна Михайловна, — записываю я под диктовку, — ласточка моя, птичка. Чтоб не болела, чтобы ложилась вовремя спать...»

Страх перед особенными людьми оставался и рос вместе со мной, пока однажды я не попал в христианской библиотеке на праздник для инвалидов, посвященный Рождеству. Наблюдая за пришедшими туда людьми, я увидел в них невероятную глубину и чистоту, готовность и желание любить, невзирая ни на какие трудности. Затем я попал к «Даниловцам» и стал волонтером в ДДИ. После этого стена, через которую я робко глядел на непохожих на меня людей, рухнула.

«Надевай на улицу шапку и теплые носки, приходи ко мне почаще, солнышко мое», — заканчивает Маша и, будто ставя в конце восклицательный знак, взмахивает руками вверх, а потом опускает вниз. Мы подписываем открытку, и я отдаю ее счастливой Маше. Как только мы вернемся в их группу, она подарит свое трогательное послание Анне Михайловне, которая хоть и получает открытки с почти не меняющимися пожеланиями каждую неделю, с искренней радостью ее примет. Да и как можно не радоваться, глядя в полные любви широко распахнутые глаза Маши.

Нарисуй мне подъемник!

Виталий Гурамишвили — волонтер группы.

Ваня и Лена смастерили коробочку.

– Давай здесь будет жить этот котик, — говорю, сажая вырезанного из журнала кота в коробочку.

— Мне кажется, я проголодался. Ваня, у тебя нет сметанки? — спрашивает большеглазый котик.

Сметанки не нашлось, покормили клеем-карандашом. Кот остался доволен.

После Ваня отправлял в космос резинки, карандаши, фломастеры, кусочки бумаги и прочее — до чего доставали руки. Кульминацией стал запуск спэйс-шаттла, где в качестве шаттла выступала машинка Вани, ракетой был клей-карандаш, и не разваливалась эта конструкция благодаря одной из удачно приземлившихся на Землю резинок.

После в звездный огород выбрался космический муравей (представленный ножницами), который был безжалостен к металлу и космонавтам, но почему-то вызывал лишь смех.

Дети ушли на ужин. Вернулись все, кроме Вани. Захожу в группу: три взрослые тети пытаются уговорить Ваню покушать. «Иначе не вырастешь,» — слышу озабоченный голос.

Все дети собрались, делаем открытки.

— Что будем рисовать? — спрашиваю Ваню.

— Нарисуй телевизор.

Рисую коробку с экраном.

— Теперь включи его.

Рисую кнопку, нажимаю.

— Пусть показывает мультик.

Рисую зайца с волком на экране.

— Надо нарисовать розетку.

Совсем забыли, что телевизор не работает без электричества.

Разукрашиваем мелкими деревянными заготовки. Ваня берет желтый мелок, подносит к носу:

— Пахнет...

— Чем пахнет?

— Желтым.

— Нарисуй подъемник, — говорит Ваня.

Рисую лифт.

— Нет, не такой.

Рисую кран.

— Нет. Подъемник!

— А какой он, Вань, где ты его видел?

— В спальне.

Вот я глупый. Рисую кровать, над нею Г-образную железяку.

— Да, вот это подъемник!

Сказка про Алису и кота Кис-Киса

Ирина Молчанова — координатор группы в 2015–2018 гг.

Сегодня было особенное посещение: мы ставили сказку, написанную нашей подопечной Аней. Сказка про девочку Алису и кота Кис-Киса, роль которого исполнил, конечно же, наш бесподобный Финдус (сшитый волонтером Светой кот из серии книг шведского писателя Свена Нурдквиста).

На прошлом занятии мы подготовили декорации. Аня не только прекрасно пишет сказки, но и ещё рисует настоящие картины.

Сюжет заключается в том, что девочка Алиса раньше жила в прекрасном замке, а потом этот замок куда-то исчез, а Алиса отправилась его искать, в поисках ей помогали друзья-звери во главе с котом Кис-Кисом.

Мудрые птицы рассказали друзьям, что замок заколдовала Баба-Яга, и теперь он находится под водой, а ключ она спрятала в камне и тоже выбросила в море. Отважный Кис-Кис нырнул за ключом, сломал камень, и заклятие спало. В итоге Алиса не только получила обратно свой дом, но и познакомилась с принцем. Оказалось, что

на коте тоже было заклятие, и когда оно спало, он стал прекрасным принцем.

Аня обещала, что это не последнее её произведение, и мы ждём новых творений от нашей талантливой подопечной.

Во второй части посещения мы пели песни под гитару. Частично это были песни про космос, так как близится день космонавтики. В это время к нам присоединились прогуливающиеся по коридору воспитанник со своим гостем, возможно, мамой. Они вместе нам подпевали, особенно активно мальчик напевал «Пусть бегут неуклюже...». Мы были приятно удивлены тому, что несколько девочек знают песню «Нежность» Н. Добронравова. А девочка Вика так протяжно и ласково произносит название этой песни, что невозможно не улыбнуться. Улыбаюсь я и сейчас, заканчивая эту заметку.

Пицце-терапия

Дмитрий Замышляев — волонтер группы

Мы терли сыр на терке. Сыр был мягкий, упругий, он оживленно пружинил в сжавших его детских руках.

В этой торжественной церемонии нам выпала почетная роль «сыротеров», однако в нашей школе кулинарного чародейства и мастерства были еще и «овощерезы», «колбасокромсалы» и «тестомяки».

А все вместе мы готовили чудо-пиццу в честь дня рождения Вики; Виктория — это такая удивительная барышня, которая является постоянным участником всех хулиганских затей, в большом количестве произрастающих на плодородной почве группы ДДИ № 28.

Мы сидели, разделившись на пары, за массивным столиком овальной формы, раскинувшимся на полкухни. Нам нужно было высадить наши сырно-овоще-колбасные

заготовки на два тестовых круглых плацдарма, которые терпеливо ожидали на больших, как автомобильные колеса, тарелках.

Когда мы, окрыленные кулинарными успехами, шли и ехали к лифтам, чтобы возвратиться в группу, наш координатор Ира Молчанова рассказывала мне о том, что приготовление блюд с детьми является не только веселым времяпрепровождением, но действенной терапией. И я сам заметил, что в восторженных эмоциях у наших друзей от приготовления пиццы было как минимум на 30 улыбок больше, чем при рисовании и изготовлении поделок. Да я и сам, честно говоря, ощутил особенный прилив энтузиазма, а побудительное урчание в животе придавало особенную расторопность рукам.

Такое кулинарное веселье продолжалось в течение часа, вымазанные, уставшие, но довольные — мы погрузили свои творения в духовку и отправили наших друзей на ужин.

А после ужина....

А после ужина наш волонтер-затейник Виталий устроил мега-гитарный концерт, на котором исполнил такие шлягеры, как:

— колыбельная из м/ф «Умка» (Мы плывем на льдине....)

— песня Красной Шапочки (А-а в Африке.....)

— Антошка-Антошка

— Лесной олень

И другие...

Я был приятно поражен, как все эти знакомые с детства мелодии звучали под гитарный бой, концерт вышел, что надо! Пели все, даже наши самые молчаливые друзья.

А имениннице мы подарили открытку с такими вот стихами и пожеланиями, к которым, мы уверены, присоединятся и все «Даниловцы»:

«Вика, Викуля, Виктория,
Волшебная ты категория!
В Рождения День твой нарядные
Пришли мы и горы громадные
Тебе пожеланий отсыпали.
Пусть радость искрящими глыбами
Раскинется в поле веселия,
Усыпав все счастья камнями.
Желаем тебе мы, во-первых:
Художником стать непременно
И все галереи безмерные
Увешать своими шедеврами!
И вот, во-вторых — видеть дивные,
Искрящие сны позитивные
И каждую ночь, как печения,
В мечтах поглощать приключения.
Чтоб свет, всеми дивными красками,
Тебя пеленал морем ласковым!
И, в третьих, — друзей океанище,
И счастья общенья пожарище,
Улыбкой залейся пылающей!
Пусть греются все окружающие...»

Шалость удалась!

Анна Манафова — волонтер группы.

В эту субботу посещение выдалось не таким, как обычно: мы с ребятами впервые решили попробовать себя в качестве пекарей-кондитеров. Ира Молчанова получила разрешение на использование местной комнаты-кухни, где мы — четыре волонтера и шесть ребят — собрались вокруг большого стола.

Задача стояла не из легких — приготовить кексы. Честно говоря, будучи крайне бесталанным поваром,

в начале занятия я и не думала, что затею удастся полностью реализовать. Но процесс пошел довольно слаженно: ребята и волонтеры по очереди накладывали ингредиенты в большие тарелки. Всегда энергичный и веселый Кирюша с радостью разбивал яйца для теста — какие-то попали в тарелку, другие оказались на столе. Кирюша всегда все делает с энтузиазмом и все успевает: и тесто помесить, и яйцо со стола вытереть, и в перерыве телевизор настроить. Тем временем задумчивая Марина усердно перемешивала тесто, а веселая Диана даже забыла про свои незавершенные открытки и старательно резала банан для начинки. Вике и Ксюше волонтеры помогали размешивать тесто и распределять его по формочкам, девочкам это давалось с трудом. Ксюша все норовила попробовать тесто, что ей пару раз удалось.

Когда все формочки были заполнены, мы все вместе торжественно поставили будущие кексы в печку и проводили ребят на ужин. Энергичную Юлю процесс готовки так затянул, что она даже забыла на кухне свою сумку, о которой без умолку рассказывала до занятия. Сразу после ужина она прибежала за своим ценным саквояжем.

К моему большому удивлению, через 20 минут у нас были готовы такие замечательные кексы, каких самой мне приготовить никогда не удавалось. «Шалость удалась!» — очень точно подметила Ира. Мы разнесли их по группам, чтобы ребята угостили своих одноклассников и воспитательниц. Это занятие вновь показало, что наши подопечные — талантливые и усердные ребята, и при небольшой помощи их умения проявляются и складываются вот в такой «вкусный» результат.

ДЕТСКАЯ ИНФЕКЦИОННАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА № 6

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2019 г. Волонтеры посещают педиатрическое отделение с кардиопульмонологическим профилем. Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Волонтер — это такой старший друг, который помогает

Мария Шевченко — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Мало того, что группа в этой больнице совершенно новая, так ты еще и не имела до этого большого волонтерского опыта. А тут пришлось сразу стать координатором. Получилось то, чего хотела, о чем, может быть, мечтала?

— Если честно, когда я пришла в «Даниловцы», у меня не было четкого понимания, что я вообще хочу получить. Я хотела стать волонтером, подумала и пришла на Школу координаторов. И вот я координатор. Мне надо открывать свою группу — и я понимаю, что не знаю, как общаться с детьми в больнице! Я ничего не знаю! У меня было только университетское волонтерство, и тут я оказываюсь в таком огромном пространстве: группы, люди, подопечные, и я ничего не понимаю. Так что все это с самого начала было одним большим шоком для меня.

— А почему пошла именно в эту больницу?

— Во время обучения в Школе я более-менее познакомилась с аудиторией подопечных, и уже к третьему занятию определилась, что я хочу или в «Квартал», или в колонию. Но, видимо, все было уже предопределено: на тот момент была необходимость создать группу в «инфекционке», и я очень этому рада. Потому что это, действительно, оказалось то, что мне было нужно. Я пошла в больницу, и сейчас я понимаю, что это — мое сердце и моя любовь.

— **Как прошло первое посещение?**

— Группа полностью с нуля — это для меня было непривычно и ново. Я безумно волновалась в первое посещение, для меня это было — как новый океан, в который я очень неожиданно окунулась. К счастью, меня поддерживали друзья из Школы координаторов и волонтеры с опытом. Поэтому первое посещение у меня прошло на ура. Ну а дальше я поняла, что у меня нет группы. Она набиралась очень медленно. У меня появилась единственная девочка-волонтер, Жанна, с которой мы ходили вдвоем три месяца. И все три месяца у нас было от 7 до 18 человек. И вот это тоже было жестко...

— **А ты поняла, почему нет волонтеров? Из-за слова «инфекционная» в названии больницы?**

— Да, как мне написала одна девушка после собеседования: «А к вам вообще можно ходить?». В том-то и проблема, людей это пугает. Больница инфекционная, но именно наше отделение обычное. У нас лежат дети с заболеваниями легких и сердца.

— **Очень печальные заболевания для детей.**

— Печальные и тяжелые. Но это обычные, адекватные дети от 4 до 18 лет. Подростки, конечно, люди своеобразные, но в большинстве своем — это все абсолютно жизнерадостные дети, которых мы обычно видим на улице.

Да, там у кого-то может прихватить сердце, кому-то тяжело дышать. Но это проблемы, с которыми может встретиться любой из нас. А дети очень классные, это самое основное, что я поняла за время работы — они шикарные, прекрасные дети, с которыми очень кайфово — некрасивое слово, — но именно кайфово работать. Нас не хотят отпускать, как правило, нам рады, за исключением двух посещений, когда было такое, что нас проигнорировали.

В основном мы слышим: «Ой, а почему на такое короткое время? А давайте вы побудете подольше? А давайте вы не будете уходить, а почему только по воскресеньям? А мы хотим вас видеть чаще».

К нашим детям приходит воспитатель в течение недели, но воспитатель — это границы и рамки. А волонтер — это как раз тот человек, который дает возможность от них отдохнуть. Волонтер — это такой старший друг, который помогает. Иногда дети ко мне подходят и начинают рассказывать что-то свое. Детям важно, чтобы их слышали. Если у родителей не хватает на это времени, то у волонтеров, пускай в больнице, есть на это время. И ты можешь помочь ребенку что-то для себя понять. У нас была девушка, которая спрашивала: «А почему вы сюда пришли? О, вы волонтеры, я тоже хочу». И, возможно, для кого-то этот разговор — это помощь в раскрытии своего пути в жизни. В некоторой степени это, возможно, такой толчок к дальнейшему развитию, потому что волонтерство — оно многое дает.

— Координаторство требует регулярной подготовки и посещений. Насколько для тебя это просто?

— Я езжу раз в неделю по воскресеньям, и так как я живу далеко, то у меня этот день вырезается из обычной жизни полностью. Но для меня это стало настолько дорого, настолько легло близко к сердцу, что однажды, когда не было посещения из-за карантина, я почувствовала, как же я его жду. Я хочу к детям и волонтерам прямо сейчас, мне этого не хватает! Потому что, когда ты приходишь и видишь эти глаза, полные жизни, которые реально хотят тебя видеть — это очень много тебе дает.

— Дети от 4 до 17, легко ли для придумать что-то одно общее?

— Очень нелегко. Для меня это тоже было шоком, потому что возрастной разброс детей огромный, а нас — двое.

Было посещение — первое для Жанны и уже пятое-шестое для меня, — когда мы пришли, и я понимаю, что у нас — 18 детей в небольшой игровой комнате. Большая часть подростков — это такие здоровые лбы. И тут же — маленькие дети. И ты просто не понимаешь, как убедить и тех, и других, что надо сделать открытку на 8 марта. Но вот тема мамы, к счастью, задевает детей, поэтому так приятно и удивительно было смотреть, что 17-летний парень сидит и творит, создавая открытку для мамы!

Некоторые дети поражают, некоторые — поражают не в лучшем смысле. У меня были и сложные посещения. Но тем не менее в конце ты понимаешь, что для чего-то тебе это было сейчас надо. И они все равно хорошие! Для волонтера важно видеть в ребенке именно вот эту, грубо говоря, хорошенькую. Что ребенок — это просто ребенок.

— Так а для ребенка-то как важно, чтобы в нем видели хорошенькую...

— Да, и это по ним видно. А они такие интересные бывают и такие близкие! У нас была одна девочка, которая пришла самая первая на самое первое мое посещение. Первый ребенок пришел! Для меня это было очень волнующе. И мы делали коллаж по теме «Я». И сначала показалось, что она просто случайно берет какие-то картинки и наклеивает. А потом она начала объяснять, и ты вдруг видишь такое сходство с тобой...

— А кто твои волонтеры?

— Есть и взрослые люди по 25, 37 лет. Они тоже радуются, что пришли в мою группу. Для кого-то это как встреча с друзьями из детства, для кого-то — просто что-то новое. И каждый что-то про себя понимает. У меня в группе очень многие волонтеры приходят без конкретной ориентировки — мне нужно прям сюда, в инфекционную больницу. Они приходят просто в группу, в которой

больше всего нужны люди. И многие потом говорят: «А я хочу тут остаться».

— В Даниловцах есть система «зонтиков» — кураторства и супервизии для координаторов. Насколько тебе это помогает?

— Это отличная вещь! Когда ты понимаешь, что у тебя — сложная ситуация, но тебе есть, к кому обратиться, есть, к кому прийти, ты не один со всем этим свалившимся на тебя грузом.

У меня были случаи очень необычные для меня, когда мне приходилось отказывать волонтеру. Раза три точно. Я не думала, что мне придётся когда-либо это делать. Я была не совсем уверена, позвонила куратору, мы все обговорили, и я поняла, что да, это решение, действительно, правильное.

Бывают моменты, когда ты понимаешь, что тебе не с кем поделиться. Человек со стороны не поймет весь этот вес волонтерства, всю значимость волонтерства для тебя, для твоей души. Это важно, когда ты можешь услышать более опытного, скажем так, наставника для себя. И это помогает и в плане разругливания ситуаций, и в плане каких-то фишек. Я очень много фишек поймала просто на общих встречах координаторов. Поэтому систему «зонтиков» стоит только развивать.

Здорово знать, что вы приедете!

Мария Шевченко — координатор группы.

Многим, наверное, кажется, что современных детей ничего, кроме смартфонов, не интересует, но мы на каждом посещении больницы убеждаемся в обратном.

Что придумать, если у тебя только бумага, ножницы, пластилин и желание сделать что-нибудь эдакое?

Кто в детстве не играл в самолетики? Думаю, играли все. А если устроить настоящую битву самолетов?

Именно авиационную битву мы и решили воссоздать на посещении: самолеты летали в разные стороны, а пилоты с радостными возгласами уворачивались от надвигающейся «опасности».

Но... битвы не могут длиться вечно... Поэтому после активной игры мы решили успокоиться. У меня с миром и покоем ассоциируется овечка. Но просто овечка — это как-то скучно, поэтому у нас они получились всех цветов радуги.

А вот пара слов от самих подопечных:

«У нас часто скучно, поэтому очень здорово знать, что вы приедете. С вами весело!»

Волонтер Алина тоже поделилась впечатлениями о посещении детской больницы №6:

«Четырнадцатого апреля мы с Марией Шевченко вновь организовывали досуг нашим подопечным. На этот раз было совсем немного детей, но всё равно мы весело провели время. Вместе с ребятами мы мастерили забавные аппликации, рисовали и просто разговаривали. Время пролетело быстро и незаметно. Ребятам очень понравилось то, что мы пришли к ним и занимались творчеством, они от души благодарили нас. Мне очень нравится навещать ребят, видеть радостные лица и осознавать, что я причастна к их хорошему настроению».

Надо сказать, что каждое наше посещение уникально. Во многом благодаря реакции подопечных. На последнем посещении у нас спросили разрешение сделать совместное селфи... Это было очень приятно.

Честно говоря, я переживала и очень стеснялась

Жанна Иванова — волонтер группы.

Третьего марта я с Марией Шевченко впервые как волонтер поехала в больницу. Честно говоря, я переживала и очень стеснялась, но всё оказалось не так страшно, как я думала.

На первом посещении было много детей разного возраста, и мы к каждому нашли подход: кто-то рисовал, кто-то — складывал оригами, лепил, а некоторые просто сидели и наблюдали за процессом. Все дети были довольны происходящим.

Я получила массу положительных эмоций от общения и занятия творчеством с детьми. Ещё мне понравилась сама Мария и другие девочки, они очень добрые и позитивные.

Я рада, что мой первый волонтерский опыт прошёл удачно. С удовольствием буду и дальше посещать эту больницу.

Игнор от подростков, или зачем ходить?

Мария Шевченко — координатор группы.

Именно такой вопрос возник на первом посещении у нового волонтера группы, Аллы. В большинстве случаев в нашей больнице волонтерам рады, кто-то даже ждет. Но случается и игнор со стороны детей.

В первое посещение Аллы так и получилось, младшие ребята занимались с нами, а вот подростки нас игнорировали. Хотя, на мой взгляд, ежеминутное подсматрива-

ние за тем, что же мы делаем, полным игнором считать нельзя.

В тот раз мы решили продолжить тему лепки и пластилиновых картин, это красиво и просто. В самом отделении царила редкостная тишина, детей мы обнаружили в игровой. На момент нашего прихода они как раз играли в крокодила, среди ребят я наткнулась на уже знакомую девочку с прошлого посещения, именно к ней и подошла. Она с радостью пересела к нам за стол и, за пару минут набросав эскиз жирафа, приступила к оформлению его пластилином. Через пару минут к нам присоединилась еще одна девочка, а потом Алле удалось разговаривать мальчика лет 5–6, который активно играл в телефоне.

С подростками все гораздо сложнее. Все пытаются друг другу понравиться, особенно девочки — мальчикам, поэтому ведут себя не очень естественно. Тем не менее их можно заинтересовать. Даже если из всей подростковой компании к нам присоединяются только три человека, это уже хороший результат, я считаю.

Я бы вот в жизни не поверила, что увлечение корейской музыкой мне пригодится на волонтерском посещении, однако жизнь полна сюрпризов. Именно с помощью знаний данных композиций я добилась того, что к нам присоединились еще несколько ребят, которые очень обрадовались тому, что не только подростки слушают кей-поп. После обнаружения фанатов группы BTS и обнимашек, пластилиновые картины пополнились персонажами, созданными для корейского мессенджера самими айдолами (музыкантами).

По большей части мы не приветствуем музыку и видео на посещениях, но так как большинство волонтеров моей группы не имело ни малейшего представления о кей-поп направлении, мы все же решили прослушать пару треков.

Да, порой с нами только пять-шесть детей, но для них наш визит становится важной (и едва ли не самой радостной) частью больничной жизни. Бывают моменты, когда действительно кажется, что ты не нужен, но буквально через пару минут это чувство отходит на второй план, и ты понимаешь, насколько все круто.

Бывает, что волонтеры после первого посещения не возвращаются, но Алла решила прийти еще раз, после чего все вопросы отпали. Но это уже совсем другая история.

P.S. продолжение следует.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРИЮТ «НЕЗНАЙКА»

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2012 г. Волонтеры посещают в приюте детей, которые оказались там вместе с родителями из-за трудной жизненной ситуации: беженцы, люди, подвергшиеся жестокому обращению и по каким-либо причинам оставшиеся без жилья. Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются, гуляют, играют в спортивные игры.

Наша группа — пример лайтового волонтерства

Георгий Романцов — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— В вашей работе был большой перерыв, но вы уже начинаете снова ездить в приют?

— Да, в нем шел ремонт, и у нас просто не было подопечных. Сейчас приют начинает оживать, туда привозят детей, хотя по-прежнему то густо, то пусто. Поэтому поездки мы возобновили, но они не очень регулярные. Сначала мы приехали, и детей было очень много, а нас с волонтером — двое. Потом волонтеров приехало пятеро, а детей было четверо.

Поэтому сейчас нас ездит мало. Еще с несколькими я поддерживаю связь, они периодически напоминают и спрашивают: «Когда-когда?». И задача пока очень простая: волонтеров, которые откликнулись, свозить в приют хотя бы по разу. Те, кому это понравится, останутся и сформируют костяк, и с ним можно будет вернуться к нашему нормальному посещению: раз в месяц регулярно выбираться и проводить 3–4 часа с детьми.

— «Незнайка» — это приют для женщин с детьми?

— Там нет акцента на детях, идея директора в том, чтобы помогать семьям. Но он помогает, в общем-то, и людям, которые оказались в трудной жизненной ситуации. И большинство, это, конечно, семьи, и дети при этом могут быть самых разных возрастов. Это и груднички, с которыми мы, естественно, не играем. И почти взрослые ребята, которые сами не всегда приходят к нам, особенно

новые 16–17-летние дети, которым не очень интересны волонтеры с рисованием, с лепкой.

— А что это вообще за дети? Мигранты? Как у них с документами, с русским языком?

— Мигранты, в основном. Иногда — внутренние мигранты, российские граждане, но это реже. Часто это люди, которые, действительно, оказались без документов, потому что откуда-то бежали. Из Украины, снова стали появляться беженцы из Конго, где война и достаточно страшно.

Конголезцы, как я понимаю, стараются из России перебраться в Европу. Они франкоязычны, у них у многих родственники во Франции, но в Россию проще попасть, чем сразу в Европейский Союз. А мигранты из Средней Азии и Украины, конечно, в России задержатся. Им администратор помогает получить документы, работу и после этого предлагает продолжить уже жизнь самостоятельно. И принимает следующие семьи, которым помощь требуется больше.

— То есть дети могут не владеть русским языком?

— Могут, но пока я там детей совсем без русского языка не встречал.

— Чем вы с детьми занимаетесь? Например, когда приезжали последний раз, какие были дети?

— Дети... Да самые обычные дети. Живые, общительные, с нормальным русским языком. Была девочка Оля, которая там живет все пять лет, которые я езжу в «Незнайку». Ей лет 8–10, она там с мамой постоянный обитатель. И было двое мальчишек лет 10–12 — они новенькие, приехали относительно недавно.

К детям в приют ездят и другие волонтеры. Когда мы приехали последний раз, у них как раз шел урок айкидо. Они были в кимоно, тем не менее прибежали, поздоровались и побежали дальше лупить друг дружку.

— **А вы не знали, что приедет кто-то еще?**

— Нет, мы не договариваемся, кто в какой очередности приезжает. На самом деле, чем больше вариантов, из чего детям можно выбрать, тем лучше, я считаю. Потому что те дети, которые устали, пошли к нам рисовать.

— **Какова роль волонтеров в «Незнайке»?**

— Или роль «Незнайки» в «Даниловцах»? Давайте сначала про это. Я думаю, что наша группа — это такой пример лайтового волонтерства. Это группа, которая не требует очень частого посещения и особенно — посещений в будние дни. Я знаю, что, например, больничные группы ездят два дня в неделю вечером, у них достаточно плотный график. И не всем это подходит.

У нас посещения не очень частые, и те, кто хочет ездить каждый раз и не пропускать, но не имеют возможности отпрашиваться с работы или каждые выходные выбираться, к нам ездят в комфортном режиме. И до ремонта в приюте, когда у нас был волонтерский костяк, мы ездили некоторое время практически одним составом.

Во-вторых, почему она еще лайтовая: у нас дети здоровые, общительные, да, переживающие жизненные трудности, но, в общем и целом, дети достаточно обычные. И волонтеров, которых пугает возможность общения с больничными детьми или детьми в наркологии, для волонтеров начинающих, которые не готовы к активностям, которые им кажутся «экстремальными», наша группа является наиболее простой. С этими детьми понятно, как общаться и что делать: 12-летние мальчишки одинаковые в любом дворе.

Ну а затем кто-то втягивается, начинает привязываться к детям, которые там живут, а обычно они там проводят достаточно много времени, и появляются любимцы, появляются друзья. Люди втягиваются, и им становится интересно ездить.

Зачем это детям, которые там находятся? Это другой, не менее важный вопрос. Дети нам рады, им эти посещения нравятся, им нравятся новые взрослые, которые уделяют им много внимания. А детям интересен новый опыт общения с новыми людьми и, смею надеяться, полезен.

Плюс — игры. Какие дети не любят игры? Причем, у волонтерских групп есть такая особенность — когда они где-то появляются, то становятся неким объединяющим фактором для детей, которые, может быть, и не очень бы общались друг с другом, но вынуждены вовлекаться в общее веселье, в общую активность, в какие-то общие игры. И это в дальнейшем помогает им наладить общение друг с другом.

— Интересную вы вещь сказали: получается, что поездки в «Незнайку», действительно, очень нужны волонтерам определенного склада.

— Да, мне такая группа в свое время была интересна именно этим. Я был новичок в теме волонтерства и, я честно скажу, боялся больниц и диспансеров. До больницы я, кстати, так и не добрался, а в наркодиспансер съездил, и мне безумно понравилось! Я понял, что все страхи были необоснованны. И вот для людей, которые совершенно не занимаются волонтерством и которым кажется, что это все какое-то подвижничество на границе со святостью, и что только такие люди могут этим заниматься, для них поездки в «Незнайку» полезны для разрушения стереотипов. Потому что показывают, насколько это, на самом деле, легко.

— То есть получается, что волонтеры «Незнайки» — самые сильные и смелые, потому что они преодолевают и нехватку времени, и свои страхи и неверие в себя. А как вы туда добираетесь — это же ужасная даль?

— Нет, это совсем не даль. Единственная проблема в этой группе то, что без машины, конечно, туда добраться неудобно. Это всего около 20–25 минут от МКАД, и дорога вообще незаметна. Как правило, она у людей занимает час на метро и вот 20–25 минут до деревни.

— А как вы готовитесь к посещению, у вас есть что-то специальное? Везете с собой мячи или карандаши?

— Я беру с собой обычные бумагу, краски и карандаши с пластилином. Сейчас будем брать мячи. Когда группа будет ездить регулярно, заведем там коробку, чтобы весь инвентарь был в одном месте и чтобы ничего не тащить с собой.

— Вы, наверно, уже хорошо рисуете?

— Я совсем не рисую. Нет, во мне просыпается внутренний ребенок, когда я общаюсь с детьми. Я играю в то, во что не доиграл: у меня «Лего», например, не было в детстве, и для меня в волонтерстве стало открытием и наслаждением собирать конструктор «Лего». А вот леплю я относительно неплохо: мои собачки и котята в прошлое посещение пользовались успехом.

— Кого вы ждете в приюте в качестве волонтера? Сколько их там надо?

— Все зависит от детей. Идеальная пропорция — один волонтер и два подопечных. Сейчас детей то много, то мало, и идеального сочетания не получается. Но хорошо бы на 10 детей 5–6 волонтеров.

— Я так понимаю, что количество семей мигрантов не уменьшится в ближайшее время, и волонтеры будут нужны всегда. А какие?

— Да самые обыкновенные. Те, которые решились, наконец-то, стать волонтером, но не знают, с чего начать. Те, кому интересно общаться с детьми и кто получает от этого общения что-то для себя. Это принципиальный момент.

— **А что там можно получить?**

— Обязательно должно быть движение в обе стороны. Если волонтер не получает удовольствия от того, что он делает, то это нездоровая ситуация и для него, и для подопечного. И те, кто наслаждается общением с детьми, кто любит играть и кому не скучно заниматься с детьми, они в этой группе себя очень хорошо чувствуют. Вот и все, ничего сложного.

«Незнайка». Новый сезон

Георгий Романцов — координатор группы.

Приют «Незнайка» уже пару лет для нас почти недоступен. Там ремонт и поэтому проживают только несколько семей. Наши поездки сократились до четырех — пяти раз в год. Мы с волонтером Стасом решили съездить и посмотреть, как там и что, возможно ли навещать детей? Неожиданным, но приятным сюрпризом стало для нас присоединение бывшего координатора группы и самого верного ее волонтера Ларисы.

Наш любимый зал, где мы проводили столько времени с детьми, преобразился до неузнаваемости. Приют быстро и качественно ремонтируется, и в него возвращаются обитатели. Мы встретили старых друзей и завели новых. В будущем году здесь ожидается еще больше семей с детьми, и «даниловцам» здесь всегда рады.

«Незнайка» находится в деревне, большинство детей в школу не ходят, родители заняты своими проблемами. Поэтому развлекаем детей по мере сил. Пытаемся на собственном примере показать возможные жизненные дороги.

В основном здесь живут беженцы и матери-одиночки. Нужды у всех разные, в зависимости от обстоятельств.

Кому-то нужно просто внимание, а кому-то — профессиональная помощь педагогов и соц. работников. Мы, к сожалению, с ними можем только общаться и играть. Но и это для них большая радость — в период активного посещения наши волонтеры играли в интерактивные и настольные игры с детьми, проводили различные мастер-классы, рисовали, лепили и гуляли со своими подопечными.

Было очень здорово вновь окунуться в эту атмосферу и почувствовать причастность к такому важному делу. Рад, что, наконец, у нас получилось возобновить поездки, ведь здесь есть те, кому это общение жизненно важно!

Просто день. А сколько счастья!

Мария Колесник — волонтер группы.

Больше месяца мне не удавалось съездить в гости к «незнайкам». И вот, наконец, это случилось. 6 апреля мы с Ларисой, Гошей, Ирой и откликнувшимся на объявление о срочном поиске водителя Сергеем провели замечательный и такой долгожданный день в гостях у малышей.

Когда мы приехали, одна из жительниц приюта — Жанна (мама мальчика Марка) устроила урок рисования. Мы присоединились к уроку живописи. Рисовали самолеты, ракеты, дома, лис, собак, разукрашивали сказочные раскраски. А Маришаль нарисовал меня в розовом платье принцессы!

За полтора месяца детишки преобразились до неузнаваемости. Подросли, вытянулись, стали более усидчивыми и внимательными. Теперь они уже не бросаются от занятия к занятию, а методично дорисовывают свои шедевры, поют песенки с нами, дослушивают сказки

до конца, когда мы читаем им, и, как всегда, немного шалят, ездят на шее у Гоши, координатора группы, в прямом и переносном смысле.

А еще мы хотели устроить пикник, но суровый ветер нам помешал, поэтому, пока мы играли с малышами, дебютировавший волонтер Сергей и старший сын Жанны пожарили на костре сосиски, которыми мы и отуживали.

Как всегда, встреча вышла необычайно душевная. Особенно ярко это почувствовалось после длительной разлуки с «незнайками». Какое счастье быть волонтером!

ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАТ № 30

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2017 г. Волонтеры посещают взрослых людей с психическими расстройствами. Волонтеры занимаются творчеством с подопечными, общаются, гуляют.

Мы в ПНИ — друзья, аниматоры и даже клоуны!

Эльмира Шульга — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Расскажи, как ты пришла в ПНИ? Почему выбрала именно интернат для волонтерства?

— Когда я смотрела сайт «Даниловцев», то сначала выбрала для себя группы в ДДИ и в «Квартале», потому что к трудным подросткам меня давно тянет. И я выписала себе еще и ПНИ, но его отложила на потом, так как начинать с такого места мне было бы трудно. Но на собеседовании я спросила у сотрудника движения, где я могу быть нужнее всего. И она сказала, что в ПНИ всегда дефицит волонтеров. И тут я уже решила, что это — судьба, никуда я уже не денусь, и пошла в ПНИ.

Алена тогда дала мне правильный совет: не распыляться по нескольким группам, а попробовать походить в одну, чтобы понять, как оно вообще будет. И получилось, действительно, что в итоге я надолго, на два года, осталась в ПНИ, о чем совершенно не жалею. Это принципиально новый опыт. Всегда, когда я пытаюсь выразить это в словах, у меня получается очень скучно и обыденно, но это нельзя понять, не попробовав, не окунувшись в этот мир.

— Что изменилось в твоей жизни?

— Я, наконец, получила что-то, какое-то дело, где я сразу чувствую результат своих действий. И в целом появилось стремление что-то изменить в своей жизни и работе так, чтобы тоже ощущать результат почти сразу.

Хотя слово «результат», на мой взгляд, суховато, но все проведенные там два часа проходят на улыбках,

эмоциях, в постоянной активности. Выходишь оттуда заряженный позитивом, за редким исключением.

Посещения у нас проходят в воскресенье, а в понедельник — на работу, где ты встречаешься с какими-то проблемами, но вспоминаешь прошлый день и понимаешь, что вчера мы делали что-то важное и нужное в этой жизни, а это все — если не ерунда, то уж точно — не конец света. В определенный период жизни мне это очень помогало по понедельникам.

— **Что вообще такое ПНИ, как внутри все устроено?**

— Говорят, что конкретно с нашим учреждением нам повезло, хотя сама я не была в других ПНИ.

Во-первых, потому что здесь все отделения открыты. Это сделали тоже не сразу, но благодаря смене руководства, постепенно, как раз к нашему приходу все начало меняться. Людей возят на экскурсии, не всех, а, как мне кажется, наиболее дееспособных.

Всего в интернате проживает около 1000 человек. Четыре этажа, несколько корпусов. Большая территория, видимо, когда-то она была частью Битцевского парка. На территории гуляют вполне свободно, а некоторые наиболее сохранные иногда даже выходят за территорию.

У проживающих есть соцработники. Им покупают и привозят вещи. Конечно, сами проживающие не могут за ними ездить, но у них есть возможность что-то выбирать.

Нередко они между собой заводят отношения, недавно одна из подопечных познакомила нас со своим «женихом». Это, конечно, относится к более сохранным, и ведут они себя в отношениях как такие 17-летние, хотя им зачастую гораздо больше. Я не знаю, до чего эти отношения у них доходят, но все же они есть.

В общем, ничего ужасного внутри этого ПНИ не происходит, к тому же у нас очень хорошо налажена

связь с человеком, который нас курирует в этом заведении. Мы планируем как-нибудь устроить выезд в город, сходить в магазин, чтобы каждый себе что-то купил и прочее. Но это все очень трудно, так что сейчас я не готова взять на себя такую ответственность. Правда, недавно мы выезжали на мероприятие фонда «Я есть» в Красногорский р-н («Удивительный лес») с особенными детьми и создателями фонда Егором Беровым и Ксенией Алферовой сажать елки.

— **А что там за люди живут?**

— Внешне они достаточно взрослые и совершенно не опасные. Во всяком случае, за два года я не видела ничего даже близкого к этому, хоть и говорят, что таких людей может «переклинить». Но даже если у человека случится обострение, то его отправят в психиатрическую больницу, и он точно не будет находиться в интернате.

Интеллект у них сравним с ребенком десяти лет, если средне по группе. Но при этом они часто говорят, что «поставили за нас свечку» и вообще переживают за нас. Так что в целом это очень добрые люди, хоть, бывает, и за словом в карман не лезут, но, как правило, только между собой. Я бы даже сказала, что к нам они очень бережно относятся, могут даже друг друга ругать за какое-то неподобающее поведение. Это все, конечно, из-за того, что они очень боятся нас потерять.

Недавно во время праздников я пропустила несколько посещений, и так вышло, что до этого одна из подопечных тоже не присутствовала какое-то время. И когда мы, наконец, увиделись, она совсем как ребенок сказала: «Я соскучилась, не знала, переживала, придешь ты или нет!».

— **Как трогательно!**

— Да, и в такие моменты порой задумываешься о том, что будет, когда перестанешь туда ходить, но я стараюсь такие мысли отгонять. Ведь даже если я перестану ходить,

то будут ходить другие люди, поэтому все будет нормально. У нас есть постоянность, сложился основной волонтерский «костяк», и наши подопечные знают, что кто-то точно придет и, как правило, это одни и те же люди.

— **Как проживающие ведут себя на встречах?**

— В целом мы стараемся как-то корректировать их поведение в плане того, что, если кто-то ворчит, мы ему это говорим. Не даем кого-то «задвигать в угол» и прочее.

Особенно ярко это видно по Свете. Даже во время изготовления поделок она могла уверять, что у нее ничего не получится, и даже закричать и убежать на нервах. Сейчас она уже спокойно все делает и вообще особо не хулиганит, хотя раньше часто могла и матернуться, и сделать что-то, чтобы позлить других.

Изредка появляются те, кто рассчитывает на подарки, спрашивает об этом. Но у нас такого нет, и мы, если что-то и дарим, то только общее.

— **Какая у проживающих там главная потребность? Зачем им волонтеры, если есть персонал?**

— С одной стороны, персонал там нормальный. Я знаю, что к ним пришел очень хороший библиотекарь. Она им показывает фильмы, учит грамоте — читать, писать. Это очень важно, потому что, например, у нас в группе только несколько человек может написать свое имя. Нередко у них бывают репетиции праздников, проходят спортивные соревнования.

Еще очень там есть хороший психолог. Она вышла из декрета, увидела, как мы занимаемся, ей очень понравилось, и мы быстро нашли общий язык.

Но в целом, мне кажется, что общение с персоналом у проживающих довольно формально и проходит по правилам. «Встали, пошли на полдник, встали, пошли еще куда-то». Есть какой-то досуг, но это тоже не для всех. Кто-то менее сохранный и не может чисто физически

участвовать в организованном досуге, а кто-то просто не хочет. Так что, в основном, живущим там людям просто скучно. Мы же приходим как гости, аниматоры и даже клоуны в хорошем смысле этого слова.

Ко многим же никто не приходит из родни и друзей, а если и приезжают, то редко. Мы же ходим лично к ним и, что немаловажно, — регулярно. Иногда они с нами чем-то делятся, как правило, когда что-то случилось. Особенно во время прогулок, когда мы просто идем и разговариваем. Один из подопечных недавно рассказал, что у него мама умерла. Две девушки из одного ДДИ рассказывали о том, как у них персонал лютовал около 12 лет назад. Их там и били, и обливали холодной водой, и все в таком духе. Это были Света, которая очень жестко отстаивает свои позиции, и Оля, она очень плохо реагирует на изменение и может в любой момент сорваться: заплакать, закричать, убежать.

Еще для них очень важно творчество: как процесс и самореализация. Всегда на ура идут раскраски, очень часто просят с собой фломастеры, карандаши. Хорошо очень у нас удаются совместные поделки: в начале сезона делали коллаж из наших фото за прошлый период, делали цветок из ладошек (пальчиковыми красками), волонтер Лена отлично провела занятие по декупажу: украсили коробку для фломастеров и карандашницы, а потом сами удивлялись: «Так вот что это мы украшали!»

— В чем ответственность волонтера по отношению к этим людям?

— Волонтер должен быть зрелым и понимать, что его волонтерство — это история, которая когда-нибудь завершится. Нельзя, например, себя заставлять и вынуждать поехать, если сам устал и измотан.

Очень важно соблюдать границы, не давать номера телефона и так далее. Важна способность предвидеть, во что выльются твои слова и действия.

А еще нельзя загонять подопечных в рамки. Вообще, мы и сами очень часто загоняем себя в рамки и не можем взглянуть на что-либо шире. Поэтому в каком-то смысле нам и самим полезно поделаться каких-нибудь «розовых слонов». Поэтому на занятиях, когда они нас спрашивают: «А каким цветом раскрасить? А можно так сделать?» и прочее, мы всегда говорим: главное, чтобы вам самим нравилось, и тут нет чего-то правильного или неправильного.

— **Когда ты перешла от волонтерства к координаторству, почувствовала разницу?**

— Разница была. В основном, отличие было в том, что я уже не могла не ехать, кроме как по действительно уважительной причине. Будучи волонтером, я могла пропустить занятие, а сейчас нет. Но благодаря тому, что мы встречаемся все вместе раз в месяц-два и планируем предстоящие занятия, теперь я могу иногда пропускать посещения, если есть личные дела. Опять же это все только благодаря «опорным» волонтерам. И если бы не они, я не могла бы позволить себе такой роскоши.

— **Как в группу вливаются новички-волонтеры?**

— Я стараюсь не затягивать первую встречу и устроить ее как можно раньше. Хотя иногда бывает так, что мы встречаемся только перед самым занятием. Обычно я спрашиваю: «Что вас привело в волонтерство? Были ли уже опыт? Почему ПНИ? Чем занимаетесь вообще?» Ну и просто смотрю, как отвечают, что рассказывают, как при этом себя ведут. Даже куда смотрят! В последнее время мне повезло, были те, кто сами рассказывали какие-то личные истории. Некоторые переживают, что по возрасту не подходят, боятся, что все волонтеры — совсем прям студенческая молодежь.

Если меня все устраивает, то я даю общую вводную информацию, и мы идем на занятие, я включаю этого

человека в общие чаты и прочее. На самом первом посещении я представляю новенького подопечным. Тут уже у меня может включиться «гиперопека», но вообще я стараюсь просто в целом следить за тем, чтобы человеку было комфортно пребывать в ПНИ.

Сериал «Кухня в ПНИ». Второй сезон

Юлия Олейник — волонтер группы.

Жители ПНИ — особые люди. Они взрослые, поэтому невозможно выстраивать отношения с ними в форме игры — здесь от нас ждут общения на равных. В то же время особенности психического и физического состояния подопечных задают определенные рамки. Например, им тяжело долго удерживать свое внимание на одном предмете или действии, многим трудно выполнять какие-нибудь движения. Но при этом нашим подопечным, как и всем людям, интересно учиться чему-то, получая новый опыт и знания.

Вместе с ними по воскресеньям мы лепили из пластилина, рисовали, делали тряпичных кукол, пели песни под гитару и гуляли на свежем воздухе. На прошлую Масленицу был очень удачный опыт по совместному приготовлению блинов, и это вызвало всеобщий восторг. И вот недавно снова возникла идея испечь что-нибудь, а после устроить чаепитие с дегустацией. Администрация ПНИ разрешила нам воспользоваться учебной кухней, на которой хоть и маловато места, зато есть все необходимое — столы, мойка и современная большая духовка.

Песочное тесто для печенья мы решили сделать заранее, чтобы экономить время. А вот шарлотку делали «всем миром», вместе с подопечными. Сколько радости и восторга доставляют нашим друзьям из ПНИ такие простые, казалось бы, действия! Все по очереди, с большим

старанием разбивали яйца над миской, насыпали ложкой муку, размешивали получившееся тесто. Несколько человек под присмотром волонтеров нарезали яблоки для шарлотки. Это тоже увлекательное, новое для них занятие.

Сделать печенье из готового теста не так уж и сложно. С этой задачей подопечные справились практически самостоятельно, волонтеры лишь немного помогали им. Разделившись на три команды по 4—5 человек, наша общая дружная компания раскатала тесто. А когда пришло время вырезать из него печенье, мы решили дать подопечным полностью проявить свою фантазию. Каждый выбрал из множества разных формочек для печенья что-то свое. Кто-то бабочку или елочку, кто-то маленькую звездочку, а кому-то больше понравились простые формы — квадрат и круг. Наш координатор Эльмира Шульга предложила посыпать печенье сахаром и корицей, и это тоже, с большим удовольствием, сделали сами подопечные. В итоге через полчаса дружной увлекательной работы три больших тарелки, полных печенья, были готовы к чаепитию.

В нашей волонтерской группе мы считаем очень важным, чтобы подопечные чувствовали себя с нами на равных, а не воспринимали нас как своих учителей или, наоборот, как обслуживающий персонал, который должен их «развлекать». На мой взгляд, нам удастся этого достичь.

В конце каждой встречи мы, обязательно все вместе, приводим в порядок наш кабинет. Вот и в этот раз кто-то из волонтеров и жителей интерната убирал кухню, в то время как остальные накрывали на стол.

Как хорошо после совместного труда, за душевной беседой и за чашкой чая, оценить свежую выпечку, сделанную своими руками!

Змей над интернатом

Эльмира Шульга — координатор группы.

Когда вы последний раз запускали воздушного змея? Мне вот 31 год, и я ответственно заявляю, что ещё никогда в жизни ничего такого не вытворяла! А вот проживающие и волонтеры ПНИ №30 в это воскресенье запускали.

Идея была от нашего старейшего и опорного волонтера Николая Левита. Я вообще поражаюсь, как он выдает в нашей группе такие нестандартные и в то же время простые идеи!

Итак, накануне дня икс Лена Денисова купила змея в известном детском магазине, привезла в ПНИ и... Побежали! Побежал седовласый Александр, побежала Света, которая «ой, я не умею, у меня не получится», побежали все! Даже те, кто ходит на улицу только под ручку и исключительно осторожно!

А змей полетел! Нет, воспарил! Над забором ПНИ на Чертановской!

Подопечные — это имена, а не статистика

Николай Левит — волонтер группы.

В интернате проживает всего около тысячи человек. К нам на занятия более или менее регулярно ходят человек двадцать. Много это или мало? Вроде, капля в море. Если смотреть издали: из документов, публикаций. Иногда, когда у меня спрашивают о волонтерстве, интересуются именно цифрами.

Но по мере погружения начинаешь всё меньше видеть цифры, а всё больше — уникальных живых людей.

28 апреля 2019 года, Пасха. Восемь человек: два волонтера и шесть подопечных.

Выйдя из автобуса и направляясь к проходной интерната, я заметил шеренгу людей, бодро шагающих по тротуару попарно с шариками в руках. Присмотревшись, я узнал Женю и ещё несколько знакомых лиц. Это что-то новенькое. Из разговоров с подопечными мы знаем, что они ездят на экскурсии, в дома отдыха, к родственникам, но о таких вылазках я ещё не слышал. Я не стал их ни о чём расспрашивать, не желая нарушать какой-то неизвестный мне процесс, лишь издали поприветствовал и поспешил к месту встречи, где через матовое стекло забора уже угадывались силуэты наших постоянных «сторожей» — Дениса и Кати С. Они в последнее время стали реже посещать наши занятия, но всегда встречаются, делятся новостями, радуются.

Занятие проводит Лена — украшаем большое деревянное яйцо в технике декупаж и разукрашиваем фломастерами картинку пасхальной тематики.

Оля. Сразу начинает хватать всё подряд: салфетки, наклейки, листы с картинками для разукрашивания, фломастеры. Когда общаешься с ней, чувствуешь себя напарником авиадиспетчера: говоря с тобой, она умудряется контролировать все процессы, происходящие в помещении, всё слышит, всё видит. Пытаюсь держаться взгляда, что ей с самого детства приходилось сражаться за право назвать что-то своим. Общее её не интересует. Но приходится думать и о других и как-то возвращать вещи на середину стола, переключать внимание.

Александр. Спокойный, рассудительный, добрый. Наш верный помощник в этом сезоне: всегда во всём участвует, поддерживает остальных, помогает волонтерам.

Аня. Пришла как обычно на полчаса позже, поскольку помогает персоналу мыть посуду после обеда, но быстро включилась в общий процесс. Миниатюрная, тихая,

скромная. Говорит очень плохо, но трогательно выражает свои мысли с помощью мимики.

Галя. Серьёзная дама. Очень строгая. Внешне постоянно всем недовольная, но в душе тоже добрая, открытая, верная.

Инна. Утончённая, перфекционистка. Тоже добрая, всегда помогает нам делать уборку в конце занятия.

Катя Г. Удивительная. Самый частый герой волонтёрских обсуждений. При очевидных физических ограничениях умудряется на высочайшем уровне делать все поделки самостоятельно. При этом от занятия к занятию всё больше и больше расцветает эмоционально, улучшается речь. Никогда ни на что не жалуется. Удивительная.

Каждый проживающий выбрал одну или несколько салфеток с изображениями цветов, птиц, бабочек. Кто хотел, вырезал их ножницами, а кто хотел — отрывал руками. Потом при помощи клея ПВА все по очереди наклеивали свои картинки на деревянную основу. Лена направляла всех, создавая гармоничную композицию. В оставшееся время подопечные раскрашивали картинки пасхальной тематики, некоторые советовались по выбору цвета той или иной детали, а мы с Леной в это время подклеили отстающие от основы краешки кусочков салфеток, наклеили надпись и покрасили оставшееся пространство акриловой краской.

Форма занятия получилась очень удачной, поскольку у каждого подопечного было посильное индивидуальное задание, вносящее свой вклад в общую поделку, что сплотило нас. Над поделкой работал каждый подопечный в паре с волонтёром; когда подопечный не был занят работой над общей поделкой, он с удовольствием занимался раскрасками и не требовал непрерывного внимания к себе. В результате занятие прошло в дружелюбной и спокойной атмосфере.

Первый день волонтером в ПНИ

Анастасия Тобакина — волонтер группы.

Стать волонтером я хотела вот уже несколько месяцев, но все никак не решалась. Когда я нашла на сайте volonter.ru группу, которая посещает ПНИ, то откликнулась, потому что понимала, насколько ребятам скучно в условиях изолированности, находясь в четырех стенах интерната.

Мой первый опыт посещения ПНИ № 30 с волонтерами пришелся на масштабное мероприятие, в котором участвовало много подопечных. Цель нашей встречи заключалась в том, чтобы у ребят была возможность выразить свои эмоции на полотнах бумаги большими кистями. С нами были художницы Лада и Инесса, которые помогали с общей композицией картины.

Страх перед неизвестным, который есть у каждого, кто идет волонтером в новое для него место, пропал, как только я увидела тех самых подопечных. Так как их было много, я успела понять, что ребята по-разному реагируют на новичков вроде меня. Кто-то с недоверием смотрел, а некоторые непосредственно и открыто начали говорить и даже обниматься! Постепенно, знакомясь с ребятами, я добралась и до замкнутых. Я чувствовала невероятную радость от общения с ними, а когда видела улыбки на лицах, так просто млела от счастья.

Все, чего я хотела — это поделиться теплом с людьми, которые в нем нуждаются. Конкретно в тот день я помогала девочкам нанести краску на бумагу, вместе с ними генерировала идеи для рисунков и просто оказывала поддержку. У меня было мало времени, поэтому я действовала в ускоренном режиме и в концентрированной форме проявляла внимание к ребятам.

Я советую всем, у кого есть желание нести радость в сердца, но присутствует некоторый страх или сомнения, присоединиться к волонтерам ПНИ №30, чтобы проявить себя. Когда страх и сомнения пройдут, останется ощущение принадлежности и вовлеченности в дружную семью интерната.

Дед Мороз, научи меня читать...

Кристина Бердникова — волонтер группы.

В течение определенного отрезка времени меня периодически посещала мысль стать волонтером. А когда есть желание — есть действие. Опусти прелюдию и, пожалуй, начну свой небольшой рассказ о поездке.

В воскресенье я впервые посетила группу в психоневрологическом интернате (ПНИ) № 30.

Когда я шагнула за порог комнаты, я ощутила некоторую неловкость и стеснение от того, что эти взрослые-дети были искренне рады меня видеть, хоть и видели впервые. Это была неподдельная улыбка, без масок и надуманных гримас. Я не испытывала страха, хотя внешняя оболочка некоторых прямо кричит об их внутренней, как говорят в медицине, болезни. К слову, я больными бы их не назвала. Мне очень понравилась фраза: истина — многогранна, и просто она повернулась к ним одной из граней, отличной от наших. Согласна! И знаете, нам — здоровым людям — есть, чему у них поучиться!

Наше занятие было посвящено подготовке к Новому году, мы провели небольшую викторину, украшали ящик для писем и, конечно, писали письмо Деду Морозу. Я села рядом с Инной. Пока ее соседки заказывали бусики, плееры, фломастеры и песни Стаса Михайлова, мы долго не могли найти с Инной то самое НАСТОЯЩЕЕ

желание! И вот, наконец, после моих наводящих вопросов, мне раскрылась ее душа. Что же попросила написать за нее Инна: она просила здоровья, хорошего сна, она мечтала вернуться домой и найти свою сестру, она искренне просила Деда Мороза научить ее писать и читать. А еще она очень хотела краску для волос и поменять прическу, и это, пожалуй, было единственное материальное желание!

В перерыве, пока Инна думала, я случайно подслушала телефонной разговор парня Дениса по телефону, он звонил маме. Я не знаю, есть ли у него действительно мама или это плод его фантазии, но то, что я услышала, тронуло меня до глубины души: «Мам, к нам тут волонтеры пришли, мы пишем письмо Деду Морозу. Я что звоню-то... тебе что-нибудь нужно, что для тебя попросить?», — говорил Денис в трубку, пока на моих глазах наворачивались слезы.

К сожалению, дальше я не дослушала, поскольку мое внимание переключилось опять на Инну, и мы начали писать свои пожелания дальше.

А теперь задумайтесь: вы больше наполнены материальными или духовными желаниями? И о ком вы больше думаете: о себе или о близких? Стало стыдно? Мне тоже.

Взрослые, которые вели себя, как дети, и дети, которые вели себя, как взрослые. Все смешалось в одной комнате: неподдельная радость и грусть, слезы и смех, переживания о неудачах, искренние мечты, вера в чудо. Немного грустно от того, что мы не могли контролировать этот вечно меняющийся напор чувств, которые они испытывали, мы могли только сопереживать с ними вместе. И несмотря на их «странности», иногда мне удавалось разглядеть их чистое сознание.

Я пришла сделать добро, и, знаете, я получила в два раза больше.

Оля, нет! Мы не будем целоваться!

Николай Левит — волонтер группы.

Мне не очень-то нравятся прикосновения. В моём идеальном мире люди обходились бы без объятий и рукопожатий. Но в ПНИ №30 такой номер не пройдет, и я это уже прекрасно понял.

— Коля! — кричит Катя и бежит обниматься. Она всегда обнимается, всегда кричит и всегда импульсивно всё делает.

— Прыэт! — разбираю я булькающие звуки другой Кати. Та наоборот: постоянно стоит в стороне и только совсем недавно начала сама подходить ко мне при встречах и расставаниях и давать себя обнимать.

Галя вот до сих пор всегда стоит в стороне, надувши губы, — никогда сама не подойдёт. Мы знаем: пока к Гале не прорвёшься через её «бу-бу-бу», не обнимешь и не скажешь: «Здравствуй, Галя, рад тебя видеть!» — она так и будет сердиться и угрожать, что «больше никогда к нам не придёт»!

Сегодня мы делаем коллаж из наших общих фотографий. То-то сюрприз для них будет! Проживающие уже давно нас упрашивали сделать им фотографии. В прошлый раз мы все вместе отбирали их на ноутбуке, и вот сегодня наш координатор Эля распечатала их и привезла огромную пачку. Приятно было видеть, что наши подопечные отбирали не только собственные снимки, но и фотографии друг друга, а также фотографии волонтеров.

Ну что ж. Посмотрели фотографии, а теперь главное — коллаж! Эля рассказала, что такое коллаж, раздала всем ножницы, выложила клей, всякие салфетки, ленточки, блёстки, и работа закипела: кто-то вырезает по контуру изображения друг друга, кто-то — цветочки из салфеток,

кто-то — клеит. Я сел между Светой и Олей и по очереди помогал то одной, то другой вырезать: один из нас крутит лист фотографии, а другой режет ножницами и наоборот. Иногда, правда, кому-нибудь нет-нет, да и отрежут фотографическую голову или руку — ну да никто не обижался, даже хозяин руки или головы.

Постепенно, не сразу, посещая наших подопечных и тренинги Школы социального волонтерства, я почти избавился от перфекционизма и научился сосредотачиваться на главном — на общении. В этот раз тему для разговора искать было не нужно, фотографии порождают массу воспоминаний. Вот мы пекли блины, вот — встречали Новый год, ходили на пикник, разукрашивали воздушные шары...

— А у нас отбирают кабинет для занятий, — вдруг заявляет кто-то из проживающих. «Как!? Разве!? Нас никто из администрации не предупреждал... Наверное, вы путаете что-то...».

— Не буду больше к вам ходить! — кричит раскрасневшаяся Оля, её лицо исказилось от ярости. Я с опаской поглядываю на ножницы в её руке. Хотя они и с закруглёнными концами, но тем не менее... Соображаю, как бы половчее извернуться и отобрать их.

Оля начала ходить к нам только с прошлой зимы. Что мне сразу запомнилось: Оля с первой же встречи стала вцепляться в мою руку и старалась не выпускать до расставания, а, расставаясь, норовила не только обнять, но и смачно поцеловать. Перед каждым расставанием я напоминаю ей: «Оля, сейчас мы будем прощаться, мы просто обнимемся и целоваться не будем, мне это неприятно». «Хорошо», — говорит Оля, обнимает меня и... целует в шею. Ладно, хоть не в губы...

Однажды, прошлой весной, я был в интернате с другим проектом и не присутствовал на занятии. Оля тогда

меня увидела, а я впервые увидел у неё вспышку ярости. Тогда я подумал, что это ревность, и даже потом опасался, как она будет на меня реагировать. Но ничего тогда не изменилось. И вот сейчас схожая реакция... И ко мне моментально пришло понимание: Оля так болезненно реагирует на перемены, на то, что из-за них её могут бросить!

«Что ты, Оленька, мы обязательно будем к вам приезжать и поговорим, чтобы кабинет наш у нас не отбирали». Оля сразу стала прежней, выбралась из моих объятий и стала дальше вырезать...

Алиса и признак деления на 11

Николай Левит — волонтер группы.

Алиса плохо контактирует с остальными жительницами психоневрологического интерната. Насколько я знаю, там, в основном, люди с умственной отсталостью. А у Алисы — шизофрения, и интеллект, наоборот, обострён.

Для нас, волонтеров, это выражается в том, что на наших занятиях Алиса, как правило, сидит в сторонке и считает это всё детским — то, что так нравится остальным: попеть песенки из мультиков, например. Недавно гуляли, распевали: «Куда идёт король — большой секрет!..». Все маршируют, подпевают, а Алисе не нравится. Ей хочется как-то интеллект свой занять, но всё не получается.

То есть, с одной стороны, она на наши встречи приходит, а с другой, — никогда в них не участвует. Очень редко удаётся её вплести в общий процесс. Как правило, она выходит в коридор, но потом снова возвращается. И в какой-то момент она попросила, мол, можно со мною кто-нибудь тоже пойдёт? И с тех пор прижилась такая форма

общения: все занимаются с группой, а с нею кто-то в соседней комнате беседует.

Однажды и мы с Алисой так поговорили. Оказалось, в детстве она училась в обычной школе, и ей очень нравилась математика. Так как мне математика тоже нравилась, я стал переходить с темы на тему, чтобы лучше понять, к чему Алиса тяготеет, найти с ней общий язык. И мне запомнились два момента, и оба они связаны с числом 11.

Еще до школы Алиса придумала одиннадцатеричную систему счисления, придумав в ней своё название для числа 11. В шесть лет у неё не было представления о порядности, однако это была именно другая система счисления! То есть, она подвергла сомнению сами основы: почему 10, а не 11? И второй момент: она рассказала мне о признаке деления на 11, который тоже подметила сама — сумма чётных цифр числа должна быть равна сумме нечётных. То есть, первая цифра плюс третья должны равняться сумме второй и четвертой. Мы с ней проверяли первые попавшиеся числа. Трёхзначные — это было неинтересно, мы брали шестизначные. Алиса всё это очень ловко считала в уме, и нам тогда удалось пережить некий общий математический восторг.

Ещё она не раз говорила, что остальные подопечные не испытывают тепла к этому месту, а для неё интернат — это её дом. Ей хочется, чтобы здесь было комфортно и хорошо. А однажды она подошла ко мне и попросила с нею потанцевать. И под какую-то мелодию мы немного потанцевали. Для меня как для волонтера это был выход за рамки рекомендованного: всё-таки парные танцы — это уже некая близкая дистанция, ситуация небезопасная... Однако наш танец продолжался полминуты, после чего Алиса сказала что-то вроде «Мерси!» и отошла...

Я шел в волонтерство за общением...

Николай Левит — волонтер групп ЦССВ «Сколковский», ПНИ и группы благотворительных ремонтов.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Быть социальным волонтером — это значит раз в неделю вечером откладывать все дела и развлечения и идти к детям в онкологическую больницу или к старикам в дом престарелых. Такой ритм подходит не всем. Поэтому неудивительно, что волонтер Николай Левит в Добровольческом движении «Даниловцы» — фигура легендарная. Мало того, что он волонтерит уже три года, так еще и регулярно ходит в три разные группы.

Про Николая в движении говорят, что он «работает в свободное от волонтерства время». С гитарой или просто с дружеским разговором он приходит когда в детдом, когда — в психоневрологический интернат. Приходит к тем, кому в жизни труднее всего. Но вы думаете, от сострадания?

— Не было никакого сознательного решения, — объясняет Николай свой выбор. — Просто мне на установление контакта требуется продолжительное время. А, например, даже в онкологической больнице, куда тоже ходят «даниловцы», — все время разные дети. Для меня это каждый раз проблема: первое знакомство, неизвестно — что за человек, надо устанавливать новый контакт. Проще приходить туда, где меня знают. Мне подходит что-то более продолжительное: когда встречаешься с человеком на протяжении месяцев, когда есть динамика в отношениях.

— Получается, что установить контакт с обычными детьми для вас проблема, однако вы хорошо ладите с «особыми детьми»? Вам с ними комфортно?

— Получается, да. Я хожу к ним с гитарой. Как правило, в детдоме-интернате (ДДИ) мы посещаем группы достаточно сохранных детей, которые, если не говорят, то понимают. Они вполне адекватно реагируют на все слова и могут донести свою мысль или какое-то желание.

Но даже если говорить о совсем тяжелых, когда непонятно даже, слышит он тебя или нет, то я и к ним иду с гитарой. Воспитатели говорят, что детям нравится.

— **А как вы вообще стали волонтером?**

— В «Даниловцы» я пришел три с половиной года назад. Было такое состояние на тот момент — хотелось чего-то делать. А через соцсети все время доходила какая-то информация, что вот, например, приглашают погулять с человеком с ДЦП. Я смотрел — где? Далеко, другой конец города. И опять же — чем мы будем заниматься? Просто буду человека катать? Непонятно. И так, кликая по ссылкам, я набрел на Школу социального волонтерства «Даниловцев». О, смотрю, они еще и обучают! Стал смотреть сайт, увидел группу благотворительных ремонтов.

А я в то время искал какого-то общения, потому что общение на работе меня не устраивало. И раньше я участвовал в разовых мероприятиях, в мастер-классах помогал, каких-то театрализованных штуках. Но это все было разово, а хотелось стабильного. И вот мне показалось, что ремонты — это оно: и полезное дело, и общение.

— **И что вы ремонтировали?**

— Первый мой объект — это была квартира на Воробьевых горах: молодая семья, и у них трое или четверо маленьких детей. Потом был долгий объект на Текстильщиках, где мы делали ремонт в квартире под инвалидную коляску. Там жили мама с сыном, она специально купила квартиру на первом этаже. Обслуживающая компания сделала ей пандус, а остальное делали мы: перестраивали стену, расширяли дверной проем.

— **Понравилось?**

— Скажу так: благотворительные ремонты — это большая ответственность. У нас нет избытка в материалах. Поэтому если ты накосячишь, исправлять будет нечем. Вот есть у нас шпаклевка, ее надо израсходовать умело. Потому что больше ее нет. Вот от этого устаешь.

«Интернат — я не увидел там казармы»

— **А как вы пришли к детям?**

— Как-то мы с волонтерами ездили в паломническую поездку и заезжали по дороге в детский дом. Устроили там концерт: кто песню спел, кто фокус показал. Я взял гитару, спел две песенки, и координатор группы волонтеров в ДДИ №24 предложила мне сходить потом к ним в интернат и выступить перед детьми. Я поехал сначала с гитарой, а потом решил ходить туда как волонтер. А через какое-то время начал ходить и в психоневрологический интернат (ПНИ №30) ко взрослым.

— **Что это были за дети? Вы представляли, кого увидите?**

— Нет. Я не изучал заранее ничего. Это был День аиста: праздник, когда приходят потенциальные усыновители. Я ходил по группам, играл везде по паре песенок: «Круглую песню» из проекта «Смешарики» и «Зеленую карету» Суханова. Из того посещения я мало, что запомнил. Но заметил, как дети, которые сидели и смотрели выступления, обнимали воспитателей. Мне казалось, что в подобных учреждениях все жестко — никаких контактов, «а то на шею сядут!», и все ведут себя смирно. А тут смотрю — и воспитательница его обняла. И это перевернуло мое представление об интернатах — я не увидел там казармы, которую боялся увидеть. А увидел довольно человеческое отношение.

И через неделю я пришел в пятую группу уже волонтером. И мы играли в «Барыню», «Бояре» — такие

танцевально-песенные игры. Потом пошли на веранду к маленьким девочкам, там сразу ко мне такая Варя подскочила, и мы в ЛЕГО играли. Дети как-то сразу со мной контакт нашли, и я с ними играл, а они меня друг у друга перехватывали. Они были расположены к общению, и все легко получилось.

— И потом всё было легко?

— По-разному. Вот, допустим, кто-то из мальчиков подходит и говорит: «Ты мой папа». Говорю: «Нет». А он говорит: «Папа!». И все время, пока мы общаемся, он называет меня папой. Я, разумеется, перестаю на это реагировать, и мы дальше играем во что-то. Его реальность — она какая-то другая. И я не мог ее нарушать.

Но вот координатор группы Вика говорит: «На этой неделе день рождения у Леши». Мы идем, поздравляем Лешу, хоровод, каравай, дарим подарок — фломастеры, например, или блокнот. И сразу все дети налетают: «У меня тоже день рождения был на той неделе!» Меня это сначала тревожило — пусть даже ребенок это придумал, как мы можем не подарить ему подарок? В его-то реальности день рождения есть! Но тут Вика говорит: «Ах ты, хитрюня, я же помню, что у тебя день рождения летом!» И я смотрю: ребенок заулыбался: обычная реакция разоблаченного лукавства. И я тогда понял, что зря парился, — у них реакция нормальных детей. И что не надо с ними общаться как-то по-особому. Просто надо иметь в виду, что какие-то темы могут быть болезненными. А так можно общаться спокойно на любые темы: они также лукавят, сердятся, как и все...

— С кем вам комфортнее всего?

— С детьми лет 10–11. Чтобы с ними можно было поиграть в кубики, подурачиться, поиграть в автобус: рулить там и все такое с фантазией. Пожонглировать какими-то не предназначенными для этого предметами.

Помню восторг одного мальчика: мы с ним жонглировали игрушечным мотоциклом. И ему понравилось, и я это уже полтора года помню...

«Я их уже навещаю как своих родственников»

— Вас и вашу гитару знают во многих социальных учреждениях. Сколько раз в неделю вы выходите волонтерить?

— Сейчас я хожу не очень часто — по воскресеньям ко взрослым в ПНИ, а на неделе чередую — иду или на ремонт, или к детям в интернат. А до этого было чаще: дважды в неделю — к детям в ДДИ, каждую субботу — на ремонт, в воскресенье — в ПНИ.

— А живете-то вы когда? Получается, что волонтерство — это и есть ваша жизнь.

— Ну да, наверно. Дело в том, что я хожу к конкретным людям. Во второй группе детдома-интерната есть Саша, Вика и Зоя. Вот к ним я и хожу. Нет, я их не выделяю во время посещения, иногда даже не удастся с ними пересечься, когда я прихожу к Махарану или Алексею из другой группы, или Максиму. Я просто этих ребят давно знаю, и время от времени мне хочется их навестить. Причем, просто поболтать. Мастер-классы проводить — это мне, если честно, тяжело. Мне приятнее общаться или петь.

— Получается, вы ездите к конкретным детям, потому что «в ответе за тех, кого...» и так далее?

— На входе в эту систему у меня были сомнения. Был страх, что они ко мне привяжутся, а мне не захочется ходить...

— А они будут ждать и плакать.

— Да. Это было. И был момент, когда я принял решение, что пойду на риск и подпущу их ближе к себе. Пусть привяжутся, но я на это пойду. И сейчас они для меня уже близкие люди, которых я иногда посещаю как, допустим, родственников.

— **А в ПНИ к кому вы ходите?**

— Для меня сейчас это самая лучшая группа, от которой я чувствую какой-то заряд. Для себя я это объясняю тем, что люди к нам приходят сами. Тут нет того элемента, как в детских интернатах, когда вся группа должна присутствовать на занятиях с волонтерами, потому что с одним ребенком воспитатель в группе не останется. А взрослые все приходят по собственному желанию. Они могут пойти еще куда-то, допустим, концерт у них в ПНИ проходит, но они делают самостоятельный выбор и приходят ко мне.

— **А были какие-то проблемы, с которыми надо было обращаться к психологам «Даниловцев» — я знаю, что движение предлагает волонтерам психологическую поддержку?**

— Я ходил на тренинги по выгоранию, и когда сам выгорел, я оценил эти знания. Или вот, например, у нас в ДДИ сложилась проблема. В одно из посещений мы сидели на веранде, и все ушли гулять, а я с одной девочкой остался. У нее была какая-то электронная штука, поющая песни, и я стал подпевать: «Облака, белогривые лошадки...». Я с ней сидел и пел, ей очень нравилось, настала пора уходить, и тут девочка очень агрессивно стала себя вести: «Нет! Не отпущу, не будем заканчивать!». Воспитатель говорит: «Отдай музыкальную шкапулку». Та: «Нет! Не отдам!» Стала драться, плевать. Нам воспитательница сказала: «Все, уходите. Я сама с ней справлюсь, потому что ваше дальнейшее пребывание сделает все только хуже». Мы ушли.

И потом каждый раз, когда я приходил к детям, эта девочка всегда меня примечала и издали кричала: «Зайди к нам! И к нам!» Мы еще раз пришли, и случилось еще хуже. Там даже не было 15 минут идиллии, там сразу начался крик, она потом за мной бежала и матом на меня

кричала, и ногами пыталась ударить. Ну то есть совсем было нехорошо.

— И вы эту ситуацию как-то прорабатывали потом?

— Да, на одном из тренингов у «Даниловцев» я поделился этой ситуацией, и мы попробовали ее проиграть, чтобы осмыслить все мотивы поведения. Нас учили справляться с затянувшимися реакциями, чтобы не давать им прорасти. Иногда мы рассматривали чью-то ситуацию, и потом я понимал: «Ага, а у меня тоже есть такое же, как у других!». Например, мне казалось, что один мальчик очень агрессивно ко мне относится. И когда мы распутывали случай волонтера из другой группы, он мне напомнил эти реакции, и я понял, что происходит. Ребенок ждал усыновления, и к нему ходили потенциальные усыновители. Он видел, что что-то надвигается, чего он не понимает. А ведь могут и не усыновить! И таким образом, через агрессию, он выражал свой страх перед неизвестностью. Конкретно я там бы ни при чем. И когда я это понял, я начал по-другому с ним себя вести.

И вот после таких тренингов я сумел найти подход и к той девочке. Я так понял, что она просто боялась, что мы к ней больше однажды не придем, это был страх потери. Она тоже по-другому не умела эмоции выражать.

— То есть, волонтеру надо обращать внимание не на слова, а думать, что за ними может стоять?

— Да, на этих тренингах нас научили видеть не только саму реакцию. Там бывает чуть ли не диаметрально противоположный смысл. Во взрослом ПНИ есть такая Оля, она однажды запсиховала, и казалось, что она психует, потому что я к ней не пришел. Я сначала подумал: она увидела меня с другими людьми и вот — ревность. А потом понял: это не ревность, а незнакомая для нее ситуация — вроде я есть, а к ней не подхожу. И она не понимает — что не так? в чем дело? это уже навсегда? И вот такая реакция агрессивная.

— **Что вы можете сказать людям, которые хотят волонтерить? Это сложно или легко? Каждому ли подойдет?**

— Я вижу во многих, что люди приходят с одними мотивами, а потом они эти мотивы либо переосмысливают, либо уходят через полгода, потому что понимают, что получили не то, что хотели. Некоторые думают, что будут помогать с христианской такой точки зрения, что надо к ближнему приходить. А тут они понимают, что есть структура волонтерская, у которой есть свои законы, где надо делать фотографии, например. Многие пытаются от этого как-то увильнуть, сохранить в тайне свое служение.

А я, к примеру, шел в волонтерство за общением. На работе пытался влиться в коллектив, но понимал, что не получается. Собирались с пивом, пиццей — не моё. Я решил, что в волонтерских ремонтах найду общение, но оказалось, что это — самообман. Там общения тоже не было. Закончили смену, и каждый пошел своей дорогой. По дороге в метро перекинулись парой слов — и все. Ну может, в кафе зайдем, посидим часик.

— **Получается, что фактически вы нашли общение только в ПНИ.**

— Да, спустя какое-то время. Люди идут в волонтеры по очень-очень разным мотивам. И все может обернуться по-разному. Точка входа в эту сферу будет одна, а потом можно обнаружить себя в другом месте. Как вот — я вошел через ремонты, а потом обнаружил себя в театральных занятиях в психоневрологическом интернате. И мне это нравится.

РОССИЙСКАЯ ДЕТСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2009 г. Волонтеры посещают детей в двух отделениях: отделении нефрологии и отделении гинекологии. Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Иногда кажется, что вокруг меня собираются такие же веселые чудики, как и я сама

Ирина Лабазова — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Ты помнишь свои первые впечатления от больницы, когда решила стать там волонтером?

— Да, в тот день нас пришло сразу 10 человек. Обычно-то — 2–3. Я еще тогда подумала: «Ничего себе, все говорят, что в РДКБ нужны волонтеры, а тут их так много!». Это было посещение, когда все три стола были собраны воедино, и мы делали печенье. И почти с самой первой минуты я поняла, что это мое место.

Надо сказать, что до этого я уже в РДКБ ходила — на этаж ниже. Это было в 2010 году, когда мы в университете создали свое движение. Не было названия, фондов, мы сами писали сценарии, договаривались с отделением кожных заболеваний и ходили к детям на Новый год и другие праздники. Нам помогал проректор, некоторые родные и знакомые. Занимались мы этим примерно два года. Но однажды в той группе мы начали решать, кто будет главным. После чего я ушла, так как считаю, что в этом деле нет главных, а есть команда. И именно поэтому, на мой взгляд, у меня в группе сейчас все идет хорошо.

— Расскажи, что у вас за дети в больнице?

— Есть два отделения: гинекологии и нефрологии. Для нас оптимально, когда на одно занятие приходит 15 детей. Если чуть больше, то начинается суматоха, при том, что меньше пяти волонтеров у нас не бывает.

В отделении гинекологии — тишина и спокойствие вне зависимости от того, что мы делаем, так как там одни

девочки. Завлечь их довольно трудно, так как среди них есть те, кому 14–17 лет, и лепить из пластилина они не будут. Поэтому мы делаем там что-то такое, что было бы им интересно. Например, свечи готовим, подставки, фоторамки из макарон и так далее.

А в нефрологии у нас маленькие дети, и там всегда царит веселье, улыбки и смех! Мы и лепим, и рисуем, и песни поем. Поэтому каждый раз нам нужно готовить два абсолютно разных мастер-класса.

— **А что там делают волонтеры?**

— Для многих детей это стало уже привычкой: они ждут субботу, 15.30, когда мы придем. Как никак, а к ним уже 10 лет ходят волонтеры. И поскольку многие дети лежат повторно, то с некоторыми мы уже годами знакомы, и родители, с которыми они лежат, нас тоже ждут. Они же на эти два часа могут сходить, например, в магазин, потому что уверены в том, что все будет хорошо.

А детям с нами интересно. Они нам всё рассказывают, поют песни, играют в «города». Подвижных игр у нас нет, так как некоторые дети с катетерами, после операции. Но тему мастер-класса и занятия мы всегда находим. Иногда подопечные нам сами идеи подкидывают, особенно когда знают, что на следующей неделе в больнице останутся. Они просят нас о каком-то конкретном занятии или поделке.

Часто бывает так, что дети начинают дружить между собой именно благодаря нашим посещениям. Так они не очень общаются, но когда вместе делают какую-то поделку, то узнают друг друга поближе.

Так или иначе, детей все это оживляет, дает им «поток свежего воздуха», потому что обычно они лежат, им постоянно что-то нельзя, да и медсестра ругается. А тут они забывают, что болеют, начинают улыбаться, начинают понимать, что они такие же дети, как и другие.

А бывают такие, которые любят что-то делать, но им плохо, и желания чем-то заниматься совсем нет. Есть у нас такой 7-летний мальчик Женя. Он сильно и долго болеет, мы его все время зовем, но из-за своего состояния он поначалу отказывается. Но когда соглашается, то по нему видно, насколько ему нравится что-то делать и мастерить. В остальное время он лежит в своей совершенно стерильной и одинокой палате и скучает.

Один из наших волонтеров рассказывал историю о том, как его брат болел лейкемией. В течение двух лет он сидел в стерильном боксе. Это было очень тяжело. Никакого общения и деятельности, тоска зеленая, никаких волонтеров. Я верю, что этим мы им и помогаем. Особенно когда сама начинаю думать о том, зачем мы сюда ходим.

Меня нередко спрашивают, как я вообще туда могу ходить и смотреть на больных детей. Но я не вижу в них больных детей, они для меня здоровые. Даже новые волонтеры удивляются: как так, тут все больные вроде, а мы как ни придем, все веселятся и «на ушах стоят». Дети счастливы, несмотря на неприятности и болезни!

— **А что за люди приходят в РДКБ волонтерами?**

— Многие говорят, что им друзья посоветовали прийти в «Даниловцы», многие хотят найти себя через путь волонтерства. Некоторые идут, потому что родственники болели, они знают, что это такое, и хотят помочь. Некоторым не хватает общения в жизни, и я это иногда прямо чувствую.

А я, например, пришла в тот момент, когда совсем опустила руки. Я как раз устроилась на работу, написала три диплома, закончила одновременно два вуза. Тогда у меня был двухлетний перерыв от волонтерства, я получала рассылку от «Даниловцев» и каждый раз думала: «Вот сейчас я схожу», но не могла дойти, так как что-то останавливало. Просто работала, учиться было уже

не надо, и как-то стало непонятно: «Что, собственно, делать в этой жизни?».

Так я и пришла сюда, потому что поняла, что мне нужно что-то делать и кому-то помогать. Отчасти я так решила, потому что очень энергична, собственно, как и другие люди, которые меня в моей группе окружают.

Иногда, когда мы идем с группой на посещение, некоторые говорят, что, мол, чего мы сюда пришли, может, нас тут никто сейчас и видеть не хочет... А как только входим, начинается беготня по коридорам, дети что-то просят объяснить, показать, рассказать, и все плохое ментально забывается, появляются улыбки, и мы посвящаем себя процессу.

Я недавно ходила на собеседование и в резюме написала, что вступила и нахожусь в волонтерском движении «Даниловцы». И когда работодатель это увидел, то попросил поподробнее рассказать, так как его волонтерство закончилось на сдаче крови в РДКБ. Его поразил тот факт, что сейчас волонтерство настолько популярно!

— В чем состоит основная ответственность волонтера, когда он приходит к детям?

— У нас нет строгого руководителя — начальника. Но я всегда говорю ребятам, что на каждом из нас лежит ответственность. Даже если мы веселимся, шутим и играем, то надо помнить, что рядом с нами ребенок, и он может порезаться, краску съесть, облиться и вообще — что угодно. Поэтому мы всегда ответственны за происходящее в нашу «смену», так как приходим и добровольно нарушаем привычные порядки и границы больничной жизни.

Еще я всегда говорю о том, что нужно уважительно относиться к персоналу. И мы иногда довольно громко кричим, в такие моменты приходится объяснять, что надо вести себя тише.

Но самое главное — понимать границы. Где можно сильно и громко веселиться, а где — нет. Если

в гинекологии девочки уже сами по себе взрослые, главное, чтобы им просто интересно было, то в нефрологии не так. Здесь ребята и скачут, и прыгают, особенно когда родители уходят. Иногда дети сами по себе сложные, отказываются слушаться, и тут следует пытаться завлечь ребенка игрой. Но если уж не хочет, то не хочет, пусть посидит в сторонке, посмотрит. Дети, как правило, реагируют: «А что, я буду просто сидеть?», — ну и тогда уже предлагается альтернатива в виде нашего занятия. Но — спокойно.

Так что самая большая ответственность состоит в понимании того, что мы — не со взрослыми, а с детьми.

— Есть такое наблюдение: в каждой волонтерской группе своя атмосфера. А как ее создать?

— Говорят, что люди собирают подобных себе вокруг. Мне иногда кажется, что вокруг меня собираются такие же веселые чудики, как и я сама.

Но если перечислять, что именно нужно делать для создания особой атмосферы, то надо быть, я считаю, открытой к новому. Давать каждому полет фантазии. Поддерживать с людьми связь за пределами общего чата. Если человека давно нет, и он не приходит на посещения, некоторым важно и очень приятно, чтобы им написали элементарное: «Как дела? Куда же ты пропал?».

Меня саму не надо хвалить, но когда мне говорят: «Спасибо, сегодня было круто!», — то это очень приятно, и сразу хочется продолжать делать это доброе дело так, чтобы всем было уютно и комфортно. Я сама стараюсь хвалить и благодарю ребят за то, что пришли. Мы часто ходим в кафе после посещений. Стараемся просто встречаться раз в две недели. И на таких встречах мне часто говорят: «Спасибо, что сплотила нас», но как это получается — я не могу сказать. Такой вот отдельный маленький мирок, неоплачиваемая, маленькая работа.

— **Как включить в группу нового волонтера?**

— Помню первое посещение января. Было шесть новеньких! И я подумала: «Что мне с ними делать?». Я предупредила своих двух опытных волонтеров, что будет много новеньких, и надо собраться в кафешке за час до посещения больницы. Мы тогда все познакомились, я очень люблю представлять новых людей. Каждый рассказал о себе пару слов, я всех «проинструктировала».

А так во время занятия я стараюсь давать новеньким ребятам, которым это требуется, какую-то задачу. Когда тебе говорят, что «ты ответственен за это», сразу меняется настрой и отношение. Важно заставить человека почувствовать себя нужным и вовлечь в процесс, помочь адаптироваться, а потом уже пустить в самостоятельное «плавание». А уж нужно это человеку или нет, это пусть сами решают.

— **А по какому признаку видно, останется человек волонтером в больнице или нет?**

— Заинтересованность. Одним все интересно, они внимательно слушают, обсуждают, спрашивают. Другие же, как правило, просто скажут «ага» и все. То, что человек не будет ходить, я понимаю по отсутствию интереса.

Одна девочка, например, ходит, потому что ей это нужно для будущей работы. Но она боится детей, не знает, как себя с ними вести. И она нашла себя в настольных играх, ей важно, чтобы ее не заставляли что-то лепить или мастерить. В первый раз она очень сильно переживала, думала, что не сможет остаться, но потом такое своеобразное пространство с правилами ей подошло.

Лично я очень уважаю людей, которые сразу говорят о том, что не будут ходить. Не морочат голову другим и, что самое важное, себе, и прямо это говорят.

— **Существует ли в группе жизненный цикл волонтера?**

— Сначала притирка — это когда после первого посещения ты понимаешь, понравилось тебе или нет.

Повторное посещение — тоже нужно. Я сама была очень сильно воодушевлена первым разом, но потом поняла, что из-за работы будет трудно ходить. Но когда нашла в себе силы для второго раза, то окончательно убедилась, что буду.

Подъем и пик, когда тебе все нравится, а потом понимаешь, что, вообще-то, трудно ходить регулярно из-за разных обстоятельств.

Тогда начинается спад. У меня сейчас есть такие люди, и я им даже не пишу, потому что на данный момент они просто перегорели. Даже мне иногда нужен толчок, и таким толчком стало празднование 10 лет РДКБ. Мы тогда рисовали плакаты, обсуждали итоги уходящего «рабочего» года, пили чай и ели вкусности, а потом администрация разрешила нам повесить плакат. Мы были очень воодушевлены, и после этого некоторые волонтеры начали снова приходить.

Так что, когда начинается спад, волонтер постепенно начинает отходить от дела. Но если это прямо волонтер-волонтер, то через какое-то время он возвращается.

А как уж люди находят время, мне самой интересно было бы узнать...

— **Что дает человеку больничное волонтерство?**

— Я чувствую прилив энергии. Мне хорошо, когда дети и взрослые вокруг меня улыбаются. Нам всем вместе весело, и у меня, как правило, вся суббота выделена на волонтерство. Утром я покупаю материалы для занятий, потом мы все собираемся, днем — посещение и вечером куда-то идем с группой. И если уж люди тратят на это время, то им это нужно, у них есть потребность.

Если же с точки зрения прагматической, то я не могу сказать, что это что-то дает. У нас нет каких-то привилегий или чего-то еще.

— **А что дает координаторство?**

— Помимо всего уже перечисленного, мне, например, стала интересна детская психология. Я получила опыт управления командой, делегирования задач, разграничения своего времени, научилась нести ответственность. Я знаю теперь, какими могут быть занятия, могу провести огромное количество мастер-классов.

Вообще, я стала лучше разбираться в людях. Когда я только пришла, я мало кого знала, а теперь, поскольку волонтеры бывают совершенно разными, я получила и такой опыт. Все со своими проблемами приходят, мне интересно общение с новыми людьми. И я пытаюсь понять, зачем им это нужно. Потому что без этого не удастся их «удержать».

И вообще у меня появилось много друзей!

Но самое главное — я учусь делать так, чтобы все, в конце концов, остались довольными: дети и волонтеры, и я, и персонал. Чтoб можно было сказать: «А на следующей неделе — будет еще круче!». Ну и самое лучшее — это услышать вопрос: «А завтра приедете?».

Десять лет паровозу из коробки!

Лидия Алексеевская — координатор группы в 2009–2011 гг.

У одной из старейших волонтерских групп «Даниловцев» в РДКБ юбилей — 10 лет непрерывной работы. Как часы, без прогулов и опозданий ходят волонтеры в эту больницу, чтобы на два часа вернуть маленьких пациентов в детство с играми, путешествиями и приключениями. Пусть даже и в одной отдельно взятой столовой...

Рассказывает первый координатор группы Лидия Алексеевская, которая сейчас возглавляет Школу Социального Волонтерства «Даниловцев».

— Надо же, 10 лет прошло... А это же была целая история, потому что мы не сами пришли в РДКБ. У нас уже действовала первая группа в НИИ нейрохирургии им. Бурденко. И была такая девушка — Елена Рукосуева, один из благотворителей РДКБ, которая связалась с нашим руководителем Юрием Белановским и сказала, что хочет такую же группу в РДКБ в отделении нефрологии. И так как она туда дарит большой плазменный телевизор и помогает отделению с ремонтом, то они готовы от неё принять еще и волонтерскую группу. Вот на ее авторитете и на этом самом большом плазменном телевизоре мы в отделение и въехали. И сейчас я с ней списалась, она была в таком шоке, что все эти 10 лет, оказывается, в отделение до сих пор приходят люди и играют с детьми. Как она и мечтала...

Я поднимала наши фотографии: что мы там только ни делали десять лет назад! Каждое посещение было просто феерическое. У нас было ощущение, что можно все. Хотя на самом деле было мало, чего можно, но мы делали театр и цирк в одной отдельно взятой столовой.

Золотое было время, хотя никогда не было известно, придут ли еще волонтеры. Каждый человек, который уходил, был огромной потерей, потому что, если раз в месяц кто-то приходил на волонтерское собеседование, это было прям счастье-счастье.

Первое время у нас не было своего шкафчика в больнице, и все материалы мы таскали на своих руках. Никто нас не знал, и весь персонал смотрел на нас с некоторым удивлением. Но мы там зажигали! Какие-то обои приносили, расстилали и рисовали все вместе одну картину. Приносили карту мира, большую морскую раковину и говорили: «У нас морское путешествие! Давайте, каждый сделает себе корабль, кого-то там поселит, и корабли поплывут!».

Паровоз как-то сделали и принесли коробки для вагончиков. Каждый ребенок мастерил свой вагон и на нем писал, куда он едет. Там фея ехала в Африку, а там ковбой прям свешивался из вагона и целился из лука... Какие-то квесты на Рождество устраивали, самодельную бумагу делали...

Сейчас, 10 лет спустя, к нам в движение приходит на собеседование около 30 человек в месяц, и группа в РДКБ стабильно работает. Все уже структурировано, волонтерам не надо каждый раз что-то придумывать. Есть набор настольных игр, мастер-классов. Уже проложены надежные рельсы и всё менее стрессово, конечно, чем каждый раз было тогда у нас. Более спокойно. И это дает волонтерам больше свободы, чтобы общаться с ребятами. Сейчас там очень хорошая группа, и три человека из нее пришли на Школу координаторов.

А вот дети там — все те же. Все так же возвращаются в больницу каждый год, все так же лежат месяца по два. И по-прежнему у них блестящие глаза и куча энергии и выдумки...

Побольше ёлок!

Александра Тархова — волонтер группы.

Посещение в РДКБ в одну из декабрьских суббот прошло, как всегда, очень увлекательно и креативно. Наверное, благодаря одному из самых важных детских качеств, которые мы, взрослея, теряем: воображению.

Даже если прийти к ребёнку с карандашом и листком бумаги, получится что-то интересное. Но если у тебя целая коробка наклеек, цветного картона, блёсток, тканей, то будет что-то волшебное и невероятное! Эти материалы помогли детям из нефрологического отделения превратить

простую бумагу в чудесные новогодние открытки, каждая из которых — уникальна и сделана с душой: кто-то рисует зелёным карандашом на зеленой открытке, потому что это любимый цвет сестры, а кто-то клеит побольше ёлок, потому что маме это обязательно понравится.

В гинекологическом отделении в этот момент происходит волшебство! Девочки-волонтеры из простых стеклянных бутылочек и множества разноцветных ленточек готовят новогодние подсвечники! Атмосфера посещения была с ноткой предновогодней суеты: все советовались, обменивались идеями, веселились и ели мандарины. Но, самое главное, в один миг все забыли, что они находятся в больнице! Это ли не предновогоднее чудо!

В конце посещения радости не было предела, ведь координатор Ирина Лабазова испекла и принесла разукрашивать глазурью имбирное печенье. Честно говоря, оно было таким вкусным, что очень малое количество было в итоге подарено родственникам или друзьям.

Но все без исключения печенки получились яркими и новогодними.

Мы, взрослые, как и наши маленькие подопечные в больнице, всегда ждём волшебства. А в ожидании чуда всегда нужно делать добрые дела, тогда и чудо придет к тебе не с пустыми руками!

Прожорливый пингвин и чудо узнавания

Марина Ермаченкова — волонтер группы.

«Я тебя помню!» — маленькие пальчики теребят меня за кофту, пока голубоглазая кроха довольно и приветливо улыбается мне. На душе сразу становится тепло. Больничные стены уже не кажутся холодными и давящими, как минуту назад. Я расправляю плечи и опускаюсь на ее уровень. Чтоб во всех смыслах поговорить на равных.

«Я Аня. Мне 5 лет. Помнишь? — Продолжает кроха. — Ты еще помогла мне сделать пингвина. Он такой прожорливый оказался».

Дальше малышка, захлебываясь, рассказывает о том, как кормит своего пластилинового друга. Я по-прежнему держу её за руку, улыбаюсь и киваю головой, но мои мысли уже далеко...

Я Марина, мне 30 лет, и я не помню и не могу помнить Аню, которой пять. Просто потому, что вижу ее впервые. Собственно, как и эту больницу. Это мой первый день посещения. Теперь я волонтер. Всё здесь ново и непонятно для меня. Запахи тревожат, гулкие больничные переходы наводят тоску, и предательская мысль навязчиво скребется в голове: мол, ну чем ты здесь поможешь, ну не смеси...и если совсем уж честно, то хочется домой... Мне прям с порога хочется домой...

Я знаю, что дети здесь лечатся месяцами. Приезжают со всей России. Эти стены для многих — второй дом. Практически все возвращаются сюда снова и снова. Врачи делают все, но они не волшебники, и из года в год курс повторяется.

Болезнь делает даже совсем малышей рассудительными не по годам. Это уже мое наблюдение. Они практически безропотно соблюдают режим. Знают, какая процедура и для чего. Заслышав слово «обед», даже тот, кто едва научился ходить, сам марширует в столовую. Важно выстраиваются в очередь, порой не доставая до окошка раздачи...

И наверно, это настоящее испытание — возвращаться обратно через холл, где телевизор и мультики. Но даже карапузы уже знают, что после еды — послеобеденный сон, и потому расходятся по палатам. Конечно, им хочется играть назло и вопреки диагнозам. И каждый день — это не только борьба с болезнью, но и со скукой, замкнутым

пространством и ограниченным кругом общения. Даже меня, взрослого человека, эти слова заставляют съежиться и тяжело вздохнуть... Что чувствуют дети — не берусь представить... И потому на каждого нового человека в этих стенах детские глаза смотрят с любопытством и надеждой...

И вот однажды, после того самого дневного сна, я и встретила маленькую девочку Аню. Ей пять, и она уже не спит целый час. Без остановки что-то рассказывает.

«Ведь сегодня суббота, — говорит она. — Придут волонтеры». (Да, в свои пять она знает и это слово).

«А ты волонтер, да?» — с надеждой заглядывает мне в глаза Аня.

«Я же тебя немножко узнала, да?» — уже сомневаясь, говорит Аня.

И на этих словах уже мои сомнения улечиваются. Конечно, Анята! Теперь я точно знаю: я — ВОЛОНТЕР. А запах и стены — это не страшно. Теперь больница будет тоже немножко и мой дом. Ведь у меня уже есть первый друг здесь.

«Я тоже тебя узнала, Анята, — говорю я девочке. — Ну, давай ладошку, и побежали догонять мою волонтерскую группу. Видишь, они уже начали доставать коробки с пластилином. Покормим твоего прожорливого пингвина».

Волонтер? Да зачем тебе это нужно?

Наталья Романова — волонтер группы.

Что такое волонтерство? Что за люди волонтеры? Волонтер, согласно Википедии, — это человек, добровольно занимающийся безвозмездной общественно-полезной деятельностью. Но я считаю это определение невероятно скучным и однобоким!

В первый раз я задумалась над тем, чтобы стать волонтером, сразу после института. Только тогда мне почему-то казалось, что нужно бросить все и уехать в Африку (ведь там столько надо помочь) или ездить по зонам стихийных бедствий. Я изучала сайты Красного креста, искала волонтерские сообщества на другом континенте, а все мои друзья и знакомые крутили пальцем у виска. Не получив никакого одобрения и поддержки, я стала задумываться, почему люди так реагируют на то, что человек хочет чем-то помочь. Конечно, с мыслями об Африке со временем я попрощалась, потому что поняла, что для такого волонтерства, и правда, нужно перекроить свою жизнь, а у меня семья, друзья, близкие, работа, хобби, увлечения.

А потом... потом в моей жизни случилась замечательная подруга Тата. Этот светлый человечек за один год пережил две страшные беды, и там, где очень многие люди ломаются, эта хрупкая девочка смогла стать еще сильнее и светлее. Оказалось, что после всего пережитого она находит в себе силы помогать другим, причем делает это не напоказ, а от чистого сердца.

Как-то вечером, листая ленты соцсетей, я увидела у нее пост о сборе средств для больных раком детей, не на операции, нет, таких постов очень-очень много (и это здорово, что так много людей не остаются в стороне). Запись была о том, что они, волонтеры, собирают деньги на покупку игрушек деткам, которым предстоят болезненные процедуры, чтобы хоть чем-то успокоить малышей. И вот тут в моей голове что-то щелкнуло.

Я стала изучать фонды, волонтерские движения, но почему-то все, что мне попадалось, было связано либо с финансами, либо требовало очень много времени. А друзья и знакомые продолжали удивляться: «Зачем тебе это нужно? У тебя насыщенная жизнь, интересная работа, увлечения, и без волонтерства не на все хватает времени!».

И вообще, по мнению большинства знакомых, волонтер — это человек, которому нечем заняться, скучно жить, возможно, нет семьи, пережил трагедию и так далее и так далее. Признаться честно, у меня тоже начали появляться такие мысли! Но я их пересилила и пришла!

Так вот, оказалось, что у всех волонтеров есть, чем заняться, почти все учатся или работают, у многих есть и семьи, и дети, и все хорошо! И большинство так же выкраивают время! И все же это не обычные люди! Только представьте себе, в свой выходной, в свободный вечер они не идут пить пиво с друзьями, они не садятся смотреть телевизор дома, да и в театр они тоже не идут. Они готовы потратить СВОЕ время на помощь человеку, которому плохо. Координаторы и организаторы заслуживают отдельных слов, потому что если просто волонтер может выстраивать свое расписание и давать себе выходные, то координатор каждый раз со своей группой!

Так почему же у многих людей бытует такое своеобразное мнение о волонтерах? Не знаю... но очень надеюсь, что волонтерское движение будет развиваться и меняет сознание большинства!

Для себя я точно осознала, что волонтер — это не «человек, добровольно занимающийся безвозмездной общественно-полезной деятельностью». Это человек НЕРАВНОДУШНЫЙ и искренне готовый помочь даже чужим людям.

А мы тут картишками балуемся...

Александр Валентьев — волонтер группы.

В прошлую субботу я в третий раз волонтерил в РДКБ. И если в предыдущие разы в этом учреждении я вместе с другими волонтерами участвовал в творческих занятиях с детьми, то теперь настал черед настольных игр. Сказать по прав-

де, я не силен в поделках. Но играть в «настолки» мне нравится, и я всегда включаюсь в них с большим азартом. Даже когда ты не знаешь правил, дети с радостью откликаются, чтобы стать твоими «учителями».

Пока я обходил палаты, приглашая детей в помещение столовой на занятия с волонтерами, ребята, которые пришли раньше, уже начали раздавать карты для игры в Уно. Пришлось сразу включаться в игру без раскочки. Нашу мужскую компанию за столом из пяти парней украсила одна девушка — Катя. Потом уже к нам присоединились и другие ребята с девчонками. Причем, поскольку до этого я не пересекался с Катей в РДКБ, то до последнего момента у меня было впечатление, что эта скромная, юная девушка является пациенткой больницы, а не волонтером, как мы. Однако, несмотря на свою внешнюю скромность, раз за разом Катя обыгрывала нас в Уно, а затем и в «Мафию».

В игре Уно за одним столом, не считая волонтеров, собрались ребята от 7 до 15 лет. В картах всегда так: кому-то везет больше, кому-то меньше. Но вне зависимости от того, какие карты кому выпадали, все ребята сохраняли радостное расположение духа и не расстраивались, даже когда что-то шло не по плану.

Так 7-летний Влад набрал полную колоду карт. Однако, когда очередь доходила до него, он с хитрой улыбкой и фразой: «Отдыхай!» — бросал карту, запрещающую ход следующего участника.

11-летний Максим несколько раз был в одном шаге от победы. Однако, когда у него оставалась на руках одна карта, он забывал или не успевал крикнуть «Uno!». Так как сей факт не оставался незамеченным другими участниками, то по правилам игры Максим вынужден был брать две штрафные карты. Но это вызывало только заразительную улыбку на его лице.

Ребята постарше — 15-летний Максим и его сверстник Азиз — поначалу держались особняком. Но затем откликнулись на мое приглашение и включились в игру с нами.

Потом дело дошло до любимой ребятами «Мафии». Вы бы видели пронзительные взгляды детей, устремленные на каждого из игроков! Перед началом игры мальчик Артем кричал всем, что хочет быть мафией. За это и поплатился: два кона подряд участники игры указывали на него как на преступника, хотя Артему выпадали роли «Мирного жителя» и «Доктора». Не всем ребятам удавалось сохранить «Poker Face» (непроницаемое лицо). Так, Максим снова выдал себя своей простой и добродушной улыбкой.

Третий кон мы доиграть не успели, так как время посещения незаметно для нас подошло к концу. Однако все — и дети, и волонтеры остались довольны совместным досугом. Ребята спрашивали нас, когда мы придем снова, и жали руки на прощание. А мы с остальными волонтерами отправились в кафе делиться впечатлениями от яркой встречи.

Неспящие в РДКБ

Александр Валентьев — волонтер группы.

Так сложилось, что в РДКБ я отвечаю за настольные игры с подопечными. В создании поделок я не силен, а поиграть с детьми в игры — всегда пожалуйста. Уже не помню, когда впервые в руки мне попала игра под названием «Спящие королевы». Поначалу я подумал, что это какая-то скучная девчачья игра. Но, изучив мудреные правила, понял, что она довольно интересная. И теперь на протяжении полугода, когда бы я ни заглянул в РДКБ, каждый раз мы играем в нее с детьми и волонтерами.

И вот незадолго до Нового года нам в голову пришла мысль «визуализировать» эту полюбившуюся детям игру. После одного из посещений мы с волонтерами сели в кафе и совместно набросали идеи сценария, определили роли, подумали над костюмами. Поскольку я хорошо знал правила игры, мне отвели роль ведущего. Было решено, что, как в игре, у нас будут четыре королевы: королева Роз (Наташа Миткинова), королева Тортов (Люба Найда), королева Кошек (Саша Тархова) и королева Собак (Лиза Киселева). У каждой из королев должны быть отдельные конкурсы для детей, а у королев Кошек и Собак, которые соперничают между собой, будет специальное командное задание.

Самое сложное было написать итоговый сценарий. И с этой ролью прекрасно справилась Люба Найда. Ее работа заслуживает всяческих похвал. Поскольку спектакль у нас новогодний, в игре «Спящие королевы» появились две новых роли — Деда Мороза (Лиза Кондрашова) и Снегурочки (Даша Ломова). Да-да, Деда Мороза в нашей сказке играла девушка. Оказалось, что Лиза с детства мечтала об этой роли, и мы не могли ей отказать.

Времени на репетиции у нас толком не было, однако перед показом постановки подопечным мы успели пару раз «прогнать» сценарий пьесы. Посмотреть наше выступление пришли дети из отделений нефрологии и гинекологии, их родители и персонал больницы. В самом начале спектакля я пригласил двоих ребят из зала поиграть со мной в настольную игру «Спящие королевы». И только мы разложили колоду и открыли карту с королевой Роз, как, словно по волшебству, она ожила и во всей красе предстала перед зрителями. В ярком платье, с живой розой в руках, королева предложила ребятам сыграть, по ее словам, «в более интересную игру». Детям, которые вызвались участвовать в конкурсе, нужно было

за минуту сделать рисунок. Но не просто так, а с завязанными глазами. И, надо сказать, наши юные художники блестяще справились со своей работой.

Стоило достать из колоды карту с королевой Тортов, как она вышла на сцену в своем передничке и элегантном платье, и предложила детям очередной конкурс. На этот раз детям снова завязали глаза, и им предстояло определить на вкус: чем же их угощает королева Тортов? А угощала она детей не только сладостями, но и разными фруктами. Так одному мальчику, к его удивлению, достался лимон. Ребятам конкурс королевы Тортов определенно понравился.

Но только на стол легли карты с новыми королевами, как на сцене появились друг за другом королева Кошек и королева Собак. В ярких костюмах, отражающих принадлежность к своему виду, две королевы-соперницы устроили соревнование. Каждая из королев выбрала из зала по паре помощников, которым предстояло за короткое время собрать как можно больше следов различных животных. В этом конкурсе расторопнее оказалась команда королевы Кошек, но подарки получили все участники состязания.

Вслед за последним конкурсом неожиданно для зрителей на сцену вышла злая Колдунья (Света Гуменная), которую вовсе не приглашали на праздник. И за это своими чарами она усыпила королев, чтобы сорвать мероприятие и погрузить королевство в сон. «Да, печальная история...» — развел я руками.

Но тут, как и подобает героям, у ворот спящего королевства появился храбрый рыцарь (Володя Грабовский). Выйдя на сцену с настоящим шлемом на голове, этот бравый парень прочел оду прекрасным королевам и предпринял несколько попыток разбудить их. За одну из таких попыток (пробудить красавицу поцелуем) наш доблестный

рыцарь даже получил пощечину от не приходящей в сознание королевы Тортов. Увы, все оказалось напрасно: королевы спали мертвым сном.

Тогда решено было позвать на помощь Деда Мороза. От кого же еще нам ждать поддержки в преддверии Нового года? Дружно вместе с детьми мы начали кричать «Де-душ-ка Мо-роз!». И он не заставил себя долго ждать, появившись на сцене в компании Снегурочки. Узнав о бедах нашего королевства, добрый дедушка сперва предложил детишкам отгадать его загадки. И после того, как загадки были разгаданы, королевы вдруг пробудились ото сна.

И в королевство вернулось радость и веселье! Снова появились интересные конкурсы, совместные песни и танцы, зазвучали стихи в исполнении детей. Все присутствовавшие на представлении ребята получили подарки к Новому году, желающие сфотографировались с героями спектакля, а зрители наградили нас аплодисментами.

Праздник в РДКБ удался! После спектакля к нам подходили дети и родители, благодарили за устроенное представление. Но и мы сами, волонтеры, получили огромное удовольствие от проделанной работы. Поэтому дружной компанией мы отправились в кафе, чтобы обменяться впечатлениями, которых у каждого из нас в этот вечер было предостаточно.

Ура! Волонтеры пришли, дело будет!

Елена Архарова — волонтер группы.

«Почему вы ходите в РДКБ?» — именно этот вопрос нам часто задают мамы детей, к которым мы приходим.

«Вы приходите сюда, убиваете свои выходные, почему?»

Я бы сказала, что мы свои субботы спасаем!

Для меня поход к детям — это всегда радость и отдушина, много душевных мгновений вместе с детьми, твоя

и их искренняя радость от совместного творчества, возможность приостановить летящие будни и почувствовать, что ты живешь.

Подготовка к посещению — это когда ты уже в начале недели идешь на работу, а в голове прокручиваются идеи новых мастер-классов. Закупаешь материалы, чтобы попробовать смастерить что-то новое, и ура!!! Получилось!!! И радуешься, как ребенок!

Затем идешь с этой идеей к детям, волнуешься и, затаив дыхание, предлагаешь свою идею (вдруг не заинтересуются). И когда в итоге получено «добро», вокруг закипает работа и начинает реализоваться задуманное, на душе становится тепло.

Наши творчески одаренные волонтеры проводят множество разнообразных занятий с детьми! Каждый из нас привносит что-то свое, и обычная больничная столовая превращается в волшебную мастерскую: буйство красок, разнообразие материалов, работа кипит!

Обычно приезжаем на лифте на свой этаж, а там нас уже ждут: «Ура, волонтеры пришли, дело будет!», — произносит кто-то из ребят. И понеслось! В две прошедшие субботы, например, мы творили. В одно посещение — ангелов из соленого теста в преддверии Светлой Пасхи. В другой раз это были открытки со сказочными персонажами — эльфами и феями.

Причем дети — такие фантазеры, полные неожиданных идей: сначала скромно заходят, говоря, что «я ничего не умею», а потом выдают совершенно потрясающие идеи! Вот так и учимся друг у друга радоваться простым вещам. И мы, волонтеры, заново открываем в себе ребенка.

**ГРУППЫ ПОМОЩИ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ: В МОЖАЙСКОЙ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ
КОЛОНИИ, В МОЖАЙСКОЙ
ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ,
В МОСКОВСКОМ СИЗО №6
И ГРУППА ПЕРЕПИСКИ
С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ**

О волонтерских группах:

Группа Переписки с заключенными открыта в 2009 г. Волонтеры ведут переписку с заключенными, высылают духовную и художественную литературу.

Волонтерская группа в Можайской воспитательной колонии открыта в 2012 г. Волонтеры посещают подростков-парней, находящихся в колонии. Волонтеры проводят тренинги и творческие мастер-классы для подопечных.

Волонтерская группа в Можайской исправительной колонии открыта в 2014 г. Волонтеры посещают женщин, находящихся в колонии. Волонтеры проводят тренинги и творческие мастер-классы для подопечных.

Волонтерская группа в Московском СИЗО №6 открыта в 2018 г. Волонтеры посещают осужденных женщин. Волонтеры проводят тренинги и творческие мастер-классы для подопечных.

Тюрьма — это концентрированный мир зла

Константин Ренжин — координатор групп.

Подготовила Анна Рымаренко — журналист
ДД «Даниловцы».

Когда-то я жил исключительно для себя. Увлекался путешествиями. Был в 60 странах. Объездил почти всю Европу. Посетил Индию, Китай, Непал, Марокко и др. Был в Южной и Центральной Америке. Много ездил по России.

Меня больше интересовали не природные красоты, а разные города, особенно храмы: буддийские, индуистские, китайские и всякие другие. Нравилась готические соборы и древнерусские памятники архитектуры.

Оказался в Греции. Это была единственная православная зарубежная страна, в которую меня занесло. Так получилось, что попал в Метеоры. Это горы необычной формы и наверху — монастыри. Меня там все поразило. Тишина и покой, для туристов был не сезон. Я ходил, впитывал атмосферу места, вошел в храм и как-то непроизвольно стал креститься, хотя не был крещен на тот момент. И стало казаться, что всё это мне близко. Сидел на горе, передо мной была такая красивая панорама, и вдруг что-то почувствовал. Пришло понимание, что Бог существует. До этого были отвлеченные теоретические познания. Какой именно Бог и какой дьявол — не разбирался. А там вдруг осознал, где искать Истину.

В Салониках зашел в собор, увидел довольно развязных туристов, и они мне как-то не понравились. Но я понял, что и сам такой, с фотоаппаратом и в шортах. А рядом были совершенно другие люди, которые не стеснялись показывать свою веру, поклонялись святым, заботились о душе. Потом поехал в Стамбул и там случайно

познакомился с семьей православных из России. Они рассказали, что отправились на экскурсию в Айя-София. Турок-экскурсовод стал рассказывать какую-то ересь, мать семейства возмутилась, и они отделились от группы. Мы решили ходить по городу вместе. Неожиданно появился русскоговорящий грек, который предложил экскурсию по православным местам Стамбула. Меня как будто что-то вело за руку тогда, все чудом совпало. Увиденное подтолкнуло меня к пониманию. Такая мусульманская страна, мечети, а внутри — почти подпольное Православие. Там не так, как у нас: стоят храмы красивые, нет. Все они — в узких переулках, в полуподвалах. Заходишь — древние иконы. У нас с женщиной, с которой мы вместе пошли на экскурсию, произошел разговор. Я рассказал про книгу, в которой прочел, что Христос жил в Индии и похоронен там. А она воскликнула: «Какая могила? Он же Бог!» И тут я задумался: а те ли книги я читал?

Когда вернулся в Москву, моя мама ни с того ни с сего сказала: «Тебе нужно креститься». Она сама тогда Библию не читала и в церковь не ходила. После Крещения у меня было такое состояние, будто на крылышках летал. А я-то думал, что на меня правила не действуют. Откуда-то возникло понимание, что кое-что из музыки и литературы нужно выбросить на помойку, так как они откровенно в сатанизм тянут. Коллекционировал я музыку разную. Хард-рок мог под настроение послушать. Потом как-то противно стало. И книги кое-какие повыбрасывал. «Откровения скинхеда», например, или что-то про оккультизм. Жалко было несколько красивых томов Блаватской выбрасывать. Хотя гадость, конечно. В свое время я и такое почитывал. В Индии много было возможностей уйти в дебри. Когда видел туристов, которых окуливали язычники, мне становилось их жаль. Какие-то

они были одурманенные, ушедшие мозгами в далекие дали. Мне же невозможно что-то внушить. К вере подхожу осознанно. В восточных философиях часто практикуется отдавание себя какому-то гуру. И ты начинаешь вариться в навязанной тебе каше. Йога тоже вроде бы должна стресс снимать, а мне она ничего не снимает, а наоборот: еще больше напрягает. Наверное, у меня сильный Ангел-Хранитель. В Православии, если правильно подходить ко всему, ты — совершенно свободный человек.

Вскоре стал ходить на богословские лекции. Во время одного из занятий услышал о волонтерском движении «Даниловцы». А мне хотелось общаться с единоверцами. На презентации познакомился с координаторами и волонтерами, выбрал группу переписки с заключенными. Позже сам стал координатором группы волонтеров. Начали посещать Можайскую колонию.

Евангелие об этом прямо говорит: «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (от Матфея, 25 глава). Волонтерство — прямое христианское дело. Проповедь через переписку хороша, но она не очень наглядная и действенная. Я пишу человеку, а там, рядом с ним, сидит сосед по камере и что-то совершенно другое говорит. Когда же видишь живого человека — это прямая передача опыта. В Можайской колонии сидят ребята, которые совершили преступления тяжелого характера: насилие или наркотики. Они совершили большой грех в своей жизни, который еще и законом наказывается. Некоторые ребята совершенно незрелые, они попали в эту ситуацию потому, что их жизнь изначально была построена в неправильном русле. Если бы они жили в нормальных семьях, где их любят мама с папой, неужели бы они совершили бы то, что совершили? Поймите: все зло из-за отсутствия любви в семье.

Государство, как известно, отделено от Церкви. И оно не ставит задачу духовного просвещения заключенных. Никто, кроме церковных людей, этим заниматься не будет. Это личное дело каждого, находящегося на своем месте (начальника колонии, воспитателя, кого-то из охраны). Как люди верующие они могут попытаться настроить этих ребят, что существуют рай и ад, добро и зло. А государство действует с точки зрения «нарушил — зло, не нарушил — добро». Поэтому волонтеры — это очень важно. Они — не государственная организация. Это просто люди, которые приходят к заключенным по доброй воле. Помимо государства, мы как христиане, как люди, пытаемся привести заключенных в нормальное состояние и мировоззрение. Такова наша миссия.

Я не говорю, что не нужно проповедовать напрямую. Но для этого в колонии есть храм, есть священник, который приезжает и читает им проповеди. Условия для того, чтобы изучать Евангелие, есть. Другое дело: они могут этого всего не хотеть.

Мы, волонтеры, являемся для них примером людей, которые чего-то достигли. У нас есть некие блага, мы им, например, книги, подарки разные привозим. Мы — люди из другого мира. Одна преподаватель нам сказала: «Ребята могут ничего не вылепить из глины, но уже то, что они её мнут, может настроить их на созидательный лад». В среде маргиналов отношение к труду такое, что это ниже их достоинства. Надо как можно меньше работать и как можно веселее жить. А тут вдруг на мастер-классах им показывают, что труд может быть увлекательным.

Проводили как-то мастер-класс выжигания по коже. Уникальный случай, когда, с разрешения администрации, привезли ножи и выжигательные аппараты. Ребята увидели, что они могут сделать вещи, которые потом не стыдно продать и даже заработать на этом. У таких

людей ум достаточно практичный. Они думают, на чем заработать, когда выйдешь. Вещи, которые делают заключенные, мы часто забираем и увозим. Например, они делали красивые букеты из бумаги для праздника «Белый цветок» в Марфо-Мариинской обители. То, что они доставили кому-то радость, случается, их окрыляет. И вот это ощущение, что ты кому-то сделал добро, нужно в них развивать.

Православие должно быть в основе духовного развития и воспитания заключенных. Наша поддержка — это работа с душой. В чем суть воспитания? Можно словами говорить: это добро, а это зло. Но судя по тому, к какому опыту ребята пришли, их сложно воспитать какими-то словами. Иисус Христос говорил, что для вас уготовано Царство Небесное. Зароете вы свои таланты или не зароете — это ваше личное дело. К чему в итоге придете — зависит от вас, потому что вы — свободные люди.

Многие заключенные становятся верующими уже по факту того, что они в тюрьму попали. Тюрьма останавливает их беспорядочное движение по жизни, и они начинают задумываться: как я жил. Время заключения нужно тратить не на подавление личности, а на ее развитие. То, что он сделал ужасный поступок, не говорит о том, что он совершенно конченный человек, и никуда ему дороги нет.

Волонтеры самым фактом своего существования налаживают заключенных на определенные мысли. Представьте, что человек, никогда не видевший детей, приходит в детский сад. Там он видит детей, которые бегают, радуются, сверкают глазами, и душа начинает возвышаться. Он видит людей относительно чистых или хотя бы стремящихся к чистоте. И не на словах, а на деле. Мы ничего не навязываем, не проповедуем, но, если спрашивают, всегда готовы к общению.

Мы в колонии смотрели кино «Цирк бабочек». Кино про инвалида без рук и ног, который женился и достиг успеха. Идея фильма в том, что люди способны преобразаться, подобно тому, как вредная гусеница перерождается в бабочку. Это и образ нашего мира: живем мы в несовершенном мире, полном зла. Но стремимся в Рай, где зла нет. И смерть — это переходный этап. Человек, существо неоднозначное, становится жителем Царства Небесного. Мне удалось, на мой взгляд, донести до ребят эту мысль. Я пригласил на просмотр кино представителей молодого поколения, которые учатся в школе кино на режиссеров, операторов, они были больше профессионалами, чем проповедниками. Они могли рассказать, как делать кино, как его продавать. Технически были очень подкованы. Мне же приходилось общаться на духовные темы. Не всегда получается сказать о главном. Нельзя приходить и говорить: «Вот, вы должны каяться или еще что-то должны». На это есть священник, которого они воспринимают как начальника, которого надо слушать. Есть еще воспитатель, которого если не будешь слушаться, отхватишь по полной. Но часто у них в одно ухо вошло, а из другого вылетело.

Мне удалось что-то сказать и про таланты. Развитие талантов — богоугодное дело. Хотя евангельская притча о талантах говорит больше о благодарности Богу за Его дары, чем о том, что нужно профессионально развиваться. Когда делаешь что-то хорошее, Господь дает на это силы, если трудишься. Нужно обратить внимание, что одни люди верны Богу, поняли, что Он хочет. А человек, зарывший талант, сказал: «Вот тебе твоё» (Мф. 25:24—25), в смысле: «Ты мне, Бог, не нужен. Я сам по себе». За это он и был наказан. За то, что отвергал Бога. А кто вместе с Богом трудился над собой, чтобы преумножить таланты, получил награду.

Все, к чему нас призывал Христос: идти за Ним в Царство Небесное. Когда делаем добрые дела, то делаем не для себя одного, а для некой общности. Люби Бога и люби ближнего. Эти ребята не знают, что такое добро, зачем оно нужно, зачем делать какие-то добрые дела. Что это за идиоты какие-то, которые делают добрые дела бесплатно? За всё надо деньги получать. И тут им говорят, что добрые дела — это хорошо и вам самим полезно. Умножение талантов — это профессиональный рост. А если глубже понимать — то это о том, что ты должен быть с Богом.

Самое главное во всем, как известно, — любовь. Я переписывался с одним заключенным, а он потом пожаловался, что я как-то не так ему объяснил определенные вещи. Он задавал вопросы из разряда: снимать ли шапку в мороз каждый раз, идя мимо храма, и можно ли разрезать свечу пополам или нельзя. То есть много беспокоился о внешнем благочестии. Я рассказал об этом руководителю молодежного центра при Даниловом монастыре игумену Иоасафу. И он посоветовал мне следующее: «Не нужно так много писать о мелочах, а нужно писать о самом главном — о Любви». Если любите Бога, а ближнего не любите, значит, Бога тоже не любите.

Можно делать добрые дела для удовольствия или тщеславия, но самое главное: чтобы вы это все делали ради Христа. Имели перед собой образ Царствия Небесного. Серафим Саровский говорил: «Лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, тот расточает».

Господь следит за человеком. Но если человек отвергает Бога, то Бог не будет его заставлять. Господь хочет

всех спасти, в том числе и через лишение свободы. С одной стороны, это зло, а с другой, кто знает, может, это добро для кого-то. Весь наш мир — это тоже своего рода тюрьма. Временное бытие со злом. Есть в нем и война, и насилие. Мы можем не иметь к этому отношения, а можем иметь. Но мы в этом варимся. А тюрьма — это концентрированный мир зла. Чистилище, пройдя через которое, человек может понять что-то самое главное в своей жизни. И мы, волонтеры, помогаем это Главное осознать и применить.

В колонии я чувствую свою полезность

Екатерина Гусева — волонтер групп помощи заключенным, психолог, ведущий тренингов для подопечных.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Каждое воскресенье — тюрьма.

Уже четыре года подряд в свой законный выходной день Екатерина Гусева отправляется не куда-то по делам, а в колонию или СИЗО. Катя — психолог, и в таких поездках проводит разные тренинги для заключенных. Но цель ее поездок другая. «Я езжу в колонии не совсем как психолог, — говорит Екатерина. — Моя цель — не провести тренинг, а дать людям возможность выговориться, как-то улучшить эмоциональный фон. И мне кажется — в этом мое предназначение...»

Изначально волонтеры Движения «Даниловцы» посещали две колонии в Можайске: женскую и мужскую для несовершеннолетних. Недавно открылась новая группа — для заключенных хоз.отряда московского женского СИЗО №6. Как правило, волонтеры ездят в эти три места с каким-нибудь мастер-классом, иногда — с гитарой, а Катя проводит психологические тренинги. В СИЗО

и колонии женщин больше интересует семейная психология, трудоустройство после освобождения. В колонии для мальчиков Катя играет с ребятами в «крокодил», «ассоциации», «необитаемый остров» и в каждой игре тоже подталкивает их к разговору о семье, учебе и работе.

И, как ни странно это звучит, с заключенными ей вполне комфортно и спокойно. А вот что огорчает — так это отношение общества к ее деятельности.

— Иногда я слышу, что «вот, вы помогаете заключенным, но забываете упомянуть, за что они сидят: за грабежи, убийства и так далее. Давайте лучше помогайте сиротам...». Меня этот настрой в обществе очень огорчает. Во-первых, даже в Евангелии сказано про посещение людей в темнице. Для верующих это — основа основ. Ну а кроме того, мы должны помогать этим людям вливаться в общество ради нас самих...

«Я думала, парты в меня полетят»

— Очень жалко, что у нас нет организаций, которые помогают людям после освобождения, — говорит Катя. — А помогать им нужно, потому что это вопрос и нашей безопасности, в том числе. Если люди не социализируются после колонии, не включатся в общество и общество их не примет, это повысит вероятность того, что будет совершено повторное преступление. Поэтому в наших интересах показать, что мы этих людей — нынешних заключенных — принимаем, что они не отвергнуты.

И чтобы им не приходилось искать утешения только в уголовной среде, мы можем помочь им социализироваться.

— Как, например?

— Ну вот в СИЗО-6 недавно появился волонтер, который обучает женщин перманентному макияжу — сейчас на эти услуги есть спрос. С нашим керамистом они лепят из глины — это и отдых, и ремесло. А я на тренингах даю

навыки — как бесконфликтно общаться, как справляться со стрессом. Это надо, чтобы людям было проще потом пройти собеседование на работу, проще на этой работе адаптироваться, избегать конфликтов в семье и в любом обществе.

— **То есть они всего этого не умеют?**

— Абсолютно во всех колониях, где я была, первое, что сразу бросается в глаза, — отсутствие бесконфликтного общения и умения выслушивать. Часто перебивают друг друга, начинают кричать, не могут дослушать до конца, резко высказываются. У мальчиков это особенно проявляется, они могут оскорблять и как-то обидно друг к другу обращаться. В обществе это бы очень быстро спровоцировало конфликт.

И еще, — у женщин это не так сильно, а у мальчиков очень, — у них нет умения говорить о своих чувствах и понимать их. Вот спрашиваешь после упражнения: «Что ты об этом думаешь? Что чувствуешь?». А он тебя не понимает. Это в принципе не развито, а в пенитенциарной системе это еще и подавляется. За них там все решают, и они просто отучаются думать. Им проще, когда кто-то один сказал, и потом все по кругу дальше повторили.

— **Как ты начала ездить в колонии? Страшно было в первый раз?**

— В первый раз страшно, потому что не знаешь, как там тебя примут. Я думала, будет как в фильме «Педагогическая поэма»: что там парты могут в меня полететь. А когда я увидела, что осужденные отзывчивые, что они расположены к тебе, благодарны, тогда уже страха не было.

— **А как сложилась программа тренингов?**

— Когда я ехала в колонию для мальчиков первый раз, то подумала, что поговорить про стресс и преодоление стрессовых ситуаций им, наверное, будет актуально. На тот момент я заканчивала педагогический колледж

как социальный педагог, и вся база была изначально оттуда. А потом на протяжении нескольких курсов в университете моим научным руководителем был Михаил Георгиевич Дебольский, один из организаторов психологической службы ФСИН России и ее руководитель в 2000—2009 годах. Он мою базу подкрепил.

Я стараюсь не брать какие-то глубокие темы, поэтому, в основном, мои тренинги направлены на коммуникативные навыки, преодоление стресса, бесконфликтное общение, поиск жизненных ценностей. Буквально 3—4 последних месяца я решила поработать с ребятами на тему профессиональной ориентации. Еще у мальчиков я длительное время работала по теме профилактики алкоголизма и наркомании. Это очень востребовано, потому что много преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Практически все, кто там сейчас сидит, это 228-я статья, наркотики. Они приезжают, и в голове у них одни спайсы. У сотрудников женской колонии спрашивала и узнала, что там тоже большинство женщин сидят за наркотики.

— **А видны какие-то изменения в ходе тренинга?**

— Да, видны, но надо учесть, что я езжу туда от волонтерской организации. То есть главная наша цель — принести какую-то частичку добра, и каждый это делает, как умеет. Керамист Татьяна — через глину, я — через эти тренинги, потому что по-другому я не могу провести там какой-то мастер-класс. Если бы я была штатным сотрудником-психологом, наверное, для меня главной была бы цель тренинга. Но для меня главное — это именно общение и эмоциональный фон.

Например, у заключенных женщин часто получалось так, что в ходе тренинга они отходили от упражнения и начинали обсуждать какую-то ситуацию. И я видела, что для них это очень важно. Они начинали обмениваться

позитивным опытом. Условно говоря, одна сказала: «Я нахожусь сейчас в таком вот состоянии, это ужасно», а другая ответила: «Когда я поступила сюда, то тоже находилась в таком состоянии, а потом сделала то-то и то-то и справилась». И я поняла, что для них намного важнее это обсудить, выговориться, чем достичь цели упражнения. То есть мои упражнения на бесконфликтное общение или активное слушание оказываются инструментами, которые подводят их к эмоциональному раскрытию.

«Не все волонтеры могут с нами ездить. А нас ждут!»

— Что ты вообще скажешь о женщинах в колонии?

— Они очень подавлены. Но я говорю только о тех, кто приходит на эти встречи с волонтерами! Потому что есть те, кто вживается в уголовный мир, кто планирует дальше по нему идти, кого все устраивает, если так можно сказать.

А есть те, кто больше не хочет опять оказаться в колонии. Кто просто не принимает этот мир, этот строй, им очень там тяжело. И вот они ко мне приходят. Такие женщины не адаптированы к условиям колонии, они жалуются — не на колонию и сотрудников, а на то, как в целом все устроено. Что они находятся в комнате, где много других женщин, нет возможности побыть одной, приходится работать на работе, к которой душа не лежит. То есть в целом система для них очень тяжела. Теряется лицо — у кого-то был статус, высокая должность, престиж. А тут со всеми одинаково обращаются сотрудники, грубовато.

Они скупают по семьям. Они не доверяют друг другу, потому что кто-то может и предать, заложить, и они постоянно боятся сказать что-то лишнее.

Но это в можайской женской колонии. А вот в московском женском СИЗО такого нет. Там более открытые, доверительные отношения, нет такой эмоциональной подавленности. Может быть, потому что женщины

находятся в центре Москвы, и родственникам проще туда добираться. Не знаю точно, но наверно у них там облегченные условия, и занимаются они там привычным делом: парикмахер, например, стрижет других заключенных. Поэтому, когда заходишь к ним, это бросается в глаза, эмоциональный фон абсолютно разный — в СИЗО и в колонии.

— А те заключенные, с которыми ты общаешься, их вообще беспокоит — что будет дальше, когда они освободятся?

— Женщин, наверно, это беспокоит в большей степени. Подростки — они достаточно легкомысленные. Им нравится играть. Часто, когда мы в конце тренинга обсуждаем его результаты, они говорят: «Когда мы играли, мне понравилось. А когда мы в начале про серьезное разговаривали, это не понравилось». Они бы весь тренинг играли. Там очень много ребят в розовых очках, которые думают, что вот они выйдут, у них будет бизнес, большой кредит под него выдадут или большое состояние на них свалится.

— С какими бы еще волонтерами ты поехала, например, в колонию к женщинам?

— Там нужны представители каких-то профессий. Потому что с мальчиками я занимаюсь по профориентации, как с обычными школьниками, где им надо определиться, к чему есть расположенность и куда можно пойти. У женщин история другая. У них была какая-то профессия. И многие не смогут в нее вернуться. Никто не поставит бухгалтером человека с судимостью. А это — всё. Значит, человеку взрослому, сложившемуся надо как-то переквалифицироваться. Поэтому нужны люди, которые могли бы рассказать по свою работу, если на нее может устроиться человек с судимостью. Здесь мало выявить предрасположенность, к чему душа лежит. Здесь нужны реальные практичные вещи.

А с другой стороны, с нами ездил мужчина, он был у нас водителем, и он женщинам немножко сыграл на гитаре. И у них было такое оживление! Они с таким восторгом на него смотрели. Возможно, просто потому, что это был мужчина, а мужчин там мало. Но однозначно нужны люди, которые могли бы женщин подбодрить, поднять эмоциональный фон, заразить позитивным настроением, дать надежду, вдохновить на что-то.

— А зачем тебе это надо? Что тебе самой дают эти посещения?

— Мне кажется, что я просто нашла там свое место. Потому что у каждого есть какая-то предрасположенность в профессиональном плане. И вот мне там, в колониях, нравится. Я чувствую там свою нужность. Людям, находящимся в заключении, я нужна и важно то, что я делаю.

Я работала с подростками, которые стоят на учете в КДН. Пока они не попали в такую серьезную ситуацию как лишение свободы, они очень наивны и считают, что все проблемы пройдут сами. Они не готовы что-то обсуждать. А вот в кризисной ситуации, когда тебя лишили свободы и тебя зажало, там уже люди готовы пересматривать свою жизнь. Конечно, кто-то потом выходит на свободу и живет, как раньше. А кто-то еще в колонии может поменять свою жизнь, и вот с ними мне работать очень интересно.

Иногда я думаю о том, что бы я сделала, если бы была сотрудником колонии. Да мне бы бумажки работать не дали! А мне нравится не формально провести какие-то тесты и написать личностную характеристику, а именно общаться и видеть результат.

— С каким настроением ты возвращаешься домой?

— От мальчиков я чаще всего уезжаю с воодушевлением, а от женщин, бывает, наоборот — подавленной.

Потому что я понимаю, что у них намного более серьезный уровень проблем, которые я или другие волонтеры просто не в состоянии решить. Мы можем только чуть-чуть помочь. С нами даже не все волонтеры в колонию к женщинам ездят, потому что там морально тяжело. Но мы там нужны! К мальчикам ездит много различных организаций. Ко взрослым женщинам не ездит практически никто. А заключенные сами говорят, что им очень нужно общаться с людьми по ту сторону решетки: «Нам важно, что люди из того мира о нас помнят и хоть иногда думают...».

У женщин в колонии глаза, как у детдомовцев

Екатерина Гусева — волонтер групп, психолог, ведущий тренингов для подопечных.

«На последнем тренинге мы говорили о смысле жизни — что может быть смыслом жизни для человека? Я раздала список вариантов и цитат, мы его обсуждали. Большинство женщин выбрали вариант «Смысл жизни — любовь» и «Смысл жизни — счастье».

А вот фраза «Смысл жизни — труд» женщин покорила. Они сказали, что это ассоциируется у них со словом «трудности», с неприятным трудом. Женщины признали, что материнство — тоже труд, приятный, и отношения — приятный труд, но все равно это слово им не нравится, и ассоциации были именно неприятные.

В начале тренинга, когда я спросила, думают ли они о своем смысле жизни, в комнате воцарилась тишина, и раздался всего один ответ, что смысл жизни — выйти на свободу. И на протяжении занятия я пыталась показать, что он намного шире. Я попросила женщин вспомнить 10 самых значимых событий своей жизни, разделить, какие

из них — из прошлого, какие — из настоящего, какие — из будущего. Большинство, конечно, получилось из прошлого. Из будущего — всего один человек написал. Но несколько женщин указали по одному событию из настоящего: они нашли в колонии близких друзей, а это — значимое событие. И благодаря этому мы опять же пришли к тому, что жизнь — она намного шире срока в колонии. Было много хорошего и плохого в прошлом, было и будет в настоящем и даже в будущем, жизнь наполнена и богата событиями, потерями и приобретениями.

В конце тренинга женщины сказали, что им очень важны и нужны такие встречи. Что в их рутине — это приятный вечер, как будто находишься не в колонии, а в другом месте. Когда я спросила, что они вынесли главное, одна осужденная ответила: «Главное, что вам не всё равно».

Женщины были разного возраста — и молодые, и зрелые. Все такие разные. И с ними было так интересно! Я составила новый список женщин, которые будут ко мне и дальше приходить на тренинги, он оказался большим. И на этом списке кто-то написал: «Спасибо! Мы будем вас ждать!». Честно говоря, разрывалось сердце, как после детского дома, где на тебя смотрит множество глаз, и все просят о присутствии в их жизни как можно больше. Вот эти женщины такими же глазами смотрели...

Женщины в СИЗО: если есть «зачем», вынесешь любое «как»

Екатерина Гусева — волонтер групп, психолог, ведущий тренингов для подопечных.

Сегодня была в СИЗО с волонтером Юлией. Получилась очень необычная встреча, новый опыт. Я пришла с задумкой

тренинга про уверенное поведение, но так получилось, что женщины начали делиться переживаниями, и наша встреча перетекла по формату во встречу психологической поддержки. Постепенно подходили новые женщины, активно включались, в какой-то момент я поняла, что это наболело, это — актуально и это важнее, чем тренинг.

Оказалось, что в основном-то их беспокоят одни вопросы. И есть те, кто ещё только столкнулся с проблемой, а есть те, кто уже может поделиться опытом. И все переживают по-разному. Мы начали с того, как быть с тяжёлыми переживаниями, когда никому не доверяешь и не можешь поговорить.

Продолжили тем, как быть с агрессией, обсудили чувство вины (бывает так, что другие тебя простили, а ты не можешь себя простить), тему зависимости, домашнего насилия, что делать, когда рушится надежда...

Было 15 женщин, мы общались два часа, и казалось, что этого мало, потому что есть ещё темы, ещё и ещё... Порой звучали такие важные выводы, что я жалела, что никто не ведёт стенограмму разговора. Например, про то, что иногда человек понимает, что занимался не тем и шел не по тому пути, только когда его арестовывают. И у некоторых было именно так, они даже благодарны аресту, без него они бы сделали хуже. И нужна зрелость и осознанность, чтобы это понять. Они увидели, как закономерно было лишение свободы на том жизненном отрезке.

А ещё, не читая Франкла, некоторые пришли к выводу, что если есть «зачем», то вынесешь любое «как». Просто должен быть смысл, и тогда ты все выдержишь. Для многих из этих женщин смысл — их дети. А это — отдельная тема разговора...

Ужасики и оливье: что объединяет волонтеров и заключенных

Екатерина Гусева — волонтер групп, психолог, ведущий тренингов для подопечных.

В одно из посещений Можайской воспитательной колонии ребят было удивительно много, нас было 13 человек, я уже отвыкла от такого количества, а тут какой-то повышенный интерес к нашим занятиям. Сегодня мы много играли, у нас были игры на доверие, невербальное общение, работу в команде, было интересно и немного экстремально.

Мы ходили по тропинке с завязанными глазами, надо было не упасть в «болото», а делать шаги, опираясь на советы товарищей, куда и как ставить ногу. Ребята предложили мне тоже попробовать, это был необычный опыт, но они меня не подвели, и я не утонула, мне очень помогли.

Мы запутывались в большую паутину, и только один паук мог ее распутать, но он легко справился. Угадывали любимые числа (каждый назвал любимое число, а все остальные пытались угадать, почему оно любимое, были довольно оригинальные варианты), искали общее, то, что всех нас объединяет, и такого оказалось немало: ужасики, салат оливье, все мы часто слушаем других, а делаем по-своему, и многое другое. Столько общего у нас! Обсуждали разные эмоции, какая польза, какой вред, зачем они нам нужны.

А уже в конце встречи ходили паровозиком с закрытыми глазами, на удивление никто не споткнулся и не снёс преграду, глаза открыты были только у первого человека, а остальным приходилось довериться ему и человеку впереди, быть чутким к движениям того, кто перед тобой, паровозик маневрировал между стульями, будто ребята перед этим неделю репетировали. Было здорово и тепло...

Каждому трудному подростку нужен наставник

Мария Бубенцова — волонтер группы воспитательной колонии.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

Про волонтера Марию Бубенцову в Движении «Даниловцы» говорят, что «она умеет быть подростком». Это качество Маше здорово помогает, потому что она волонтерит в самых непростых местах — детском наркологическом центре «Квартал» и колонии для несовершеннолетних в Можайске. В колонию получается ездить не так часто — раз в месяц по выходным. Но каждая такая поездка для Марии — яркое интересное событие. И сегодня она рассказывает, что же это такое — быть подростком, и каким взрослым будут рады в колонии.

— Быть подростком — это про уважение. Про общение на равных. Еще раньше я несколько лет была наставником подростка в программе «Старшие Братья Старшие Сестры». У меня был подопечный из детдома Игорь. И вот я никогда не считала себя именно Наставником, Учителем. Я всегда была с ребенком наравне. Говорят, что до того, как сделать одно замечание, надо сделать три похвалы. Тогда тебя услышат. И когда мне хотелось, чтобы ребенок меня услышал или стал мне доверять, я сама искренне ему рассказывала о каких-то своих жизненных ситуациях. Даже спрашивала совета! Так и в колонии — я рассказываю про себя, потом — что-то у них спрашиваю. И в результате получается, что это они сами больше говорят. А вовсе не я прихожу и поучаю назидательно их чему-то важному.

— А они рассказывают что-то реально интересное?

— Да. Мне мало интересна преступная часть их жизни, но у них есть интересные увлечения. В колонии очень много различных кружков, отличная библиотека.

— **А что там делают волонтеры?**

— Наша группа — это психолог Екатерина Гусева, она проводит с мальчиками психологические тренинги. Керамист Татьяна занимается с желающими — они лепят из глины. А я ставлю для себя задачу быть с ребятами наравне, чтобы у них было больше доверия к нам, взрослым, волонтерам. И я так же сижу вместе с ребятами в кругу, отвечаю на вопросы тренинга.

— **У вас с самого начала не было опасений, что вы едете в какое-то страшное место с хмурыми подростками, которые смотрят на тебя исподлобья?**

— Нет! Во-первых, там такая охрана (смеется — авт.). А потом, ребята все так заинтересованы в досрочном освобождении и выходе из этого учреждения, что они сами не будут никаких беспорядков устраивать. Плюс им интересно, когда приходит человек извне, интересно услышать, чем кто живет, чем дышит. Они нас часто спрашивают о личной жизни, профессиях, увлечениях, «что там у вас в Москве?» И мы обсуждаем, что у нас в Москве и что у них в Можайске.

— **Сколько им лет?**

— Средний возраст 14 лет. Многие там второй раз. Это дети из неблагополучных семей, у которых, как правило, пьющие родители. Очень много сидят за наркотики. Мне их ужасно жалко, потому что это — болезнь, которую нужно лечить, а не сажать за нее. Это же не наркомафия какая-то! Это — абсолютно несчастные дети, которых в это всё привела судьба.

— **И сколько им сидеть?**

— От года до трех.

— **В таком случае, они уже должны думать, что будут делать, когда освободятся. А они думают? Что их ждет в мечтах — белый мерседес?**

— Они все живут мыслью, что «вот мы выйдем, и все будет по-другому». Но почему-то в скором времени падают обратно. А те, кто за наркотики сидит, говорят так, что в словах чувствуется такая безысходность. «Ну я выйду, и что? Все равно буду употреблять. От этого никуда не деться». Мы с волонтерами ему отвечаем: «Ты же сейчас живешь без них. Ты же понимаешь, что можешь?» — «Ну а там все по-другому...»

А в колонии они живут, на самом деле, довольно интересно. Если забыть, что они ограничены в чем-то, не могут выйти, не могут распорядиться своим временем полноценно, то там есть, чем заняться. У них дискотеки, концерты постоянно, музыка крутая на всю колонию играет. Телевизор есть. Есть и школа, и к урокам, мне кажется, их там особо не принуждают, как на свободе.

Однажды мы заговорили про музыку, обсуждали одну песню, и там упоминался какой-то черный дельфин. Я спросила: «А что это?». И им было очень интересно, что они могут мне рассказать что-то, чего я не знаю, посвятить во что-то тайное. И они стали рассказывать про тюрьму «Черный дельфин», еще про тюрьмы, где пожизненно сидят, и попросили меня эту песню прослушать. Через месяц они проверили мое домашнее задание, я сказала: «Да, послушала, а еще у этой группы есть такая вот песня». Начали обсуждать. И вот так всегда немножко зацепив их на интерес, я потом стараюсь уйти от этих тем, чтобы на какие-то более здравые темы поговорить. Потому что между собой они с утра до вечера только это и обмусоливают. А просто прийти и сказать им: «Сегодня у нас лекция такая-то», они тебя слушать не будут.

— Фактически, им тоже нужен наставник.

— Да. Любому человеку нужен пример. Я тоже равняюсь на очень многих людей. А в окружении этих ребят таких людей нет. А те, что есть, это какие-то идеалы,

до которых очень далеко, и значит — недостижимо, и смысл тогда вообще что-то пробовать?.. Так что, было бы хорошо, будь там отдельная программа наставничества.

— **Поездка в колонию занимает целый день?**

— Да, но она легко проходит. В колонию мы едем на машине. Потом у нас традиция заезжать в кафешку по дороге. В колонию приезжаем к двум, до полдника уезжаем. Ненапряжный день совершенно.

— **И с какими эмоциями уезжаете?**

— Каждый раз по-разному. Каждый раз я там чему-то удивляюсь. Один раз была Масленица, а я сидела на диете и не ела блины всю неделю. Приезжаем, а ребята начали с того, что «как же нам надоели эти блины! С тем, с сем, родители привозили блины». Я уже сижу, мне дурно, говорю: «Ребят, я так хочу есть, я не ела эти блины всю неделю, давайте о чем-то другом». Они, естественно, начали активнее обсуждать тему блинов, но это был небольшой залп, и они стали сами друг друга успокаивать: «Так, все, тема под запретом». И под самый конец ко мне подходит мальчик и говорит: «У нас сейчас на полднике будут блины, подождете, я вам вынесу?». Я так растрогалась. Отказалась, конечно, ведь это было по их порядкам наказуемо. Но мне было очень приятно, что он хотел так позаботиться и помнил об этом всю встречу.

А один раз встреча была в спортзале, было очень холодно, зима. А там с отоплением в некоторых помещениях туго. Сначала-то мы разделись. Потом я шарфом обмоталась, потом шапку надела, затем варежки в ход пошли, куртка. И тут один мальчик подходит и говорит: «Так, у нас тут теннисный стол стоит, пойдемте играть». Я говорю: «У нас же тренинг» — «Но вы замерзли! Вам надо согреться!». И мы с ним начали играть в пинг-понг, причем я не умела, он меня учил. Они вообще очень хорошие, внимательные и чуткие ребята.

— Просто им негде это проявить.

— Негде и не на ком.

— А какие волонтеры там нужны и нужны ли вообще?

— Нужны. И разные. Потому что ребята там разные. Был один мальчик, он очень любил читать. В колонии ему не с кем было обсуждать прочитанное. И каждый раз, когда мы приезжали, он садился рядом со мной, и мы, нарушая тишину, обсуждали какой-то фрагмент. И я всегда удивлялась, какие книги он читает. Как-то он читал Достоевского, а у меня любимая книга «Цветы для Элджернона», и я ее упомянула. Когда я приехала через месяц, он сказал, что нашел эту книгу, прочитал тоже, и мы ее обсудили.

Так что, кому-то там нужен творческий человек, у которого можно чем-то вдохновиться. А кому-то нужен друг, чтобы просто поговорить.

Переписка духовная и душевная: в чем разница

Константин Ренжин — координатор групп.

К нам в группу переписки с заключенными приходят разные волонтеры. У каждого свои мотивы заниматься этим неппростым делом. Одним важно поделиться душевным теплом, другим — исполнить заповедь о христианском милосердии. Общий мотив — это, конечно, нести добро и свет туда, где его не хватает.

У волонтеров может быть разное мировоззрение. Православные верят в Христа, в исцеляющую силу Святого Духа. Невоцерковленные тоже верят. Например, в силу добра, в некий закон вселенной, в судьбу, в науку... Православные полагаются прежде всего на Бога, а простые

люди — на себя. Отсюда и разный подход к переписке с заключенными. Душевность и духовность. Какая связь? Говорят, что душа вечна. На самом деле, без Духа она мертва. О некоторых людях говорят, что они бездуховные. На самом деле имеют ввиду недостаток воспитания и культуры, то есть говорят больше о свойствах души, о характере и личности, нежели о Духе. Душа — это человеческое, Дух — от Бога. Свойствами души занимается наука психология, Духом — богословие. Всякая душа связана с Духом, даже если человек говорит, что не верит в Бога. У кого-то ясная связь, у кого-то с помехами. Но может быть и полный разрыв. Например, у психопатов.

Волонтеры — не психологи и не богословы. Никто не может сказать о себе, что достаточно опытен, чтобы уверенно писать на духовные темы, ибо все мы только ученики у Его ног. Так чем же волонтеры могут помочь заключенным? Нет ли здесь опасности для них самих? Душевная переписка — это когда волонтер говорит о себе. Делится своими личными переживаниями, пытается разобраться в проблемах, используя багаж знаний и опыта. По идее, в процессе общения волонтер вместе с подопечным должны учиться и развиваться. Духовная переписка — это когда волонтер говорит о Боге, — это миссионерское служение, цель которой — спасти заблудшие души. Для такого волонтера группа переписки — часть Церкви Христовой с ее многовековым опытом.

Однако богословские рассуждения без душевности, равно как и душевность без духовности, мало чем помогут. Никто не запрещает волонтеру в общении применять оба подхода. Важно не слишком увлекаться обсуждением бытовых и личных проблем и не забывать о главном. Важно не только говорить, но и слушать собеседника. Слушать, чтобы понять. Есть опасность, когда неопытному

волонтеру попадаетсч нечестный собеседник, а таковых в зоне немало. Неизвестно, куда могут завести просто душевные (простодушные) разговоры с людьми искушенными. Даже если волонтер изучает психологию по умным книгам, на зоне психологии учит сама жизнь, и учит не всегда хорошему. Чтобы не стать жертвой манипуляций, не нужно сразу раскрывать перед собеседником душу, сообщать о своих проблемах, показывать свое одиночество, рассказывать о слабостях. Манипуляция — это не обязательно какие-то материальные просьбы. Некоторым важно захватить власть над другим, поиздеваться или соблазнить — внушить чувство привязанности. Есть и любители пофилософствовать, поморочить другому голову. Некоторые просто так развлекаются. А кто-то надеется найти человека, чтобы по освобождении сесть ему на шею. Подобная публика отсеивается, когда видит, что волонтер настроен говорить только о главном — о Христе, о спасении души.

Христианин не полагается только на свои силы в борьбе со злом — никакая психология не исправит другого человека, если тот сам не захочет исправиться. Не стоит строить иллюзии, что только одно доброе отношение к другому как-то его перевоспитает и облагородит. Да, такое преобразование возможно, но только с Божьей помощью. Что невозможно человеку — возможно Богу. Задача волонтера-христианина — помочь подопечному на пути к Богу. Задача волонтера-нехристианина — найти себя и свой путь к Богу через общение с людьми верующими, пусть даже и заключенными.

В дни Пасхи мы поздравляем друг друга со словами — Христос Воскресе! А что значит Воскресение для каждого из нас? Что значит «смертию смерть поправ»? Подумаем над этим и предложим своим подопечным также осмыслить значение этого великого события.

Три урока от заключенного

Александра Сошникова — волонтер группы переписки.

Мысленно передо мной письмо от заключенного Евгения. Как будто снова и снова перечитываю его и повторяю уроки. Три урока, которые он преподавал мне этим посланием (истины просты, но были открыты как бы заново):

Урок первый

Надо быть довольным своим положением, обходиться малым.

Евгений пишет о том, что в Соликамске было жутко холодно этой зимой (и вообще, небезосновательно подозреваю, там всегда холодно), они спасались при низкой температуре батарей тонкими курточками и полушерстяными одеялами, то есть, как говорится, с грехом пополам, пока вовсе не отключили отопление — и стало совсем плохо. Мне, каждый день спящей под теплым одеялом в отапливаемой квартире, даже страшно представить такую ситуацию. Так вот. Тогда разрешили поверх одеяла накинуть хранившиеся в отдельном месте телогрейки. И вот эти телогрейки согревали не только тело, но и душу. Евгений заснул аки младенец, как в детстве, под теплым байковым одеялом, и ему даже приснился сон из прошлой свободной жизни о летних поездках в санаторий на Минеральных водах... В общем, счастье случилось!

Урок второй

Простить и попросить прощения никогда не поздно.

Даже односторонне. Даже внутри себя. Даже сделав шаги, которых не поймут. Некоторое время назад мы отсылали Евгению книги про отцовство и мужские темы.

Прочитав их, он решительно взялся за ручку и написал два письма. Одно — отцу, с просьбой о прощении прежних обид, второе — брату отца, дяде, с просьбой подействовать примирению. Вот тебе и раннее Прощеное воскресенье (письмо датировано первым февраля), хотя на самом деле попросить прощения можно в любой день, не дожидаясь особого момента. Как сообщает сам Евгений, пока ответов нет, но что это по сравнению с 27-ю годами разъединения?! Я восхищена его мудростью.

Урок третий

Не терять интереса к жизни и чувства юмора.

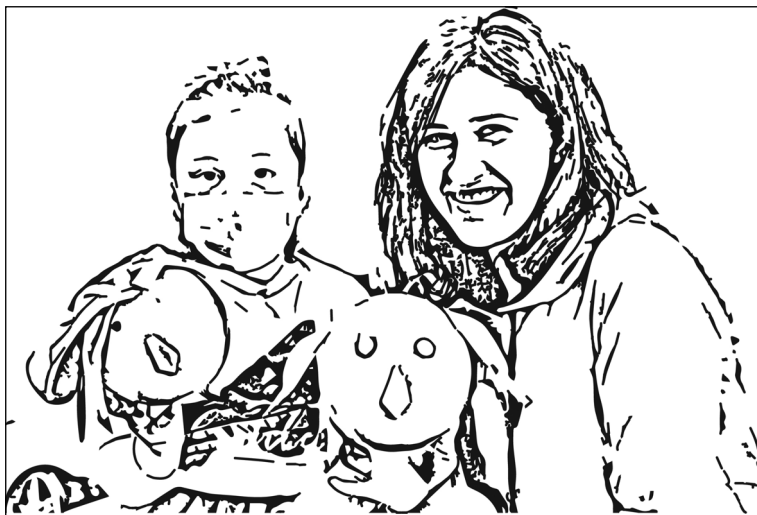
Евгений сидит пожизненно, но по закону освободиться по УДО можно через 25 лет отсидки (при соблюдении определенных условий). Евгений отбыл уже 10. Он надеется, что сможет выйти, и живо интересуется фермерством, в связи с чем побаловали его книгами по птицеводству, для начала. Оказалось, он хотел заниматься разведением кроликов, но, прочитав то, что было выслано, почерпнул много полезного и решил остановиться на птицах. Да, а книги отослал родным, авось им пригодятся.

Кстати, бандероль Евгению получить было непросто — пришлось отправить ее наложенным платежом, а ему заплатить заработанными на швейном станке деньгами. При этом процедуру вручения он описал очень забавно. Обычно мы посылаем христианскую литературу, а тут, как упоминалось выше, выслали книги другого порядка — с петушками на обложке, что вызвало вопросы у тюремной администрации. На их вопрошание, это ли христианская литература, Евгений выдавил — а разве это не твари Божии? Было ли так на самом деле — конечно, вряд ли, Евгений и написал, что пошутил, но в чувстве юмора ему не откажешь.

И так вот иногда думаешь — кто кого больше просвещает?

Кто понимает?

Усталая молодая мама с университетским образованием и амбициями или бывший милиционер с неоконченным высшим, разведенный отец, сиделец по тяжелой статье, с разными мечтами и мыслями? У каждого свой опыт, но хочется, образно выражаясь, снять шляпу перед тем, кто очень много осознал, выстрадал, просеял через свою душу за годы неволи...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ДЕТСКОЙ ГЕМАТОЛОГИИ, ОНКОЛОГИИ И ИММУНОЛОГИИ ИМЕНИ ДМИТРИЯ РОГАЧЕВА

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2012 г. Волонтеры посещают пансионат: играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Старое название учреждения — ФНКЦ.

Дети в ФНКЦ всегда пишут на открытках пожелание здоровья

Валерия Таранова — координатор группы.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Почему люди выбирают пойти волонтером в больницу, а не в детский дом? От чего это зависит?

— У нас лежат дети со сложными диагнозами, с онкологией и, мне кажется, поэтому люди и выбирают больницу, потому что это всегда больше отклика вызывает в волонтерах. И потом — в детском доме, считай, один и тот же ребенок. То есть это большая история про «один волонтер-один подопечный», про более личные отношения. А в больнице дети меняются, и в этом принципиальное отличие.

— А как часто меняются?

— Все по-разному. Кто-то приезжает на проверку на две недели. Кто-то лежит два месяца, а потом его отправляют в стационар, а потом через 21 день он возвращается обратно. Кто-то лежит годами.

— То есть у вас там есть давно знакомые дети? А складывается дружба между ребенком и волонтером?

— Конечно, когда ребенок долго там лежит и ходит один и тот же волонтер, то у них со временем находится общий язык, и такая дружба складывается. Но вообще, у нас в принципе все очень дружат между собой — все дети и дети с волонтерами. Вот у меня, например, есть мальчик, который лежал больше года, и сейчас он приезжает только на проверки раз в два-три месяца. И всегда я очень рада этой встрече, но с другой стороны, я рада тому, что он приезжает только для проверки.

— **Год пролежать в онкологии — мне кажется, это очень мужественный ребенок.**

— А они там все такие — мужественные, терпеливые, храбрые. Потому что там, конечно, процедуры не из приятных.

— **А как у них проходит лечение? Я вижу, что на всех фотографиях дети всегда в медицинских масках.**

— Да, маски, потому что для них опасна любая инфекция, любые микробы. У каждого свой план лечения. Как правило, это химиотерапия, тяжелые гормональные препараты, операция, переливание крови. И одна из главных процедур, которую в центре проводят, это трансплантация костного мозга.

— **А о чем они с вами говорят? Ведь если ребенок находится год в больнице, он оторван от обычной жизни и выпадает вообще из обычного детства.**

— А волонтеры как раз и делают все для того, чтобы ребенок ниоткуда не выпадал. Туда же кроме нас ходят и волонтеры «Подари жизнь», и представители организации «Клоуны в больницах», и куча всяких мероприятий нами проводится. Поэтому я не скажу, что ребенок на все сто процентов выпадает. Они так же, как и другие дети, рассказывают нам про каких-то персонажей из новых мультфильмов, про какие-то там их детские новости. И так же, как все дети, делятся своим хобби, увлечениями, про то, кто где гулял, если их отпускают гулять, про своих домашних, про то, что в школе происходит — для них школа есть при центре.

— **То есть вовсе не про здоровье они с вами разговаривают?**

— Нет, потому что все вокруг них говорят про здоровье, про то, как вылечиться. Но когда дети пишут открытки маме или папе на праздник и нам их тоже иногда

дарят, то всегда в них пишут пожелание здоровья. Потому что эти дети как никто понимают, как оно ценно.

— **Родители живут с ними в пансионате?**

— Да, и очень устают. Конечно, это очень сложно, когда ребенок лежит так долго, от месяцев до нескольких лет, кто-то и по пять лет там лечится. Находиться столько в больнице с ребенком, который болеет, и вокруг такие же болеющие дети — это, конечно, тяжело. И поэтому, когда мы приходим, для родителей это возможность немножко передохнуть, выдохнуть, заняться своими делами или сходить в магазин. Да просто прогуляться на эти два часа и немножко отвлечься.

Хотя иногда бывает так, что родители присоединяются к нам, могут вместе с нами сделать поделку отдельно от ребенка. Могут просто порисовать, и очень красивые рисунки выходят, я каждый раз поражаюсь и удивляюсь.

— **Приходят новые волонтеры, и как они переживают вот это количество капельниц вокруг? Или они к этому готовы?**

— Не все готовы. Кто-то приходит в нашу группу в первый раз, а кто-то уже был волонтером в каких-то других местах. Из-за этого и впечатление от первого посещения у людей складывается разное. Но, конечно, поначалу переживают за катетеры на руках у детей, на животе. И я предупреждаю людей, что это не страшно, просто главное — осторожно с этим обращаться. Но в целом это не так волнительно, как может показаться на первый взгляд.

Но, конечно, переживаешь, когда заходишь в игровую и видишь столько детей в масках и чаще всего без волос или с очень короткой стрижкой, с бинтами на руках. Это часто шокирует при первых посещениях. Но потом, когда волонтер видит, что эти дети с такой же радостью к тебе подбегают, как и здоровый бы ребенок себя вел, они так

же веселятся и смеются на посещении, когда там играют в игры или делают какие-то поделки, то этот страх отступает.

— **А вы видите свою полезность там?**

— Ну конечно. Мы ходим постоянно, регулярно, каждую неделю, и дети нас знают, и родители с нами здороваются в коридорах. Я недавно поднималась по лестнице с материалами в музыкальный класс, и мама с маленьким мальчиком, увидев меня, спросила: «А, сегодня будут поделки, а то мы ждали?».

— **Видно, как меняются волонтеры, походив месяц-два? Энтузиазм растет?**

— Все очень индивидуально. Кто-то начинает ходить регулярно, каждую неделю, стабильно весь год. Кто-то приходит реже, но старается предлагать какие-то новые идеи, то есть делать посильный вклад в работу группы. Но, конечно, есть и такие люди, которые приходят и понимают, что все-таки это не их группа, и переходят в другую. А кто-то и несколько групп подряд посещает! Но мне кажется, что каждый у нас находит что-то свое и каждый по-своему относится к посещению. У всех разные возможности по времени, по ресурсам в целом. Потому что у нас там и студенты есть, которые не очень могут в сессию ходить. Есть люди, у которых своя семья, дети, им тоже сложно выбрать время. Но все равно есть такая основа группы, костяк, это люди, посещающие больницу достаточно регулярно.

— **А меняется взгляд волонтера на ребенка — от жалости к какому-то более разумному чувству?**

— Да, и у человека, который ходит постоянно, это как-то быстрее происходит. Меняется отношение к детям от жалостливого и немножко позиции такой «сверху» до сочувствия и позиции «наравне».

— **Я заметила, вы часто произносите фразу «у всех волонтеров по-разному». А вы вообще кем работаете или на кого учитесь?**

— Я учусь на психолога и, наверное, в силу своей будущей специальности вижу, что все люди разные, и волонтеры, конечно, тоже. Начиная с того, с чем они пришли, почему и зачем. У всех же свое! У кого-то личный опыт, кто-то про нас прочитал, кого-то друг пригласил, а кто-то в новостях увидел про этот центр.

— **Сложно ли координатору придерживаться графика?**

— Несложно, я же и до того, как стать координатором, ходила волонтером почти каждое посещение. У меня и расписание так построено, что я всегда могу именно в это время. Волонтерам, конечно, не всегда бывает удобно ходить в пятницу и воскресенье, и обычно выбирают один день.

— **Ого, самое вечериночное время — вечер пятницы и воскресенья! До вас доходят только самые герои, мне кажется. А каких бы вы волонтеров к себе ждали в группу, и нужны ли вам вообще волонтеры?**

— Волонтеры всегда нужны. Потому что нет какого-то очень большого срока для волонтерства. Люди меняются, они ходят, как правило, год-два, а потом все-таки берут паузу какую-то. Возможно, на время, но тем не менее. Поэтому волонтеры всегда нужны. Какие-то новые лица, свежие идеи.

Кого бы я ждала?.. Наверное, человека, который, прежде всего, ответственно к этому подходит, к волонтерству вообще. Понимает, куда он идет и почему. Человека с желанием помочь, а не просто сходить ради любопытства. С желанием остаться на более длительный срок, чем на пару месяцев.

— **А вот «свежие идеи»: это важно — детей все время чем-то удивлять? Или просто прийти порисовать — это тоже работает?**

— И то, и то. Мы по пятницам играем в настольные игры, так у нас давно закрепилось. А вот в воскресенье мы проводим мастер-классы, и каждый раз это что-то новое. Если праздник, то мы в воскресенье показываем какой-то спектакль или представление. Но и настольные игры — это только повод для встречи. То есть дети могут попросить какую-то раскраску и заниматься чем-то таким спокойным во время разговора с волонтерами, можно что-то рассказать, нарисовать своего героя и обсудить его с волонтером. То есть пятница — это пространство для общения. А воскресенье — для творчества.

— **Вы теперь знаете всех героев вселенной Марвел?**

— Уже почти всех!

Колобок в новом прочтении

Ольга Абрашина — волонтер группы.

Три года назад в июне группа волонтеров-«даниловцев» пришла к своим подопечным в ФНКЦ со спектаклем «Колобок», посвященным Международному дню защиты детей.

Идея сценария принадлежала талантливому волонтеру Ане, она сумела создать спектакль, в котором дети-зрители были вовлечены в действие и могли управлять ходом сюжета!

Координатор группы Лера, которая в спектакле читала авторский текст, по ходу сюжета спрашивала детей, как дальше лучше поступить главному герою, Колобку, и дети выбирали из двух вариантов развития событий тот, который им казался лучше.

Вот Колобка (волонтера Маргариту) отправили в путешествие от дедушки (волонтера Егора) и бабушки (волонтера Жени) по тропинке в лес. В лесу Колобок встретил зайца (волонтера Аню), и они вместе с детьми

устроили флешмоб под зажигательную песню. С волонтером Артемом, игравшим волка, ребята соревновались в меткости бросания мяча. Потом пришла и моя очередь проявить актерские навыки. Пушистый грустный мишка пригорюнился, сидя на пенечке, но ребята вместе с Колобком научили его танцевать супер-танец, и мишка вмиг развеселился. И даже лисе (волонтеру Кате) не удалось съесть Колобка, вовремя подроспели Егор с Женей и спасли его!

Неповторимый красочный костюм Колобка нарисовала волонтер Алена при участии студентки-добровольца. Они же помогли детям разобраться с запутанным сюжетом. Все участники были рады приходу и поддержке бывшего координатора группы Александры Соломатиной. Саша мгновенно находит общий язык с детьми, вовлекая их в различные игры.

Арт-терапия в очередной раз совершила чудо, дети на два часа отвлеклись от больничных условий и вернулись в обычное детство, где легко смеяться, бегать и играть! Можно сказать, что у группы «даниловцев» в ФНКЦ День защиты детей проходит не раз в году, а дважды в неделю с сентября по июнь. В эти дни наши волонтеры помогают детям быть счастливыми вопреки болезни!

Через тернии к ниткам

Егор Петров — волонтер группы.

Одно из важных направлений в «Даниловцах» — больничное волонтерство. Дети находятся на лечении и обследовании и по два месяца, и по полгода. Им просто необходима передышка в больничных буднях. Для этого к ним и приходят волонтеры. И все они поначалу спрашивают себя: «А что мне с детьми делать?». Вот и наш волонтер Егор задавался этим вопросом, словил один раз натуральный

эпикфейл, а потом понял, что единого пути тут нет, и открыл свой.

«Меня зовут Егор. Мне 31 год. В движении «Даниловцы» и в группе волонтеров ФНКЦ я около года. Очень рад, что меня приняли, рад, что есть возможность быть полезным детям, поделиться с ними теплом, поиграть, вместе что-то создать.

Они для меня — обычные дети. И меня очень волнует тот факт, что им приходится долгое время находиться в больнице. В палатах... с капельницами... с постоянными процедурами... Хочется что-то сделать для них. Как-то их порадовать, привнести разнообразие в их жизнь. Но в первое же мое посещение возникли трудности. Да, не без этого... Рисунок, который мы делали с помощью аппликации с подопечным Никитой, в результате не получился. Ребенок был разочарован. Честно, я ругал себя за излишнюю самоуверенность, но меня поддерживали ребята волонтеры. Сказали, что такое случается, что мне не надо слишком сильно воспринимать этот момент. Спасибо им за это.

Этот опыт подтолкнул меня на действия. Я подумал, что перед посещением можно сделать что-то самому. Своими руками. Уверенности будет больше, и я смогу передать свои знания ребенку. Стал искать разную информацию в интернете, как и с помощью чего рисовать. Наш координатор предложила мне провести мастер-класс — порисовать нитками. Это было здорово! Вообще все! Процесс поиска материалов, подготовка, долгожданная встреча, волнения, объяснения деталей того, как делать, возня с красками и бумагой... В общем и целом, детям и их родителям понравилось. Рисунки получились необычные от того, что до последнего момента, как вытянул нить, не знаешь, что же получилось на бумаге. Это вызывало восторг. Детский смех — лучшая награда».

Один день в ФНКЦ

Екатерина Волкова — волонтер группы.

Теперь я умею делать гравюры. И знаю, во время игры в прятки, я с легкостью могу поместиться за шкафом, а маленькому Захару не составит никакого труда меня там найти. Ведь он очень внимательно наблюдает за каждым, играя с ребятами в прятки.

И это не все знания и умения, которые я приобрела в воскресенье. Каждый раз, приходя в игровую, я заряжаюсь невероятной энергией творчества и детского озорства. Здесь нет разговоров и мыслей о болезни, в эти два часа творчества существуют только фантазия, радость, вдохновение и сам творческий процесс, который помогает детям, родителям и нам вместе учиться новому и создавать совместные шедевры.

Порой они бывают смешные, безумные, удивительные. И от этого ещё теплее на душе. Поделки, которые ребята не забирают с собой, хранятся до следующего раза, и очень забавно слышать, как кто-то из ребят кричит «Не трогайте, это мои блины. Яблоки не мои, их можете брать». У нас уже целый пластилиновый пир собрался.

А ещё очень здорово было наблюдать, как одна из мам активно включилась в процесс создания гравюры, пока ее сын играл с ребятами в прятки. За время мастер-класса она нарисовала две восхитительные картины, одна из которых — прекрасная жар-птица.

Это пока только второе мое воскресенье в Центре Дмитрия Рогачева, но с каждым разом я все больше и больше влюбляюсь в возможность начинать свой воскресный день именно в такой невероятно дружной и позитивной компании. Спасибо, «Даниловцы», за прекрасную возможность!

Хэллоуин vs котики

Ольга Романова — волонтер группы.

Прошное воскресенье в ФНКЦ выдалось дико жарким. В маленькой-маленькой музыкальной комнатке находилось много — много детей, родителей и волонтеров... Они готовились... к Хэллоуину!

На центральном большом столе-острове заготавливались бумажные рыжие тыквы, черные ведьмочки, привидения, летучие мыши, зловещие улыбочки. В общем, все, что нужно, чтобы достойно провести тыквенную вечеринку.

Но не все так мрачно было в нашем королевстве: по соседству противники колдовства, страшилок и магии делали милых котиков, играли в новую игру на запоминание, складывали пазлы, собирали огромную машину из ЛЕГО-деталей.

А еще в этот день с нами приключилось вот что: неожиданный экзамен на прочность под кодовым названием «мокрый стул», спасательная операция «падающая доска», поздравление для Асель, творчество и игры на полу и девчачьи разговоры по душам.

Сменить игру «в начальника» на «жмурки»

Елена Карпова — волонтер группы.

В ФНКЦ им. Димы Рогачева время останавливается. Иногда мне кажется, что волонтеры ждут наших посещений больше, чем сами дети!

В нашем распоряжении два больших мешка с играми, два часа и чудесные ребята. Администрация больницы даже разрешила нам пользоваться кабинетом, кото-

рый по средам превращается в хранилище наших вещей, а по субботам — в мини-столовую, где мы пьем чай с печеньками и обсуждаем планы на будущее. Молитва перед входом в игровую комнату — неотъемлемая часть наших посещений (конечно, для тех, кто хочет). Сказать по правде, когда я пришла первый раз и увидела, как дети радуются уже хорошо знакомым волонтерам, пожалела, что не пришла раньше.

Каждую среду мы вместе с детьми выбираем новую игру — «Активити», «Крокодил», «Уно» — все, что душе угодно! Если энергия льется через край — придумываем что-то активное вроде жмурок. Некоторым волонтерам посчастливилось найти единомышленников — тех мальчишек, кто так же обожает аэрохоккей (за таким веселым делом два часа пролетают, как 10 минут, оглянуться не успеешь!). Мне кажется, для многих наши посещения — время, когда можно быть собой! Не играть роль начальника, учителя, студента, а просто играть в веселые игры, общаться с детьми, смеяться над шутками, вспомнить детство, находясь в теплой дружеской атмосфере. Как ни странно, в том месте сама жизнь ощущается более осознанно, чем в суете московского метро, в повседневной беготне.

Про себя могу сказать, что, когда я возвращаюсь домой, мне кажется, что я побывала в другом мире. Это помогает встряхнуться и начать ценить жизнь! Ведь делать что-то важное и полезное — очень просто! Для детей, которые находятся там по несколько месяцев, а то и год, приход людей извне иногда может быть нужным, как глоток свежего воздуха.

Одним словом, думаю, ребята помогают нам гораздо больше, чем мы им. Они — наглядный пример того, как нужно справляться с трудностями, и всем нам следовало бы поучиться у них этому.

Черно-белый мастер-класс

Ирина Карягина — волонтер группы.

Один раз в Париже у меня была страшная ситуация. Поезд от аэропорта до города остановили на какой-то станции. Двери не открывали, нам ничего не говорили. И мы лишь наблюдали из вагона, как полицейские выводят людей из здания станции, перекрывают входы лентой, достают оружие. Спустя несколько минут нас тоже вывели через кабину машиниста.

Что именно случилось на станции, я не знаю, но знаю, что случилось в моей душе. В тот момент я осознала, что хочу жить. Хочу жить так, как я хочу, делать то, что я хочу, и наслаждаться яркой и красочной жизнью. И что эти краски жизни я хочу нести туда, где их мало или нет вообще.

До этого я полгода ходила волонтером в детдом для детей-инвалидов, а тут решила прийти в Центр имени Димы Рогачёва, где дети лечатся от онкологии. Перед посещением я думала, что на душе будет паника, когда я увижу детей и подростков с капельницами, буду переживать за них и волноваться. Но сильного волнения не было, а было уважение и восхищение. Многие из детей были бодры духом, и у них был очень позитивный настрой. Я даже подумала, что иногда нам стоит поучиться такому настрою в повседневной жизни.

Но потом эмоции всё-таки пересилили моё умиротворение и спокойствие. Под конец наших занятий, когда мы с детьми рисовали и собирали машину, к нам подъехала девочка на коляске. Она вышивала бисером икону, и на глазах у неё были слезы. Она не плакала, глаза слезились в связи с заболеванием. Но через пару минут её слезы потекли по лицу, и мои глаза в тот момент тоже защипало. Я почувствовала силу той девочки, силу ее веры и надежды.

А затем... Этот Центр — он очень необычный. Он такой яркий, у него интересная территория — не похоже на больницу. И вот на выходе из Центра я восхищалась его цветными стенами, лампами разных цветов на всех этажах, и тут девочка из «Даниловцев» рассказала мне, что это за место... Вот после ее рассказа слезы и потекли.

Оказалось, что когда-то в другой больнице лечился мальчик с лейкозом, Дмитрий Рогачев. Когда эту клинику посещал Владимир Путин, Дима пригласил его на блины, подарил ему рисунок разноцветной больницы и поделился своей мечтой — чтобы все больницы выглядели так. Вот по его рисунку-проекту и был построен Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии, а назвали его в честь этого мальчика. К сожалению, Дима не увидел результата постройки, зато его идея изменила жизни многих людей.

Мечта и идея этого мальчика тронули меня. И когда я узнала, что у нас в наборе для мастер-классов есть акриловые краски, то сразу предложила другим волонтерам вместе с детьми и подростками в онкологическом центре раскрасить ими белые футболки — как чистый лист, как чистый холст. Белое и чёрное ведут борьбу в нашей жизни. Почти у каждого были такие полосы, но не стоит забывать, что иногда белый только с чёрным обретает свою красоту и силу, а чёрный может быть шикарным и запоминающимся. Эта идея понравилась координатору нашей группы, и мы скоро воплотим её в жизнь!

В гостях у маски

Анастасия Колесниченко — волонтер группы

Я — волонтер в ФНКЦ им. Димы Рогачева. Это — онкология и гематология. Если меня попросят представить лица

моих подопечных, я не смогу: их скрывают медицинские маски. Приходится их додумывать.

Самый шустрый из всех подопечных — четырнадцатилетний Миша. У него хитрые лисьи глаза и, должно быть, плутоватая улыбка. Он тащит меня за руку и кричит:

— Там Эля погибает под камнями!

Я бегу на сдавленный визг и смех. Под завалом мягких игровых фигур лежит маленькая Эля. Ей лет семь. На ней радужный костюм единорога. Она всегда щурится от смеха, и вокруг глаз собираются счастливые морщинки.

— Погибаю, я погибаю! — кричит она. Мне кажется, что у нее веселый и всегда улыбающийся рот.

Я раскидываю по сторонам громадные кубы и цилиндры.

— Воскресла, я воскресла! — кричит освобожденная Эля, вскакивает и убегает.

Вскоре Эля радостно сама спасает меня. Сначала хитрый Миша просит меня залезть в детский домик:

— Полезай, ну полезай! Я что, зря ждал?

Я помещаюсь в дом, и Миша заваливает меня стульями, игрушками, всем, что попадется под руку. Эля разгребает стулья и игрушки. Спасать меня ей помогает светленькая Яся. Она вытаскивает игрушки через окошко домика. Яся всегда смотрит застенчиво, говорит, что она «стесняшка» — и в целом соответствует своему имени из звуков мягких и распевных. У нее, наверное, «губки бантиком», потому что бровки — точно «домиком», как поется в песне.

Кроме шустрых, бегающих по игровой подопечных, есть и другие. Те спокойно сидят за столами с настольными играми. Среди них я вижу кудрявую десятилетнюю девочку, единственную, чье лицо мне не нужно додумывать. Девочка играет в «Имаджинариум» и смеется.

Это — Салидат. Она, как и все, носит медицинскую маску, но ее черты я знаю: нос горбинкой, пухлые губы и круглый подбородок.

Я ее видела на обложке последнего номера «Звездочки» — детского журнала ФНКЦ им. Димы Рогачева. В нем в рубрике «Герои с обложки» Салидат рассказывает, что любит рисовать и учится делать это правильно: ходит в кружок. Она любит фломастеры и краски, потому что рисунки получаются яркими. Мама говорит, что Салидат — мастерица, потому что она очень любит руками что-то мастерить. Салидат делает наряды для кукол и хочет стать модным дизайнером.

«Я могу делать наряды для кукол даже из кухонных салфеток, — говорит Салидат в своем интервью. — А недавно сделала из больничной маски...».

МОРОЗОВСКАЯ ДЕТСКАЯ ГОРОДСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА

О волонтерской группе:

Первая волонтерская группа Движения «Даниловцы» открыта в отделении офтальмологии в 2016 г.

В июне 2019 годы начала свою работу вторая волонтерская группа в отделении челюстно-лицевой хирургии.

Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Именно в больнице я чувствую, что мой день не прошел зря

Заяна Шаршикова — координатор группы в отделении офтальмологии.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Расскажи сначала про детей — кто лежит в этом отделении, что у них за проблемы.

— В отделении офтальмологии лежат дети разного возраста — от грудничков до подростков, даже до 18 лет бывает. Они там находятся в связи с операцией на глазах. Большинство лежат с какими-то травмами. Со слов детей, это они, обычно, как-то неудачно бегали, упали, ударились либо это собака или кошка виновата. Бывает, просто в процессе игры. А кому-то камнем прилетело.

Дети до семи лет лежат с родителями, после — по-разному. Находятся они в больнице недолго, как правило, неделю: им делают операцию, они день-два полежат, и потом их выписывают. В особо сложных случаях — две недели, месяц, но это редко.

— А детей сильно беспокоит, что у них операция на глаза?

— Я стараюсь об этом не говорить, но у некоторых детей по лицу видно, конечно, что ребенок боится. Наше время посещения совпадает с процедурами, и им либо делают укол, либо капают в глаза. И я так понимаю, что это лекарство очень жжется, и кто-то терпит, а кто-то плачет. И я не знаю, на самом деле, насколько дети это понимают, но всё очень сильно понимают родители. И вот они очень сильно переживают. Боятся потери зрения у ребенка.

Мы, разумеется, стараемся подбодрить их, но, на самом деле, мы не говорим о болезни очень подробно.

Мы просто здесь и сейчас. Но, конечно, когда человеку требуется сочувствие, мы его оказываем.

— **Какую пользу приносят там волонтеры?**

— Мы приходим, чтобы раскрасить их досуг, потому что, во-первых, там других волонтеров больше нет. Есть игровая, но там мало игрушек, и дети после процедур ничем не заняты. Они слоняются по коридорам, могут лежать в одной палате и не знать имена друг друга. Сейчас современные дети все в телефонах, и как-то им тяжело общаться. А вот благодаря нам они сходятся, находят общий язык, и я надеюсь, что и после нашего ухода дети общаются больше.

Им с нами очень весело, дети нам очень рады и всегда ждут, что мы останемся ночевать в их палате. Они думают, что мы в больнице живём и что завтра тоже придём. Они просят нас, чтобы мы приходили каждый день.

И родители нам очень рады, потому что тяжело лежать с ребенком — волноваться за него, постоянно быть в напряжении, в тревоге и говорить только об этом — не хватит никаких сил. И у нас мамы иногда сами очень сильно вовлекаются в процесс рисования и могут даже на время забыть, что здесь сидит их ребенок, и сами начинают рисовать. Это здорово снимает напряжение, мне кажется.

И наши волонтеры получают понимание того, что день прошел не зря, что ты кому-то помог. Они по лицам детей и родителей видят, что приносят пользу. А если ты не получаешь отдачи, ты в следующий раз не придешь.

— **У вас есть какие-то ограничения по занятиям?**

— Как правило, мы сидим за столами, у нас не активные игры, скорее, настольные. Мы рисуем, лепим из пластилина. Мы не бегаем, но у нас и места там нет, чтобы бегать.

— **Ты уже мастер по лепке?**

— Нет, я могу скатать какой-нибудь кругляшок, но обычно сижу рядом с ребенком и говорю, чтобы он все

делал сам. А я, мол, не умею! Потому что некоторые дети говорят: «Сделай мне, я не могу, у меня не получается». Я тоже говорю, что не могу и не умею, но могу помочь. Мне интересны подростки, я больше с ними время провожу. Уже научилась играть во множество настольных игр, в «Дженгу», например. Это такая башня, из которой нужно вынимать брусочки и класть сверху, очень хорошо она идёт, у нас их одно время даже две штуки было.

А вот есть у нас в группе волонтер Таня, мы её называем Бог Пластилина! Она очень круто лепит, особенно с маленькими детьми, может целую сказку сделать. Дети просто обожают с ней творить.

— Как проходят посещения, вы готовите каждый раз что-то новое?

— Таких вот грандиозных мастер-классов у нас не бывает. У нас всё как-то решается в процессе. Вот, допустим, сегодня решаем, что можно сделать динозавров из картона. Раскраски у нас очень популярны.

— А мужчины приходят в вашу группу?

— Да, у нас есть волонтер Марсель. Он, когда пришел, сказал, что ему нравится играть с детьми. И вокруг него сразу органично образовался круг мальчишек, с которыми он занимался. Потому что мальчишки так не играют с девочками, как они играют друг с дружкой.

— То есть мужское присутствие в группе необходимо?

— Да, мальчишки немного выходят из-под контроля в своих играх, а Марсель их как-то сдерживает.

— Каких бы ты еще хотела волонтеров в вашу группу?

— Я зову всех. Но я бы хотела, конечно, чтобы человек как-то созрел, что ли, для волонтерства. Чтобы он его рассматривал в долгосрочной перспективе, и это была не эмоция, а уже созревшее какое-то зерно в его душе. Я жду мотивированных людей, чтобы это было спокойное решение. Потому что у меня самой оно было именно такое.

— **А чем ты поддерживаешь в себе мотивацию?**

— У меня был такой период, когда закончился ресурс. Особенно зимой тяжело ходить, когда холодно, ты после работы идёшь и думаешь: «Лучше бы я домой». Но на самом деле именно когда я посещаю Морозовку, то чувствую, что день не прошёл зря, что я сегодня принесла пользу. Поиграла, получила удовольствие сама, и мы друг друга подзарядили с детьми.

А мотивацию я поддерживаю, во-первых, диалогом с другими координаторами. Смотрю на другие группы: как долго они ходят, какие у них чудесные мастер-классы, что они там придумали новое. Еще когда приходят новые волонтеры на энтузиазме, они меня зажигают. Смотрю фильмы, статьи читаю, они дают какие-то новые мысли. Вчера посмотрела советский фильм «Пацаны», про трудных подростков, и он очень-очень меня вдохновил. Мне так захотелось работать с трудными подростками, но я вряд ли смогу.

— **То есть глядя на своих волонтеров и других координаторов, ты видишь, что в мире много хорошего.**

— Да! Есть много людей, которые делают то же самое и даже больше, и я хочу быть с ними. Быть такой же.

Все волонтеры моей группы — новички!

Анна Козырева — координатор группы в отделении челюстно-лицевой хирургии.

Беседовала Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— **Группа у вас новая, расскажите — как она открылась.**

— «Даниловцам» предложили открыть еще одну волонтерскую группу в Морозовке. В отделении челюстно-лицевой хирургии лежит очень много детей, и им нужны волонтеры. А я была волонтером в РДКБ, потом

закончила Школу координаторов, и вот мне посоветовали взять на себя эту новую группу, новое направление. Я с радостью согласилась. Сейчас я, конечно, понимаю, что в координаторстве существует очень много нюансов и аспектов, о которых я не знала. Но это все решаемо!

— **Как проходят первые посещения вашей группы?**

— По-разному. В прошлый раз было два ребенка и четыре волонтера. Получилось слишком много внимания! Мне срочно пришлось придумывать что-то такое, чтобы всем было комфортно и удобно. Мы решили играть в настольную игру, чтобы все были задействованы.

— **А что там за дети в отделении? Какой возраст, с чем они попадают в больницу?**

— Дети самого разного возраста — и младенцы, и те, кому 14–15 лет. Лежат они примерно две недели. Ребята постарше чаще всего с какими-то травмами, а малыши лежат с врожденными нарушениями типа «заячьей губы». Ещё есть направление стоматологии: это дети, которым как-то неудачно вырвали зуб, и они теперь в Морозовке долечиваются.

Есть две категории детей: те, кто попал в больницу экстренно, и те, кто планово. Нам разрешают играть с плановыми.

— **Вы предупреждаете волонтеров о том, что они могут увидеть?**

— На собеседовании я обязательно это все проговариваю. Советую обязательно почитать информацию на сайте больницы, что их там ждет. Я предупреждаю, что в отделении они могут встретить детей с самой разной внешностью. Но они говорят: «Нет, это абсолютно не смущает, это вообще не проблема, мы идем помогать детям, и это — главное». И действительно, все волонтеры ведут себя нормально несмотря на то, что у ребенка может быть вся губа в зеленке или полголовы забинтовано.

— **Вы с ними занимаетесь тем же, чем и в РДКБ? Детям можно бегать?**

— Можно, у нас были активные игры. Я пытаюсь перенести что-то в свою группу из набора игр и мастер-классов РДКБ, но я не всегда заранее что-то планирую. Например, мы приходим, а детям — по 2–3 годика. Тут, конечно, импровизируем.

— **И что можно сделать с детьми 2–3 лет?**

— Рисовать, лепить из пластилина, раскрашивать. И все остаются довольны: и мы, и дети, и родители. Было такое посещение, когда мама оставила нам своего ребенка: «Да-да, пусть он с вами порисует, а я с вами в настольную игру поиграю». Так мы и разделились: одни волонтеры с мамами играли, другие — с детьми рисовали. И всем было хорошо.

— **А знания Школы координаторов помогают в работе?**

— Безусловно. Школа координаторов — это два месяца, в течение которых ты после работы идешь и думаешь: интересно, что сегодня будет?.. Мне Школа понравилась тем, что там была не только теория, но и интерактив. Мы учились с помощью командных игр, как формировать команду волонтеров, как их набирать, как управлять группой. И было много полезной теории про законы: как общаться с медучреждением, как правильно фотографировать. Было много интересных примеров и ситуаций, которые мы разбирали. Сейчас мне это очень помогает несмотря на то, что все волонтеры в моей группе — новички! Все боятся, стесняются, все растерянные, боятся к детям подойти. Нужно найти подход к каждому — успокоить, сказать, что все хорошо.

— **Вас это дело радует?**

— Да! Мне нравится помогать и подопечным, и волонтерам. И пока всё получается!

Цвет пластилина — черный

Екатерина Горохова — волонтер группы в отделении офтальмологии.

«Каждое наше посещение Морозовской детской больницы начинается для меня не со входа и даже не со встречи с детьми. Оно начинается со встречи с девчонками-волонтерами у выхода из метро «Добрынинская».

Мы все очень разные, и каждая по-своему интересна. Так здорово, что по пути в больницу у нас есть время обсудить, как дела и у кого какие новости. А на обратном пути из больницы мы можем зайти в кафе и, попивая горячий чай, обсудить встречу с детьми и поделиться эмоциями.

Недавно я поняла, что с каждого посещения детей я выхожу с совершенно разными чувствами: то это спокойствие... то — радость или тревога (ведь завтра у Лизы операция на глазу)...Или же умиротворение. Нежность. Теплота. А сегодня был просто восторг!

Мы пришли в игровую, всех собрали, сели за столы и стали творить — лепить и раскрашивать. И я заметила, как сидящий напротив меня мальчик собрал со всех коробок чёрный пластилин. Как интересно! Во мне ликовал мой внутренний волонтер: «Серьезно? Черный? Весь?!». Ведь у нас этого чёрного пластилина очень много, его даже «солить» можно. И вот, пока мы с маленьким разговорчивым Сережей лепили, и я слушала всю историю его жизни и болезни, тот самый любитель чёрного пластилина, десятилетний Максим, слепил героя комиксов «Марвел» — Венома! Вот это дааа! Выглядит он, конечно, устрашающе, но ведь не все в нашей жизни в розовых тонах... А с каким трепетом и любовью Максим творил!

Позже он рассказал мне, что мама ему запрещает смотреть такие мультики и фильмы. И Максим, пытаясь скопировать мамин голос, сказал: «Ведь это плохо влияет на детскую психику». Ох, мы, наверное, немного послушались его маму... Но он по памяти сотворил фигуру этого героя комиксов и, как настоящий художник, вылепил каждую деталь, каждую мелочь, а особенно — кубики на прессе! Надеюсь, маме Максима он тоже понравится!

Возвращение в волонтерство

Аля Богаутдинова — волонтер группы в отделении офтальмологии.

В первый раз я пришла волонтером в Морозовскую больницу более трех лет назад. За первым опытом в отделении последовал активный период волонтерства, который продолжался порядка двух лет, но по разным причинам постепенно моя активность в больнице стала снижаться.

Дистанционно я, конечно, продолжала следить за жизнью группы и совсем не хотела ее покидать, надеясь, что однажды снова вернусь. И надежды оправдались — после длительного перерыва я снова оказалась в отделении.

Я будто бы пришла в родное место! Путь к больнице, длинные запутанные коридоры (новым волонтерам долгое время приходится запоминать «маршруты»), знакомые лица медперсонала, наши мешочки и коробочки с аккуратно и бережно сложенными материалами, маленькое, но такое уютное пространство для занятий и игр, можно долго перечислять — каждая деталь отзывалась в сердце!

Но впереди предстояло самое главное — встреча с детьми и их родителями. Немножко волнующе, в мыслях

возникли те же вопросы, что и в дни самых первых посещений. Как найти подход к маленькому человеку и его родным? Как разнообразить их пребывание в больнице? О чем спросить? Что рассказать? Делаю осторожные шаги. Нащупываю почву. Потихоньку становится легче, адаптируюсь, и уже возникает ощущение, что и не было совсем этого длительного перерыва.

Всматриваешься и вслушиваешься в сидящего рядом маленького человечка и открываешь в нем красоту, чистоту, глубину, хочется дышать этим воздухом, напиться добрыми детскими взглядами и улыбками, интересоваться их жизнью, чувствами, переживаниями, вместе радоваться и переживать момент встречи. И снова возвращаться!

Раз пришли волонтеры, значит — будет интересно!

Заяна Шаршикова — координатор группы в отделении офтальмологии.

Среда. Вечер. Погода отличная, наконец-то потеплело, и настроение — супер!

Идём в больницу вдвоём: я и Марсель. В нашей группе Марсель — первый парень, до этого в Морозовскую больницу приходили волонтерить только девушки. Не знаю, почему. Просто такой факт.

А между тем я заметила, что дети в больнице очень тянутся к мужчинам, особенно мальчишки. Наверное, на каком-то интуитивном уровне. Интересно!

Итак, мы пришли в отделение. В игровой много детей и родителей. Они очень рады нам, ведь знают — если пришли волонтеры, значит, сейчас будет интересно и очень весело! Некоторые дети нас ждут целый день,

это очень приятно! И вот мы гордо достаём совсем новенькие упаковки пластилина (спасибо спонсорам!), доски для лепки, книги по лепке, краски, альбомы для рисования. Все в порядке, дети расселись за столы: кто-то играет в «настолки», кто-то рисует... Ого, а кто-то из родителей увлеченно лепит из пластилина! Это здорово. Я всегда радуюсь, когда у нас получается отвлечь родителей от больничных забот хотя бы на час.

Ещё на посещении мне нравится наблюдать за детьми — они все такие разные: и по возрасту, и по темпераменту. Общительные и замкнутые, весёлые и серьёзные, рассудительные и шаловливые. При этом к каждому нужен свой подход.

Вместе с тем я каждый раз удивляюсь такому факту: если придёшь на посещение не в духе (например, на работе что-то не так), — дети поднимут настроение на все 200 процентов, и уже через несколько минут ты улыбаешься и хохочешь беспечно и счастливо.

И так каждый раз.

Дети дают так много мне, волонтеру...

Татьяна Акашкина — волонтер группы в отделении офтальмологии.

О, сегодня среда — значит, вечер занят! И так каждую неделю. Но хорошо, если так, поскольку случайно мной замечено, что если поход в Морозовскую больницу я отменяю из-за каких-нибудь важных дел, эти важные дела совсем не идут... Это значит — в среду надо идти в Морозовку!

Дети, дети... общее в них только то, что они все такие разные: веселые и унылые, общительные и замкнутые, совсем маленькие и «взрослые» (порой так удивляют своей детской мудростью), смешные и серьезные. Да, еще —

дети все хорошие! Все-все, без исключения, хоть иногда они немного капризны, непослушны, шаловливы, но в то же время они такие честные: без прикрас, лукавства и лжи.

Еще не уяснила для себя — я хожу учить или учиться? Вроде как учу их рисовать или лепить, но и учусь много чему: улыбаться просто так, искренне смеяться, уметь донести до других самое простое и важное, делиться наболевшим с чужим человеком, не ждать благодарности за свою доброту, общаться просто и непринужденно, не боясь быть смешной и непонятой окружающими...

Они так много дают мне, волонтеру! Оценив уроки «маленьких учителей», удивляюсь малости и незначительности своего вклада, а порой лености и нежеланию уделять вечер детям. На посещении дети и родители всегда говорят нам «спасибо», в ответ я желаю им скорейшего выздоровления.

А еще в Морозовке такая классная группа волонтеров (и это я не о себе)! Все девочки такие добрые, милые, много знающие и путешествующие.

И если вдруг вам в среду вечером делать нечего — приходите к нам!

Безумно рада, что снова в строю!

Маргарита Кулик — волонтер группы в отделении офтальмологии.

Наша группа волонтеров вот уже как два года ходит в отделение офтальмологии в Морозовской больнице. Какое-то время я не могла ходить со своей группой, но знала, что обязательно вернусь. В основном благодаря Тане Сабрековой — нашему координатору (на тот момент) — и девочкам из нашей группы: мне хотелось вернуться и к детям, и к девочкам.

Наконец, как только начался новый учебный 2018 год, наша группа волонтеров возобновила посещения в больницу. В первый раз нас было всего три волонтера, а детей и их мам было очень много. Может быть, мне так показалось: последний раз я была ещё в старом здании Морозовки, а там мы располагались обычно в столовой, а это было помещение немаленькое. Сейчас же отделение офтальмологии находится в новом здании, и игровая, в которой проходят встречи с детьми, совсем небольшая. Но, судя по тому, что в это посещение не хватало стульев для всех желающих, детей было много.

У меня был большой перерыв, и поэтому шла я как в первый раз. Немного волновалась, но и радовалась. Думала, как я смогу наладить контакт с детьми? Что буду делать? Не растеряюсь ли? Но как только мы принесли в игровую наше добро (пластилин, фломастеры и так далее), то набежала куча детишек, и я растворилась в атмосфере детского смеха и общения. В этот раз мы с тремя девочками сели за раскраски, взяли кисточки и пару коробочек с красками.

Одна девочка была совсем малышка — кажется ей и трех лет нет, — но рисовала она с таким рвением, что можно позавидовать! И ещё две девочки, которые ярко разукрашивали мороженое по картинке. Я старалась помочь каждой из них, уделить внимание и сделать так, чтобы девочки не уходили в себя, а занимались интересным делом и параллельно общались. То у одной подкрашу, то у другой спрошу, какой цвет выбрать. А Аделина, та, что помладше, успевала и на картинку красок наляпать и сбегать посмотреть, что там гремит за соседним столом — это у ребят в очередной раз обвалилась башня — Дженга.

В итоге к концу посещения, девочки унесли мамам по две картинки, а Аделина, малышка, которая ещё

не разговаривает толком, помахала мне ручкой и послала воздушный поцелуй! И, конечно, получила в ответ от меня. Делаю вывод, что за час совместного творчества она мной прониклась. Ушла я с посещения с четким чувством воодушевления! Безумно рада, что снова в строю волонтеров!

Мама Данилы — моя первая подопечная

Анастасия Колесниченко — волонтер группы в отделении офтальмологии.

Н. выглядит лет на 30. У нее сонные глаза, мелкие черты лица, недлинные волосы — в неопределенном хвосте на макушке. Внешняя миниатюрность соответствует внутренней. Она отвечает коротко и при этом заикается, дробит слова на маленькие части. Правда, сына она зовет длинно — Данила, полным именем, но сама представляется коротким — Н.

— Данила, па-потом помоем руки, — говорит она маленькому сыну.

Мальчик вопросительно разглядывает свои пальцы, они от пластилина синие, как у смурфа.

— Данила, не волнуйся ты из-за синих рук, отмоешь, — говорю я своему подопечному, но больше — его маме, чтобы она оживилась и улыбнулась. — У меня бабушка, когда была маленькой, жила в деревне. Она доила корову, а потом бежала на танцы. А как? Руки-то коровой пахнут, не отмываются! Вот это, Данила, сложности. А пластилин-то смыть легко!

Н. смотрит ровно, тускло и не улыбается. Данила, мой подопечный, отщипывает кусочек пластилина. Кладет мне в ладонь. Снова отщипывает — и снова кладет. Берет большой зеленый кусок. Кладет целый. Потом опять

отщипывает кусочек... Его быстрые движения повторяются, кажутся медитативными. Ему явно нравится. За моей спиной волонтеры с детьми рисуют, делают животных из картона, играют в «Дженгу» — и крик, бег, говор, шум сливаются и стушевываются. Я упираюсь мыслями в Н. Потому что помощь нужна беспомощному.

Я леплю цветок, говорю Н. о календарной весне, о пластилиновой весне, которую прямо сейчас можно слепить. Она молча смотрит на разноцветные кусочки пластилина. Кладу свой цветок, белую лилию, рядом с ней. Я почти отчаиваюсь. Думаю, может, лепка станет для Н. успокоительной. Спрашиваю:

— Вы не хотите полепить?

— Нет, вы что... Я пр-просто целый день сижу с Данилой и немного устала. Это хорошо, что он увлекся, — говорит Н. И наконец-то улыбается.

Да, она просто целый день сидит с маленьким Данилой в палате, она хочет спать, и она так рада, что мальчик занят перекладыванием пластилина из коробочек в мою ладонь. Н. улыбается. И я вдруг осознаю: я не сыну помогаю развлечься, а матери — отдохнуть. То есть Н. — моя первая подопечная.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ДЕТСКИЙ ДОСУГОВЫЙ ЦЕНТР «САВА»

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2017 г. Волонтеры посещают в Центре детей беженцев и мигрантов, а также детей с особенностями развития. Волонтеры играют с подопечными в игры, занимаются творчеством, общаются.

Основная роль человека в «СаВе» — играть!

Елена Куликова — координатор группы волонтеров Движения «Даниловцы» в Интеграционном центре «СаВа»

Название детского центра «СаВа» произошло от известного французского словосочетания. Переводите, как хотите, — и «как дела», и «хорошо», и «ясно-ясно». Вот и дети в этом центре могут быть любые — с ДЦП, с аутизмом, без прописки в Москве или вообще с документами далекой страны. Все, кто пока не вписывается в общеобразовательную систему Москвы. Но вполне уживаются вместе.

«СаВа» была задумана Екатериной Кокориной из Фонда «Мозаика счастья» как альтернатива муниципальным детским садикам. А выросла идея из опыта работы Фонда с детьми беженцев и мигрантов. Их же очень трудно устроить в школу или детский сад. А как им входить в новое социокультурное пространство? Конечно, в школу такие дети все равно пойдут, но они должны быть к ней готовы: научиться говорить по-русски, иметь какой-то воспитательный, культурологический набор. А где его взять?..

Эти функции и взяла на себя «СаВа». Со временем центр стал принимать как детей беженцев и мигрантов, так и детей с особенностями развития, которые не могут удерживаться в группах обычного детского сада, даже инклюзивного.

На воспитателях лежит очень большая нагрузка, — говорит Елена. — И если в группе 25 детей, и из них — три человека с особенностями развития, то именно они очень часто получают эмоциональные травмы, не вписываются в группу и опять оказываются дома. Но даже если дома — замечательные родители и ребенок ходит на какие-то дополнительные занятия с логопедом, с психологом, где ему общаться с другими детьми? Причем, разными?..

Центр работает три дня в неделю. Посещают его одновременно 6—9 детей. Больше нельзя. И вместе с педагогами там обязательно находятся волонтеры.

Без волонтеров такой проект нежизнеспособен, — уверена Елена. — С самого начала у нас были дети, которые практически не владели русским языком. Есть дети, которые не могут сами передвигаться. И чтобы уделять внимание каждому ребенку, нам нужны волонтеры, которые станут для ребенка «опорным взрослым»: тем человеком в коллективе, которого выбирает сам ребенок. Именно через него происходит мягкое вхождение малыша в группу. То есть сначала — взрослый, потом — другие дети. Так происходит, если у ребенка нарушены коммуникационные способности: он «не такой, как все» или плохо знает язык...

Но вообще, основная роль волонтера — играть, поскольку дети в «CaVe» охотнее играют со взрослыми, чем друг с другом.

Мы волонтерам говорим: «Включайтесь в те игры, в которые вы сами хотите поиграть, чтобы это не было насилием над собой», — поясняет Елена. — Если волонтер заинтересован, и ему самому нравится, создается такой фон, в котором хорошо и ребенку. И когда ребенок понимает, что в игре можно сохранять безопасность, у него расширяются горизонты, и он замечает своих сверстников...

Оказывается, дети и в Конго, и в Афганистане, и в России играют практически в одни игры: в доктора, кухню, магазин. И кубики, разумеется. Но каждый раз взрослые придумывают им что-то новенькое и особенное. Иногда приезжает каратист Илья Комаров — он учит детей крутить нунчаки (мягкие, конечно) и деревянные палки тофу. Это такая физкультура. А еще есть художница Мария Первушина. Дети с ней то мечи делают, то колпачки для гномов валяют из красной шерсти.

...А потом приходит время собирать плоды. И вот девочка из Конго спустя год занятий бодро болтает по-русски: это значит, что в школе она уже не пропадет. А маленький мальчик Саша раньше не смотрел в глаза и не мог находиться в одной комнате с другими детьми дольше нескольких минут. Сейчас он спокойно со всеми общается, и это для него — огромный прогресс. Иногда у него случается эмоциональный перегруз, тогда ему надо посидеть одному или за руку с волонтером спокойно погулять пару минут. И раз рядом всегда есть волонтер — Саша тоже не пропадет!

Чай пили, чаегуань не побили!

Елена Куликова — координатор группы.

В нашей группе сложилась очень хорошая команда волонтеров и специалистов. Сегодня хочется рассказать об Илье Комарове. Многие его знают как Илью-Панду. Он замечательный, отзывчивый человек, тренер по кобудо, неутомимый волонтер нашего движения, который проводил свои занятия уже во многих группах.

Илья входит и в нашу волонтерскую группу. У нас он проводит занятия с детьми по физической подготовке. Но на этом его таланты не заканчиваются. Уже несколько раз Илья сам проводил для наших ребят чайную церемонию. А у нас в центре сейчас как раз период Древнего Китая. Мы с ребятами погружаемся в эпоху китайской культуры, читаем сказки, разыгрываем спектакли, на творческих мастер-классах изготавливаем бумагу, головные уборы, драконов и тому подобные атрибуты этой эпохи. Вот и в понедельник с нами был Илья Комаров со своим сыном Володей и чайной церемонией.

Все было организовано по всем правилам. Ребята расположились на полу вокруг столика для чайной

церемонии — чабань. На столике стали появляться многочисленные принадлежности: чаегуань — банка для хранения чая; чахэ, куда кладется чайный лист, и это позволяет рассмотреть сухой лист и оценить его аромат; гайвань — чашка с крышкой, где происходит заваривание чая; чахай (гундаобей) — чаша справедливости, используемая для перемешивания чайного настоя и разливания по чашечкам. Еще были разные инструменты, всего и не упомнишь. Илья познакомил ребят не только с предметами чайной церемонии, рассказал о них, но и дал возможность ребятам попробовать манипуляции с этими предметами. А это настоящая, бьющаяся посуда. Ребята слушали повествование Ильи как сказку, бережно обращались с предметами, а для наших детей это не так уж и просто, и не только в силу возраста, но и их некоторых особенностей.

Все дегустировали чай «те гуаньинь». Илья показывал картинки, рассказал про историю данного чая, как его собирают, приготавливают. Все это длилось примерно час, точного времени никто не засекал, оно прошло незаметно для всех участников.

Фотографии сделаны еще одним нашим волонтером, которого тоже знают во многих группах нашего Движения — Антоном Сынковым. Он пришел к нам, когда волонтеров мы уже и не набирали. Зашел просто так, познакомиться. Антону удалось так органично войти в нашу группу, что его просто «зайти» оказалось «задержаться основательно». Илья и Антон, спасибо вам огромное!

Были водорослями, парили, как ветер...

Александр Смирнов — волонтер группы.

Около года назад я принял участие в волонтерском проекте в мультикультурном детском досуговом центре

«СаВа». Сначала я просто помогал специалистам — тем, кто знает, как правильно нужно себя вести, что делать в той или иной ситуации.

За этот не очень большой промежуток времени я узнал и открыл для себя много важных и полезных вещей. Мне очень приятно находиться в этом коллективе: общаться и играть с детьми, которые почти всегда открыты всему новому, смотреть на работу других волонтеров, замечать теплое и наставническое отношение специалистов к детям. Я этим часто даже вдохновляюсь. Во всей этой деятельности чувствуется направленность и движение вперед. Эти люди всегда помогут ребенку, примут участие в различных играх, регулярно организуют различные мастерские: музыка, рисование, чайные церемонии, танцы, лепка. На мой взгляд, это очень здорово и важно. Дети чувствуют себя там нужными, они по-новому раскрываются, ведь они чувствуют заинтересованность, теплое и отзывчивое отношение взрослых!

Недавно я и сам провел небольшое занятие по танцам, а именно по технике контемпорари. Вообще, это занятие было больше в игровой форме и предусматривало, в основном, импровизацию: мы были водорослями на дне океана, лазали по лианам в джунглях, порхали, как бабочки, были пауками, и парили, как ветер. В этом занятии очень важно быть погруженным в эту атмосферу, открыться и плыть по течению, поэтому ведущему нужно постоянно говорить, добавлять новые оттенки в движение и речь, комментировать процесс.

Практически все дети начали смело импровизировать, пробовать разные образы, двигаться в разных направлениях и разных характерах, у каждого было что-то свое особенное, кто-то был больше погружен в себя, кто-то, наоборот, искал вдохновение в окружающем мире. Это было удивительно, как творчески дети отнеслись к этому

процессу, каждый добавлял что-то свое. Им очень понравилась музыка и некоторые движения, к нам также подключились взрослые, которые тоже прекрасно двигались и танцевали. Я очень рад, что мне предоставили такую возможность, спасибо!

«СаВа» — это вам не Мистер Ху!

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку», волонтер.

...Если от метро «Китай-город» пойти в горку по улице Забелина, а у церкви князя Владимира взять левой, то по Старосадскому переулку можно дойти до евангелическо-лютеранского кафедрального собора святых Петра и Павла, который предоставляет помещение для центра «СаВа». Вот круглая клумба во двореке, вот мощные двери, а за ними — гулкая пустота.

Нужная нам дверь слева, на ней висят два ярко-жёлтых плюшевых солнца и табличка «ЗАКРЫТО». Но нет, тут как раз открыто — открыт мультикультурный интеграционный детский досуговый центр «СаВа». Этому проекту уже два года, он про широкую инклюзию, вроде маленькой идеальной модели большого мира. Тут и обычные дети из московских семей, и дети с разными трудностями — от физиологических до языковых, и психолог, который помогает им справляться и уживаться друг с другом, и волонтеры, которые помогают специалистам и детям — все вместе.

Какой разительный контраст с холодной тишиной собора! В маленькой комнатке всего так много — детей и взрослых, звуков и движения, тепла и света! Меня встречает психолог «СаВы» и координатор группы Лена Куликова.

Ольга, мама Кирилла: «Сегодня привела сына сюда впервые. Ему скоро шесть, он ходил в обычный государ-

ственный сад. Дисциплина там была строгой, но у воспитателей были любимчики и нелюбимчики. Сын увидел, что бывает вот так — а теперь я хочу ему показать, как бывает иначе».

Коля, волонтер: «У меня совершенно не было опыта общения с детьми — своих пока нет, а в семье я один. Пришёл сюда учиться с ними общаться. Мне интересно, как, не мешая им, можно мягко с ними контактировать».

В комнате, кроме игрушек и разного игрового оборудования, стоит... палатка. Каждый ребенок в «СаВе» может сказать: «Мне слишком много всего!» — и спрятаться в палатку, и посидеть там отдельно от всех, прийти в себя. Но сейчас Лена палатку складывает: пришла волонтер Мария Первушина, и детей ждёт мастер-класс. Три низких столика, за которыми до этого перекусывали долька-ми яблок, морковки и сушками и вели светские беседы о том, у кого на что аллергия, теперь покрыты рабочей скатертью. Мария достаёт яркие куски шерсти. Занятие продолжает тему Скандинавии — на предыдущих занятиях дети мастерили картонные мечи и щиты, как у викингов, а сегодня педагог показывает с помощью бумажных фигурок на палочках мини-сказку о боге Торе и маленьком гноме, который хозяйничал в его конюшне, а волонтер Коля читает с телефона текст сказки.

Все дети смотрят увлечённо — все, кроме Павла и Брэдли. Брэдли будет шесть в марте, он из Конго, они с мамой в замысловато намотанном тюрбане только что пришли, и он не хочет, ворвавшись с корабля на бал, вальть колпачок гнома, он хочет играть. А Павел просто ничего не хочет — ни фартук надевать, ни на стуле сидеть. «Я этого не выдержу, не выдержу!», — всё повторяет он. Брэдли сердится на него, толкает: «Ты мне мешаешь!». Но психолог Лена сказала два слова одному, взяла на ручки другого — и вот уже и шерсть рвётся и складывается,

и на неё накладывается сеточка, и всё это дело мочится и трётся мылом, ещё трётся, ещё... Чемпионы по выдержке — Кирилл и Амина. Саша очень старался, но уже устал и ускакал по своим бабки-ёжиным делам. Павел и Брэдли тоже делали, а потом просочились обратно в игровое пространство. Лена этому не препятствовала — ведь каждый ребёнок постарался выполнить поставленную задачу в меру своих сил.

До прогулки ещё есть время поиграть, и Лена вовлекает всех в круг. Сначала перекидывают мячик, напоминая друг другу свои имена. Потом такая игра — один показывает, а все повторяют. Каждый из детей хочет показать что-то своё, как-то выделиться! Волонтёры наверняка тоже очень хотят, но скромничают. Лена смеётся и на разный манер повторяет:

«У Авдотьи, у старушки
жили в маленькой избушке
пять дочерей, пять сыновей.
Все без бровей!
Они не пили и не ели,
И на Брэдли всё глядели,
Разом делали, как Брэдли!»

Брэдли показывает какой-то супер-прыжок со вскидыванием ног, а потом рук, и все стремятся повторить, и это так смешно и задорно!

Досуговый центр хоть и маленький, а всё по расписанию: сейчас все идут в туалет — и на прогулку! Волонтёры помогают детям одеваться. Напяливаются носки, шапки, флисовые кофтули, комбинезоны и варежки, дети вооружаются снежколепами и лопатками.

Лена Куликова: «Обычно я здесь с Катей (Екатерина Кокорина, руководитель СаВа), но сейчас она болеет... Хорошо, что пришли Коля и Маша. Они уйдут — но на прогулке будет другой волонтёр, Мария. Волонтёры

помогают очень! Замечательно, когда у каждого сложного ребёнка свой опорный взрослый».

Лена Куликова: «Основная роль волонтера — играть. Наши дети нечасто устанавливают друг с другом пару для игры, а вот со взрослым им безопаснее.

Одевшись, мы стайкой идём на детскую площадку. Брэдли в сугробе смотрится весьма необычно! Мария что-то объясняет детям про снежки и снежколепы. Я вижу её не впервые — она волонтерила в Морозовской больнице, а на новогоднем представлении виртуозно играла на блок-флейте... Маленький Саша настойчиво «прогонял» меня из игровой — мол, оделась, уходишь, всё, пока-пока. А теперь, когда мне действительно пришла пора уходить, крутит головой, руки не подаёт — не прощается...

И откуда название такое, «СаВа»? Это и от французского *ça va*: для некоторых здешних деток французский — второй язык. А ещё в советском мультике «Вини-Пух и день забот» над входом в жилище Совы висела табличка САВА. И Саша про плюшевую икеевскую сову, которую держит в руках, точно знает, что это да, именно что САВА, а никакой не филин Мистер Ху!

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ИМ. Г.Е. СУХАРЕВОЙ

О волонтерской группе:

Волонтерская группа открыта в 2009 г.

Сейчас Центр посещают 2 волонтерские группы «Даниловцев»: в 3-м женском отделении и в 14-м смешанном отделении. Волонтеры играют с подопечными в настольные игры, занимаются творчеством, общаются.

Старое название учреждения: 6-я детская психиатрическая больница.

Собрать группу друзей — основная задача координатора

Александра Желтова — координатор группы в 3-м отделении.

Я — координатор волонтерской группы детской психиатрической больницы № 6, а если точнее — Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой. Наша группа существует с 2009 года. Дважды в неделю мы навещаем детей, которые проходят там курс лечения.

Для начала надо бы прояснить: почему люди приходят волонтерами в психиатрическую больницу? Раньше я, как и большинство наших сограждан, отстранялась от этой деятельности, наверное, потому что представляла себе психиатрическую больницу по фильмам ужасов. Я думала по этому поводу примерно так: пациенты ничего не осознают, их можно сравнить с «пускающими слюни зомби». Психически больные дети — жестоки и опасны. Все психиатрические больницы похожи на тюрьмы. Персонал — злые люди в белых халатах. Пациентам строго запрещено контактировать с внешним миром.

Но, к счастью, в реальности оказалось иначе. Пациенты больницы — это обычные дети, обделённые вниманием. Дружелюбие, открытость и готовность к общению — их главные качества. Детская психиатрическая больница — обычная больница с рисунками на стенах и множеством книг. Воспитатели очень похожи на детских садовских. В больнице много волонтеров, которые ведут различные кружки по интересам, мастер-классы.

Дети в больнице

Первое посещение больницы вызвало во мне разные эмоции, но главная из них — удивление, сразу разрушившее стереотипы. Я готовилась к неприятностям, а тут: да, проблемные, да, в основном из неблагополучных семей, да, понятно, что больные, но всё же — обычные дети.

Для нас они разделены на две возрастные категории: от 7 до 12 лет и от 12 до 18. Среди младших больше детей с диагнозами. Они нуждаются в серьёзном лечении, их лечат, но в первую очередь они нуждаются в любви, и это видно сразу невооружённым взглядом. Главное слово в их лексиконе — «мама», они согреваются этим словом и, когда мы приходим, делятся с нами накопленным теплом. Это очень мощное впечатление.

У старших ситуация, в принципе, схожая, но среди них гораздо больше уже практически здоровых детей, попавших на больничную койку, как правило, вследствие семейных передраг, проблем с папой, с мамой (в основном, с мамой!) и попытавшихся привлечь к себе внимание каким-то неординарным поступком, а то и попыткой суицида.

При всём при этом многие наши подопечные — натуры одарённые, развитые, умные и творческие. Недавно восьмилетняя девочка, узнав, что среди волонтёров есть человек, знающий финский язык, вдруг к моему изумлению легко и непринуждённо пообщалась с ним по-фински.

Дети бегут навстречу с раскрытыми объятиями, буквально прыгают на шею, прижимаются и не хотят расставаться. Их доверие настолько переполняет мою душу, что я с радостью готова отдать и своё время, и то, чего они жаждут: внимание, понимание, участие. Иногда ничего и придумывать не надо, никаких специальных занятий, просто посидеть с ними, поговорить, расспросить, похвалить, дать им почувствовать искренний интерес к их

заботам и делам. Кстати, ещё вопрос, кто от такого общения получает больше — наши подопечные или мы сами. Часто при расставаниях я испытываю неловкость от того, что ничего толком не успела сделать, хотя сама себя чувствую разбогатевшей.

Помещения больницы (я могу говорить только о «шестёрке»), конечно же, ничем не напоминают тёмные и грязноватые киношные страшилки. Напротив, здесь много света и цвета от многочисленных детских рисунков и рукоделий, размещённых по стенам. Коллектив нянечек и воспитателей в большинстве своём, — замечательные профессионалы и добрые люди. Их мало, а пациентов много, дел невпроворот, наверное, есть нюансы, и каждого ребёнка приласкать-приголубить не всегда удаётся, но и резкого жёсткого слова я не слышала ни разу. Терпимые, дружелюбно настроенные, понимающие специфику поведения своих воспитанников — такие вот труженицы. Положительную оценку работе воспитателей выставляют сами дети, бегущие к ним за решением любого вопроса.

Ну и не знаю наверняка, как было раньше, но сейчас ни о какой закрытости, ни о каком ограничении свободы помимо непосредственно связанного с медицинским режимом не может идти и речи. Были бы желающие пообщаться-повозиться с детьми. Волонтёрам здесь рады. Постоянно работают разные кружки, проводятся мастер-классы.

Но, конечно, ни в какой больнице не может быть «ох, как хорошо!». Детям особенно. Я обозначаю лишь какие-то плюсики, помогающие хоть немного развеять повседневную грусть больничной жизни. Но хорошо, что этих плюсиков становится больше. Происходят улучшения и в волонтёрской жизни. Вот недавно в больнице появилась «палочка-выручалочка» по имени Наташа — официальный куратор нашей деятельности. Она непосредственно на месте занимается организацией и оптимизацией

деятельности волонтеров. Например, объявили карантин. Это, конечно, плохо, но то, что я узнала об этом заранее от Наташи, не потеряла время в бесполезной поездке, не оказалась перед закрытой дверью, это — впервые, и очень приятно.

Волонтеры нашей группы

Волонтерами становятся по разным причинам. У меня в команде есть девушка, которая имеет профессиональный интерес — она учится на психолога. Другой нашей соратнице, маме которой диагностировали психическое заболевание, необходимо набраться опыта по уходу и общению. Еще я искренне восхищаюсь другими волонтерами, двумя подружками, самоотверженными и совсем молоденькими, но их мотивацию до сих пор не могу понять. Видимо, зов сердца, что называется. Большинство же наших волонтеров знает о психиатрии не понаслышке: или они сами прошли больничный путь, или их близкие. Понимая, каково это, люди просто не могут оставаться в стороне.

В общем, группа наша особенная, разновозрастная, разношерстная, но очень оптимистичная. И трогательная — такую я для себя выделила главную черту. Особенность же в том, что мы — девочки, как, впрочем, и все наши подопечные. Эта общность в какой-то мере облегчает жизнь. Наши затеи проверяются просто: а было бы нам самим интересно то-то и то-то. Вспоминаю, как перед Новым Годом мы предложили всем сделать маникюр. Салон красоты в больничной палате! Забавно, что и воспитатели неожиданно присоединились и увлеченно стали делиться идеями и опытом, а потом и заспорили о вкусах с маленькими модницами. Восторг! Мы все вдруг подравнялись в статусе — девицы, красящие ногти. Нам даже разрешили дождаться детей с ужина, который они проглотили,

показалось, не заметив, очень уж не терпелось им продолжить прекрасный сеанс. Такое не забывается. Такое окрыляет. Волонтёры парили! Правда, в следующий раз надо будет придумать, как нейтрализовать сногшибательный аромат ацетона, заполнивший тогда всё отделение.

Отношения внутри группы

Для пользы дела очень важны доверительные отношения координатора с каждым членом маленького волонтёрского коллектива. Хорошо представляя себе настроение, возможности и желания человека в конкретный день, можно правильное спланировать посещение. Может быть, поставить перед коллегой какие-то новые задачи или, наоборот, упростить ему работу на этот раз. Со временем я поняла, что роль координатора проста: организуй, принеси, подай и, как в шутку говорят, выйди вон. И чем лучше я знаю, кто чем и как «дышит», тем легче мне эту роль играть. Чем ближе координатор к людям, с которыми приходит в больницу, тем комфортнее себя все чувствуют, и дело процветает.

В этом плане очень помогает неформальное общение, желательно, дружеское. Конечно, сложно выбрать время ещё и для посиделок. У всех заботы, работы, домашние дела и прочее, почти все съезжаются издалека и тратят на дорогу уйму времени, но периодически нам удаётся пообщаться вне больничных стен, и это всегда здорово. В общем, считай, сколько раз мы после занятий вместе попили кофе, столько же родилось и классных идей. Казалось бы, мелочь — посидели, поболтали, но именно такие мелочи делают группу. Если волонтёры сплочиваются в дружескую компанию, успех всех начинаний обеспечен. Я в этом теперь уверена.

Придумали мы в один крещенский вечерок погадать по-старинному. Старшим эта затея особенно пришлась

по душе. Как же хорошо мы все в тот раз поговорили! Забыли про гадания, делились друг с другом планами, рассуждали о жизни, о работе, о мечтах, о любви, конечно. У подопечных горели глаза, нам и самим было безумно интересно. Подобное возможно только в компании хороших и добрых знакомых. Собрать такую — может быть, главная задача координатора.

Мне в начале деятельности на этом посту, как ни странно, помог карантин, который тогда длился долго, месяца полтора-два. Группа уже существовала, но каждый был в ней сам по себе. Хорошо, что за время вынужденного простоя удалось несколько раз собрать всех вместе. Мы познакомились, пообщались, что-то наметили. В общем, стартанули.

Кадровая текучка в группе существует, это естественно. Кто-то покидает нас по разным причинам, и от усталости тоже. Что ни говори, дело сложное, морально затратное. К счастью, ряды волонтеров и пополняются. Это очень радует, и милости просим. Дети ждут очень. Они уже приняли нас в свою жизнь.

Я вывела формулу, по моим ощущениям, верную:

«Мы получаем гораздо больше, чем отдаём!

Те волонтеры, которым удаётся это прочувствовать, остаются в группе надолго».

Волонтеры в детской психиатрической больнице

Марина Модестова — координатор группы в 2017 г.

Беседовал Юрий Белановский — руководитель
ДД «Даниловцы».

— **Кто такой волонтер? Какие люди к вам приходят?**

— Волонтер — это человек с потребностью что-то отдавать и чем-то делиться. Через меня как координатора прошло много самых разных людей. И несмотря на то,

что не всегда была возможность узнать историю человека, всегда было видно, что потребность делиться у него есть. Нередко это были люди или потерявшие кого-то, или «потерявшиеся» сами. Но это все были люди с ожиданиями и желаниями.

Одна девушка, как мне кажется, потеряла ребенка. Она была очень включенной, осознанной, мало что могло ей помешать прийти к нам. И вот через какое-то время она забеременела, недавно родила дочку. Мы до сих пор поддерживаем с ней отношения, и она как-то написала мне, что благодарна судьбе за то, что однажды пришла к нам в группу. А я очень благодарна ей за ее устойчивость, невозмутимость, зрелость, интерес и ответственность. Для меня она стала, в каком-то смысле, символом зрелости нашей группы.

Бывает, в группу приходят студенты, специальность которых тесно связана с деятельностью нашей группы. Для них волонтерство — это встреча с практикой. Им нужна какая-то опора в этом деле, помощь и поддержка, когда они растеряны. Мне это было хорошо видно. Именно волонтерский опыт помогал им осознать себя в выбранном деле: с одной стороны, как они на практике воспримут то, что им дают сугубо в теории. С другой — как в живом контакте с ребёнком оставаться обычным человеком, не прячась за профессиональной маской.

Часто в волонтерство приходят одинокие люди, у кого просто никого нет. Это женщины, у которых нет семьи, детей, но есть работа, свободное время, и есть вопрос, что с этим временем делать. Но мне кажется, почему-то, такие надолго не задерживаются. Могу только догадываться, почему... Когда ты становишься волонтером, многое начинаешь чувствовать острее, не только касающееся кого-то, а именно самого себя, в частности, своё одиночество. И приходят ответы на давнишние вопро-

сы, и новые вопросы возникают: «Кто я? Зачем?». И это может быть больно. Оживать, размораживаться обычно больно, даже невыносимо, и проще вернуться в привычное, туда, где как будто все понятно, где нет вопросов.

— **Насколько важно общение с самими волонтерами?**

— Мы всегда с волонтерами много разговаривали после посещения больницы. Хвалили друг друга, разбирали ошибки, обсуждали, какие моменты были сложными, что понравилось, какие чувства были, образы, важно было назвать все своими именами, внести ясность. В особенности разговаривать надо было с новичками, у которых первые посещения почти всегда вызывают больше всего чувств. Мы старались проводить такую психологическую работу, чтобы помочь им справиться с волнением и тревогой, иногда гневом (естественная реакция на некоторые правила больницы или чью-то историю).

Когда прикасаешься к «психике без защиты», пробуждаются глубинные бессознательные процессы. В таком «поле» здоровая психика подвергается испытаниям. Это рождает большую тревогу и чувство страха. И важно было говорить об этом с нашими волонтерами: «Возможно, тебе было страшно, ты переживала ужас, когда наблюдала что-то в отделении». Обычно, это было попадание в точку, и человек выдыхал, начинал нормально дышать, возвращался в свое нормальное состояние. С опытом приходит устойчивость и способность выдерживать, а не резонировать эмоции наших подопечных. При этом человек остается включённым в происходящее, он в контакте с окружающими и с собой. Если же задуматься над тем, кто задерживался дольше всего, то какой-то связи с изначальными целями и причинами я не вижу.

— **А что самое важное для волонтера?**

— Самое важное для волонтера — это уметь получать удовольствие от того, что он делает. Человек, способный

не только отдавать, но и получать что-то от этого процесса, как правило, остается волонтерить надолго.

— Что волонтеры могут делать в строгих условиях детской больницы?

— Во всех больницах отношение к пациентам, скорее, объектное. Тебя лечат, а все остальное, жизнь пациента, остается снаружи, за решетками. Больница для детей — это стены, ограничения, правила, на которые мы, волонтеры, не можем повлиять. Нам помогало то, что мы задавали себе вопрос: что мы можем делать, находясь в тех же рамках и ограничениях. И в ответ включался творческий процесс.

Например, если нельзя использовать ножницы, значит, будем бумагу рвать руками. Если я почему-то не могу сегодня провести мастер-класс и не знаю, чем могу быть полезна, то я могу посидеть и поговорить с девочкой, которая не хочет сегодня участвовать ни в каких активностях, а хочет просто, чтобы ее послушали.

Оказалось, что для детей ценно все, что ты делаешь. Очень важен человеческий контакт. И когда этот контакт есть, ты разговариваешь с детьми, ты слушаешь и слышишь, то для них пропадают все эти ограничения и решетки на окнах. Они получают такой кусочек жизни, где они есть и значимы, и кому-то интересны их желания, мечты и переживания. В самой-то больнице этого почти нет, ты — пациент, остальное на втором плане.

— А если говорить о самих волонтерах в этом процессе, об их отношениях с подопечными?

— Интересно то, что каждый из волонтеров по-своему возвращался в подростковое состояние. Они вспоминали свой опыт. Многие подростки сталкиваются с мыслями о самоубийстве, страхом будущего, конфликтами с окружающими. Несмотря ни на что, дети в больнице остаются детьми и подростками, у них такие же проблемы, как

и у их ровесников. Их отличие в том, что они не смогли со своими проблемами справиться.

И волонтеры — это, как правило, те, кто с этим уже встретился и пережил всё, переборол. Именно в этот момент происходит встреча волонтера с самим собой, а ребенок-подопечный понимает, что он такой не один, и через эти проблемы возможно пройти. И для лежащих там детей ты становишься такой «мамой», «старшей сестрой». Кем-то близким, теплым, тем, кто тебя не бранит.

Поэтому у лежащих в больнице детей формируется привязанность к волонтерам. И очень важно, чтобы эта привязанность была спокойной и устойчивой. Люди, которые к ним приходят, должны быть узнаваемыми и предсказуемыми. Дети нас всегда ждали, вспоминали и даже требовали, чтобы мы приехали. Это все несмотря на то, что срок пребывания детей в таких учреждениях — только месяц (хотя зачастую они возвращаются).

Мы не должны быть для детей какими-то проходящими мимо людьми, которые «что-то делают». Я для лежащих там детей была, думаю, своего рода «мамой», так как подходила по возрасту. Но мне кажется, что волонтер должен быть для них чем-то более нейтральным. Не мамой, а скорее другом.

— **Расскажи о своем опыте координаторства.**

— В целом, мой год координаторства стал для меня большой «растяжкой» в профессиональном плане. Я размышляла и понимала, насколько я могу быть полезной, сталкивалась с тем, что у меня нет ответов на многие вопросы. Я искала поддержки у команды. Я научилась тревожиться и бояться, но все равно идти и делать. Именно благодаря тому, что весь процесс был завязан на мне, я смогла себя преодолеть.

Также у нас сформировалась крепкая и устойчивая команда, благодаря чему я даже смогла позволить себе

отпуск. Группа стала вполне себе самостоятельным, живым организмом, который уже не надо «собирать по частям».

— **Приходилось ли отказывать волонтерам в посещении?**

— За год руководства волонтерской группой у меня было несколько случаев, когда нужно было отказать человеку, с конкретно его мотивацией и историей. Помню, была женщина с биполярным расстройством на стадии ремиссии. Такие люди могут волонтерить, но им это лучше делать в учреждениях, не связанных с психическими заболеваниями, поскольку происходит чрезмерно сильное сопоставление себя с подопечными.

Вторым человеком, которому надо было отказать, стала сотрудница этой же больницы. Очень хорошая сотрудница. Проблема проявилась в том, что она вызывала у детей ассоциации с «внутренней кухней» больницы. Дети видели в ней персонал, чего-то от нее ждали, надеялись, что она что-то сделает. Наша же волонтерская работа — она параллельна больничному процессу, и мы не являемся частью больницы. Мы направлены на нормализацию состояния лежащих там детей. А присутствие сотрудницы как бы подливало масло в огонь. Она не была частью команды, вела себя иначе по отношению к детям, нежели мы. Именно после этих случаев я научилась выставить границы и говорить некоторым волонтерам «нет».

— **А как у вас складывались отношения с персоналом?**

— А в отношении персонала я постаралась свести общение к минимуму. Я социофоб, а потому выбрала тактику, благодаря которой мне почти не приходилось общаться с администрацией. В Добровольческом движении «Даниловцы» есть сотрудники, готовые работать с персоналом, и потому, несмотря на администрацию, карантин и прочее, мы как волонтерская группа продолжаем «течь».

— **Что еще важного произошло для тебя за время координаторства?**

— Еще у меня появился опыт создания и формирования команды. Постепенно стало понятно, что волонтеров уже не надо организовывать и куда-то тащить, они сами уже что-то могут, хотят и понимают. Даже само осознание себя как координатора, выполняющего непростую работу, сильно повлияло на меня и дало колоссальный и уникальный опыт.

Волонтеры счастливее всех

Анна Шереметева — волонтер группы 3-го отделения.

30 апреля в замечательно солнечный день наша группа поздравляла девочек из больницы с прошедшими Пасхальными праздниками. В этот раз поздравление для меня было особенно теплым, душевным и вдохновляющим. Возможно, дело было в весне, в наших танцах и песнях, а может, и в том, что девочки в больнице уже стали родными, а дарить подарки близким — удовольствие!

Среди наших подарков были знаменитые «кин-дер-сюрпризы». Я и сама эти яйца обожаю, несмотря на то, что попробовала самый разный шоколад из разных уголков мира. Вот и девчонки очень обрадовались этим незатейливым сладким сюрпризам. Спасибо большое спонсорам за возможность побаловать наших девочек!

Именно в этот день мне на глаза попалось исследование на тему счастья. Только представьте себе, в мире есть люди, которые со всей серьезностью занимаются исследованием счастья, даже учебники на эту тему пишут. И все это для того, чтобы понять, что же именно делает нас счастливыми?

Автор попавшегося мне на глаза исследования, профессор психологии из Университета Ванкувера, рассказала, что еще в начале своей карьеры результаты ее работы подтвердили прямую связь между счастьем

и благотворительностью: доказано, что люди, участвующие в какой-либо благотворительной деятельности, гораздо счастливее остальных. Профессор решила поставить эксперимент на себе и начала регулярно перечислять деньги благотворительной организации. И... ничего не почувствовала... Следующий шаг был самым трудным: она задалась вопросом, почему практика не подтверждает теорию. Может дело в ней самой, в ее личности? Или теория неверна? Ответ на этот вопрос она искала не один год. И нашла! Оказывается, для чувства счастья принципиален не сам факт бескорыстной помощи, а то, как именно эта помощь оказывается: опосредованно или непосредственно. Иными словами, получает ли человек эмоциональный ответ, радость, признательность от людей, которым помогает, или от результатов своего труда.

Как пример — одно лишь перечисление денег на благое дело (оно для каждого свое) с меньшей вероятностью сделает человека счастливее, и сумма здесь не имеет значения, 10 рублей или 10 миллионов рублей. Результаты исследований доказывают, что именно это действие с счастьем человека практически не коррелирует. А вот помощь непосредственная, та, которая требует контакта, нахождения в некоем особом месте или ситуации, почти что гарантирует счастье тому, кто ее оказывает! И это очень логично: это затраченные усилия, которые оборачиваются замечательным результатом: улыбками, радостью, благодарностью. Бегущие навстречу волонтерам дети, улыбка одинокого пожилого человека на Рождественском ужине, пение птиц в заповеднике, который не отдали под строительство мясокомбината, ласкающийся олененок, родителей которого выходили волонтеры национального парка. Даже сообщение от автора петиции, что благодаря собранным подписям и активности людей, на некогда загрязненное озеро вернулись журавли! Все это они, составляющие того глубокого счастья.

В больнице мы в очередной раз убедились, что теория профессора Элизабет Данн верна. И я искренне, от всей души, желаю каждому человеку этого потрясающего счастья. Что важно — оно бесплатное.

Круговорот помощи

Дарья Фомина — волонтер группы 3-го отделения.

«Я не знаю, как это воспринимать и с кем я могу это обсудить». Подобными вопросами часто задаются волонтеры в наших «больничных» группах.

Поделюсь личным опытом. Когда я только начала ходить к девочкам в НПЦ психического здоровья детей и подростков, я очень боялась столкнуться с тем, что не смогу правильно понять, переварить и в дальнейшем дать верную оценку каким-то действиям детей. Я переживала, что на какой-то вопрос или поведенческую реакцию девочек просто не смогу правильно ответить. Вот, например, подходит к тебе девочка и говорит: «А как ты относишься к однополым бракам?», или «Моя мама сильно пьет и бьет меня, как ты считаешь, это когда-то закончится?», или «Мама! Ты пришла!». Честно говоря, в таких ситуациях я пасовала. Чаще всего пыталась сменить тему или заболтать ребенка. Просто отвлечь. А на душе в это время «кошки скребли».

После таких моментов долго думала над той или иной ситуацией, не находя ответов. Как воспринимать? Как поступить? Как реагировать? С кем обсудить?

А потом оказалось, что не одна я такая. Многие волонтеры сталкиваются с подобными вопросами. И не только в нашей группе. Как я это узнала? Да очень просто! В один прекрасный вечер нас — больничных волонтеров — собрали на встречу, организованную специально для того,

чтобы мы поделились своими сомнениями и переживаниями. Помимо нас там присутствовали ребята из Морозовской больницы, ФНКЦ, госпиталя им. Н.Н.Бурденко и т. д. Нас было действительно много. И собрали нас всех чудесные специалисты движения «Даниловцы».

Оказалось, что такие встречи проходят раз в три месяца. Каждому предлагается задать самый волнующий вопрос и попробовать вместе разобраться. Помимо того, что это невероятно спланирует, так еще и многое становится на свои места. За чашечкой чая и беседой незаметно пролетают два часа. И ты, абсолютно спокойный и получивший все ответы, идешь домой и думаешь, как же в этом мире взаимопомощи все продумано. Мы помогаем своим присутствием детям, попавшим в больницу. Наши кураторы помогают нам решать вопросы, которые нас волнуют.

Теперь каждый раз, когда я сталкиваюсь с какой-то новой ситуацией, которая для меня неоднозначна, я не мучаю себя бесконечными сомнениями: как реагировать, как воспринимать. Я четко знаю, что будет очередная встреча, где я смогу собраться с моими единомышленниками и получить все необходимые ответы, а также помочь разобраться кому-то из моих коллег.

Не стоит бояться столкнуться с чем-то странным, непонятным. Все мы достаточно сильные люди, если решили стать волонтерами больничных групп. А если вы с чем-то столкнулись, то приходите на такие чудесные встречи, где можно получить ответы на все вопросы. Вместе мы — сила!

Хочешь корону?

Марина Клейн — волонтер группы 3-го отделения.

Больничный коридор. У двери в игровую комнату сидит девочка и, уткнувшись в поджатые коленки, плачет навзрыд.

— Что такое? — спрашиваем мы. — В чем дело?

Оказывается, ушла мама. Не должна была уходить так рано, но почему-то ушла. Горе девчушки безмерно, как будто ее бросили навсегда. Утешения других девочек, воспитателей и нас, волонтеров, совсем не помогают. Да и чем тут поможешь?

Мы раскладываем на столах наши запасы: блестящую бумагу, клей, ножницы.

— Что мы будем сегодня делать? — наперебой спрашивают девчонки. — Что?

— Короны! — отвечаем мы.

Девочки с восторженными криками хватаются за бумагу. Конечно, принцессами и королевами хотят быть все! Тут же начинается работа — надо обвести и вырезать основу, приготовить украшения, склеить все вместе, привязать веревочки. Задача кажется до смешного простой, но многим нужна помощь волонтеров: у кого-то плохо слушаются пальчики, кто-то — юный перфекционист и хочет, чтобы все было идеально ровно, а кому-то тяжело совладать с жидким клеем, который так и норовит вылиться из тюбика и размазаться по всему столу. Мастер-класс в разгаре, самые быстрые уже надели яркие короны, украшенные цветами и звездами.

И вдруг к столу робко подходит та самая девочка из коридора. Теперь в ее глазах не только слезы, но и нешуточный интерес.

— Хочешь корону? — спрашиваем мы.

Малышка уверенно кивает, берется за ножницы и с нетерпением ждет наших указаний. Стоило начать — слез как не бывало! Какая бы беда ни приключилась, с короной, да еще сделанной своими руками, все веселее. Разговоры тоже делают свое дело: за оживленной беседой и вырезанием сердечек у печалей не остается ни одного шанса.

К концу нашего визита игровая комната превращается в настоящий замок принцесс. Девочки бегают везде, где

позволяют больничные правила. Им не терпится показать свои короны подружкам, воспитателям, медсестрам!

А нам тем временем пора уходить. Мы убираем остатки бумаги, поминутно отвлекаясь на крепкие объятия и вопросы:

— Когда вы придете снова? А что мы будем делать в следующий раз?

Мы обещаем скоро вернуться и непременно подготовить что-нибудь замечательное. Лишь после этого нас отпускают — с видимой неохотой. В больничных стенах дни тянутся долго, и до следующего визита пройдет целая вечность...

Что волонтер получает взамен?

Екатерина Ситникова — волонтер группы 3-го отделения.

На первом собеседовании в «Даниловцах» представитель движения спрашивала: «Для чего вы хотите стать волонтерами, что хотите получить от волонтерства?»

Благородные души отвечали, что, мол, ничего не надо, это же волонтерство, помогать хочу бескорыстно. Но оказывается, даже бескорыстная помощь должна иметь эмоциональную компенсацию.

Поэтому в мой первый волонтерский выход мне нужно было найти ответ на вопросы «зачем?» и «для чего?». И вот я с группой волонтеров Центра психического здоровья им. Сухаревой получаю пропуск на проходной. Испытываю немного гнетущее волнение на входе: я не сотрудник, не родитель, не больной. Поведение в этих ролях понятно. Но как вести себя волонтеру? Гостинцы передать и погладить по голове? Нет. Поставить диагноз и дать лекарство? Тоже не имею право. Рассказать врачу, что беспокоит — нет необходимости. Тогда что?

Координатор группы успокаивает: твоя цель принести капельку нормальной жизни в стены больницы: поговорить, но без показной жалости и не давая пересечь личные границы. Иногда поделиться опытом, которого пациенту больше нигде взять (Александра, спасибо!).

И все-таки, что взамен? — спросите вы. И имеет ли право волонтер рассчитывать на взаимность? Имеет! Но что он может получить?

Не буду говорить о своих ожиданиях. Скажу, что приобрела поистине великолепный опыт общения на равных с подростками, временно размещенными в больнице. Какие-то жизненные обстоятельства привели их в это место. Поначалу я немного побаивалась возможного проявления их болезней. Что я буду делать в таком случае?

В отделении, куда мы пришли с опытными волонтерами, размещались пациенты без видимых на первый взгляд симптомов.

Мы играли в обычную игру разговорного жанра: нужно было угадать, где обман в фактах о себе, которые загадал каждый участник.

Ребята себя проявили находчиво и, как заправские следователи, загадали нам «крышесломную» загадку на знание математики, физики и еще каких-то процессов. Нам, взрослым тетечкам, оставалось только растерянно переглядываться.

Ближе к концу встречи случайно выяснилось, что одна девочка-волонтер играет на укулеле, и тут девочка-пациент сбегала в палату и принесла этот чудесный инструмент. И знаете, чем закончилось наше посещение? Правильно, хоровым пением под аккомпанемент.

Ребята были открыты для общения и явно сами получали от него удовольствие. Так кто же кому помог тем вечером? Для меня вопрос остался открытым...

Твой свитер пахнет мамой...

*Александра Желтова — координатор группы
3-го отделения.*

Для меня самое главное во время посещения — это диалоги, которые постоянно возникают между волонтерами и девочками. Как же много они порой успевают рассказать за то недолгое время, что мы рядом: и как тяжело общаться с мамой, и как трудно донести до взрослых правду, и как жить порой не хочется...

В эти моменты желание только одно — обнять и прижать покрепче этих малышей, пусть даже малышам некоторым уже 16 лет. И обнимаемся. И еще обнимаемся. И становится легче... И не только девочкам, но и нам, волонтерам. Какая-то недостающая деталь вдруг находитесь... Мне, например, именно в этот момент становится четко понятно, что все это не зря.

Недавно на посещении под села я к девочке Соне, кареглазой десятилетней красотке. Говорили о многом, но большинство разговоров, конечно, сводилось к маме. Вдруг в какой-то момент девочка замерла, принюхалась и сказала: «Мамой пахнет! У нее такие же духи». В оставшееся время она украдкой раз двадцать поцеловала меня в свитер...

Вспоминаю это, и слезы наворачиваются. Девочки, как же хочется, чтобы завтра у вас было лучше, чем сегодня!

Кто мне завтра улыбнется?

Вероника Кибирева (Шебалова), волонтер 3-го отделения

Вот и прошел еще один вечер у девочек. Пока мы выходим из отделения и идем до проходной, мы обсуждаем впечатления

от сегодняшнего вечера и, конечно, строим планы, что же еще интересного придумать для девочек.

Каждое занятие получается очень разным, но я всегда, уходя, чувствую усталость, ведь девочек было много, все хотели внимания, с кем-то пришлось выстроить границы, у кого-то сегодня было сложное настроение, а кто-то просто задавал кучу вопросов.

Но, попрощавшись со всеми и садясь в машину, первое, что приходит на ум, это Улыбка. Улыбка девочки, которая меня сегодня особенно тронула. Это Улыбка всегда разная, но одна. Иногда это девочка, с которой мы провели больше всего времени, например, Лиза, с которой мы читали книгу. Как-то была девочка, которая обычно не говорит, но через некоторое время нам удавалось с ней начать общаться. А иногда это девочка, которая говорит с улыбкой «спасибо», когда мы уходим. Но это «спасибо» оказывается для меня почему-то очень особенным, и тогда я вспоминаю именно ее Улыбку.

В этот раз, садясь в машину, я вспомнила улыбку Насти. Она весь вечер улыбалась, мастерила из пластилина, успела сходить на репетицию, а вернувшись, приступила опять к творчеству. Затем Настя с подружкой спели нам очень трогательную песенку про маму, которую они исполнят на концерте. А в конце девочка очень старательно помогла нам все убрать. Она была так открыта, так ко всем внимательна (и к нам, и к девочкам в группе), как солнышко освещало все вокруг. Именно ее Улыбка со мной всю неделю до следующего занятия.

Я всегда жду следующую встречу, думаю и немного волнуюсь, как все пройдет, много ли новеньких, получится ли задуманное, понравится ли это девочкам. И каждый раз жду ту особенную улыбку, которая мне запомнится именно сегодня.

СОЦИАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО — ЭТО УЖЕ НАШ ПРОФИЛЬ, НАШ КОНЁК

*Павел Альшевский — исполнительный директор
Добровольческого движения «Даниловцы».*

Подготовила Анна Рымаренко — журналист, пресс-секретарь ДД «Даниловцы».

— Могут ли на церковных приходах организовываться волонтерские группы? Насколько это реально?

— Я думаю, вполне реально. Особенно если эти потенциальные добровольцы обучатся у нас в Школе социального волонтерства. А если серьезно, то многое зависит от настоятеля. Настоятель прихода — это всегда вождь, человек, который должен направлять свою паству,

находить инициативных людей, которые будут ему помогать. Это 90 процентов успеха. Многие батюшки в Москве занимаются такого рода деятельностью в разных формах. И каждая из них по-своему полезна. Что касается социального волонтерства, оно требует определенной подготовки. Если, допустим, разово попросить кого-то с прихода навестить заболевшую прихожанку — это одно. Сделать это может любой. А вот работа в больницах и учреждениях — это другое. Здесь нужно учиться.

— Как думаешь, реально ли, чтобы еще и в провинции развивалась волонтерская деятельность? Не только в центрах?

— Я верю, что так должно быть! И легче всего это делать на базе церковного прихода. Кто как не мы, как не люди церковные, объединенные Христом? Мы же должны делать эти дела, как ни крути. Многочисленный или маленький приход, городской или деревенский — везде можно нести такую добродетель. Нужно к этому стремиться и учиться у тех, кто уже умеет.

— Обучение волонтерству — это вещь исключительно преемственная? Возможно ли самоорганизоваться, собрать психологов и научиться каким-то образом самим?

— Многие вещи приходят с опытом. Если какая-то работа начинается, пусть она маленькая, — это уже хорошо. Какой-то человек живет рядом с больницей, он подходит к батюшке и говорит: «А можно я пойду помогу, с детьми на гитаре поиграю?» Батюшка говорит: «Да, иди. А Ваня пойдет с тобой и возьмет шахматы». Два человека пришли в больницу, слепили поделку из пластилина, поиграли с детьми, помогли ребятам подготовить открытку для мамы на её день рождения. Собственно, это уже в малой форме то, чем мы, «даниловцы», занимаемся. А потом они, допустим, вешают объявление на двери храма о том, что есть группа (а два человека — это уже

группа!), которая ходит к детям в больницу. Уверен, что к ним скоро примкнут единомышленники.

Кто самый инициативный — тот и координатор. Среди собравшихся людей есть тот, который всех обзвонит, предупредит, встретит и введет в курс дела. Это и есть координатор. Он сталкивается с какими-то проблемами в этой больнице. Допустим, администрация хочет получить справку о том, кто такие волонтеры и зачем они к ним приходят. Координатор приходит к батюшке и спрашивает, что делать. Тогда сам храм может официально сделать некую структуру, которая будет заниматься волонтерством. Ее можно назвать по-разному. Появляется какой-то организационный процесс. Или, допустим, координатор просит у настоятеля выделить деньги на пластилин. Батюшка соглашается выделить, а если нет средств, то он после службы с амвона говорит: «Вот, у нас есть группа, посещающая больницу. Требуются творческие материалы. Принесите что-то. Список висит на стене храма». Вот люди и стали приходскими благотворителями, а не просто поставили свечку.

— Как думаешь, почему на постсоветском пространстве все это так мало развито?

— В 90-ые годы люди пошли в храмы. Батюшки не справлялись с потоком. Они даже с людьми пообщаться не успевали. К ним шли утром, днем и вечером. И даже ночью. Некоторым нужно было поисповедоваться прямо здесь и сейчас. Но ситуация изменилась: появились новые храмы, а главное: при них батюшкам выделяются помощники. Это катехизаторы, отвечающие на вопросы, связанные с православным вероучением, и социальные работники. В Москве это точно работает. Надеюсь, и в других епархиях тоже. С настоятеля снимается определенный объем нагрузки, а человек, отвечающий за социальные вопросы, и должен узнавать, кто из прихожан

нуждается в чем-либо, а также объединять активных и особенно молодых для работы в близлежащих социальных учреждениях.

Во многих храмах есть также юристы и психологи. Часто они оказывают бесплатную помощь. Это очень здорово.

— Как в наше время найти деньги на благотворительную организацию?

— Этот вопрос сложен. Он всегда будет стоять перед нами. Источники, конечно, бывают разные. Большие фонды существуют за счет многочисленных небольших пожертвований разных людей. При этом у них всегда есть так называемые якорные спонсоры, которые покрывают определенный объем административных расходов для того, чтобы этот фонд смог сам существовать. Благотворительная деятельность в головах спонсоров связана, как правило, с адресной помощью. Люди хотят помочь конкретному ребенку или конкретной больнице. Но многие не понимают, что для оказания такого рода помощи должно поработать очень много людей, которым нужно платить зарплату, налоги с этой зарплаты, обеспечивать для них офис и достойные условия труда. Мы часто сталкиваемся с этой проблемой, когда говорим: «Нам нужны деньги на работу нашего движения». Потенциальные спонсоры говорят: «У вас же волонтерское движение. Люди работают на вас бесплатно. Зачем вам деньги? Давайте мы дадим вам пластилин, краски и другие творческие материалы». Тогда мы начинаем долго рассказывать о технической, так скажем, стороне вопроса.

— Зачем волонтерской организации деньги?

— Чтобы волонтеры пришли к нам, нужно, как минимум, чтобы они узнали о нашем движении (нужны сайт, реклама, листовки). Добровольца нужно где-то встретить, чтобы кто-то с ним поговорил, оценил его адекватность,

обучил его, рассказал, что его ждет в учреждении. А если у него возникнут трудности по ходу работы, то в организации должен быть человек, который поможет ему. Все перечисленные люди — это не волонтеры. Они как специалисты тоже хотят получать свою зарплату, потому что это их основная работа. Большие затраты идут на содержание офиса, аренду, зарплату специалистов и налоги. Это наши постоянные трудности.

Жаль, что в нашей ситуации не многие понимают: что-бы что-то работало, нужны механизмы, и их нужно смазывать. Многие думают иначе: «Нет, вот дайте нам ребеночка, и только ему мы переведем деньги». Я знаю, что у больших фондов даже с этим есть проблемы. В большинстве случаев люди, не понимая сути, стремятся помочь именно адресно.

— Почему так?

— Я не знаю опыта других стран. Возможно, так происходит из-за того, что в 90-е годы фонды плохо себя зарекомендовали. И теперь люди не доверяют. Можно сказать, что слово «фонд» у нас в России себя слегка дискредитировало. В умах многих людей оно обозначает некую организацию, через которую крупные фирмы отмывают деньги. В начале реформ налоговое законодательство не было оформлено на должном уровне. Многие этим пользовались, избегая налога на прибыль. Крупные фирмы сбрасывали деньги в свои же фонды, освобождались от налогооблагаемой базы, а деньги делили между учредителями. По инерции люди боятся давать деньги непонятно на что и стараются написать в назначении перевода, что это «Маше на лечение». Уж тогда их никуда больше не смогут потратить, побоятся нарушить финансовую дисциплину.

Человеку всегда хочется ощутить результат. Если он что-то отрывает от себя, то он, естественно, хочет увидеть

плоды его жертвы. Что ребенок получил лекарства, лечение и, возможно, даже исцелился. Ему хочется проследить судьбу и, может быть, для него это будет стимулом к дальнейшей благотворительности. Западный человек более и финансово, и юридически подкован, и, конечно же, само мышление немного другое. У них нет недоверия.

А нам приходится долго объяснять, для чего нам нужны деньги и доказывать: финансируя труд сотрудников нашего движения, вы помогаете именно детям в больнице. Некоторые слышат нас, но, как правило, такие люди приходят через своих по рекомендации типа: «Я знаю это движение, они нормальные. Помогать им можно».

Пиарим себя в соцсетях, раскручиваем сайт. С нашими коллегами создаем другие ресурсы, где можно найти информацию о нас и пожертвовать какие-то деньги. Была попытка поставить ящики для пожертвований. Ощутимого результата это не дает. В таком случае нужна обширная реклама. Я много раз видел ящики фонда «Подари жизнь». Люди охотно им жертвуют, потому что мероприятия этого фонда очень известны, их по центральному телевидению показывают, реклама на щитах по городу. Все это на слуху. И, конечно же, их авторитет оправдан их большими и очень важными делами. «Даниловцы» — небольшая организация и такого охвата не имеет.

— **А хотелось бы?**

— Это было бы очень круто, но я понимаю, какие трудности начали бы возникать. Если бы кто-то откликнулся и сказал: «Я буду вашим генеральным спонсором. Если хотите какого-то развития, я готов вас всячески поддерживать». Тогда нашей целью стали бы все детские больницы, социальные приюты, реабилитационные центры в Москве, области и регионах. Ведь наше движение имеет статус межрегионального.

— **А какие-то новые направления стали бы развивать?**

— Много запросов от одиноких пожилых людей. Может, и в этом русле мы могли бы поработать. У нас уже есть благотворительные ужины для малоимущих. Туда приходит много пожилых граждан. Оказывать им адресную помощь — это очень сложно. Для этого нужно большое количество волонтеров, прикрепленных к каждому старику. И их нужно специально обучать. Больничное волонтерство — это уже наш профиль, конек. Если мы будем расширяться, то качественно, в больничном служении с детьми.

Но чтобы все работало, нужны специалисты — люди на ставках, которые полностью посвящают себя этой деятельности. И поэтому есть руководитель, который выстраивает генеральную линию организации, решает, куда двигаться, где надо сейчас ослабить, а где — подтянуться. Есть исполнительный директор, связанный с финансами, юридическими вопросами, отчетами перед налоговыми органами и организациями, от которых мы получаем гранты и субсидии.

Обязательно должен быть сотрудник, ведущий прием волонтеров. Нужны психологи, потому что у людей возникают проблемы, конфликты, вопросы. Нужны люди, способные обучить волонтеров минимальным навыкам работы с детьми и умению с ними общаться. Нужны специалисты, которые продвигают наше движение для поиска средств и новых волонтеров.

Мы хотим, чтобы наша деятельность была качественной и долгосрочной. Поэтому мы стараемся всячески поддерживать наших добровольцев. Специалисты работают на то, чтобы человека оберегать, помогать ему расти и сотрудничать с нами как можно дольше не потому, что мы хотим выжать из него все соки, а, наоборот, чтобы человеку не навредить, чтобы волонтер не ушел покалеченным внутренне.

Бывает, что доброволец чего-то испугался. Он пропал, а никто не проследил его путь — с чем, с каким грузом он ушел? Часто люди начинают непонятно почему винить себя: мол, они не могут что-то сделать, изменить, что-то дать ребенку. Есть много эмоциональных людей, которых мучает совесть, в то время как они совершенно не виноваты. Только такие специалисты, как у нас, с образованием, с большим опытом, смогут объяснить и правильно выстроить отношения.

Иногда человек начинает везде активно ходить, брать на себя больше, чем он может. Его тоже нужно вовремя остановить: «Послушай, ты через месяц умрешь как волонтер, выгоришь!». За всем этим нужно следить. Если таких специалистов нет, получается своеобразный мельничный жернов, который прокручивает все. Так с людьми нельзя. Для нашего движения волонтер — большая ценность.

— **С какими проблемами извне сталкивается движение?**

— Что касается внешних отношений, часто бывают проблемы с администрацией учреждения. Это связано и с криминогенной обстановкой, и с тем, что волонтерам ставят определенные требования относительно доступа в учреждение. Руководство начинает переживать, кто к ним приходит, вынуждены просить предоставить список фамилий, хотя мы, например, уже много лет к ним ходили. Например, люди ехали за сто километров, а их не пускают, потому что сверху пришло распоряжение.

Много проблем связано с гигиеной: медицинскими справками, анализами. Мы, конечно, подчиняемся всему режиму больницы, но часто бывает так, что эти препоны немножко сбивают ритм уже устроенной волонтерской жизни.

Новые законы не должны создавать лишние неудобства. Государство должно заботиться о своих гражданах,

и на это должны быть направлены все принимаемые законы. Но они часто создают помехи. Если что-то меняется, приходится перестраиваться. Не так давно, например, вступили в силу изменения в законодательство, и мы должны перерегистрировать устав. Но для нашего движения сейчас это большая проблема. Нам предстоит потратить время, силы и деньги, чтобы сделать все правильно, по закону.

Так как наше движение живет «по-белому», то есть по налоговому законодательству, то, естественно, нам приходится платить налоги фонду оплаты труда. Это достаточно большие средства.

Почему волонтерам лучше ходить группой

Андрей Мещеринов — координатор по сопровождению волонтеров

Когда наше волонтерство только началось, я и мои друзья договорились, что посещать больницу будем группой. Просто сама идея понравилась — ходить группой. И вот через несколько лет мы поняли, что такая форма — самая надежная. И еще через несколько лет мы осмелились начать убеждать в этом окружающих.

Вот, предположим, я стою напротив большой аудитории людей. Конечно, волнуюсь. И вот я могу начать что-то о себе рассказывать, чтобы завоевать ее расположение и доверие. Кто-то в этом нуждается, кто-то нет, кому-то станет скучно, еще один начнет злиться: «А мы здесь не хуже!». Мы начнем, может быть, конкурировать друг с другом. А может, наоборот, завяжется яркий, активный разговор. Но потом, когда мы с вами выйдем из аудитории, то зададимся вопросом: «А о чем мы говорили все это время? Что здесь происходило?» И поймем, что,

похоже, ничего не происходило. Просто каждый загорелся, мы все пошумели и разошлись.

Есть еще один вариант: предварительно узнать, кто именно пришел меня послушать, и постараться из всех присутствующих создать одного человека. Такой собирательный образ. И тогда я уже начну выстраивать какие-то общие фразы в надежде каждого как-то зацепить. Чтобы каждый из вас почувствовал, что эти слова обращены и к нему тоже. Это уже будет лучше. Но мы — не пообщаемся.

Если же речь идет о том, чтобы мне обратиться к каждому по имени и спросить: «Откуда вы и как вы сегодня себя чувствуете? О чем вам интересно поговорить?» — это невозможно. Людей-то передо мной много... А я один.

Поэтому мы с вами должны отойти от этого ощущения «сцены и зала» и прийти к формату «круглого стола», к общей доверительной беседе. Один пришедший всегда будет вести себя директивно. И здорово, если это аниматор, или ведущий классного мастер-класса, или человек, которого попросили занять детей на улице во время благотворительной ярмарки. Но если просто пришел один человек, то, скорее всего, он, чтобы облегчить свою задачу, начнет искать себе союзников. И, соответственно, найдутся люди, которые ему мешают. И тогда получится, что мы с вами, придя в некое заведение, начали воспроизводить модель мира, который отверг этих людей, поместив их в эти заведения. А этого надо бы постараться избежать.

Есть ли плюсы в том, чтобы ходить не группой, а по одному? Очевидно, есть. Можно ходить чаще. Можно встать на позицию: «Ну хоть кто-то пусть туда ходит, все равно, в какой день». Вы точно будете знать, что ваши силы и ресурсы не уйдут в песок: что вы не будете

вкладываться в волонтерскую группу, а исключительно в подопечных.

Это все здорово. Но регулярно, стабильно и долговременно, к сожалению, это работать не будет.

Есть еще один важный момент. У нас был замечательный тренинг, мы разделили людей на две части. И одни люди прошли в комнату готовить мероприятие, которое они должны были провести второй половине участников. А вторую группу в это время мы заняли очень интересным вопросом, и люди сидели в кругу и общались. И в какой-то момент внезапно и нагрянула первая половина, чтобы провести свое мероприятие. И они такие: «Здравствуйте! Мы волонтеры, мы к вам пришли!». А я как раз был в том кругу, в котором обсуждали интересную тему. И я сам так возмутился. Вот мы сидим в кружочке, у нас пошел разговор, и вдруг — припёрлись. И вроде как мы должны все бросить... Что это вообще такое происходит? Полнейшее неуважение, на самом деле, проявляют эти ворвавшиеся в мое пространство люди.

И совсем другое дело, если есть четкий день, четкое время. Если люди будут знать, что к ним придут волонтеры и что-то будет происходить, чтобы они могли подготовиться. Это будет выглядеть совсем по-другому. И волонтерам это будет тоже удобно, потому что им не надо будет преодолевать ощущение какого-то негатива, огорчения, может быть, негодования со стороны подопечных. Его просто не будет. Наоборот, вас будут ждать возле лифта или, зайдя на территорию, вы будете видеть, что ребята стоят у окна и уже вам машут рукой.

Еще группа несет в себе очень мощное сообщение для подопечного. Энергия этого сообщения вообще перебивает ход мыслей нашего подопечного! Мы несем с собой смысл, несем свои ценности. Мы ищем, каким образом, через что сегодня это воплотится в нашем общении.

В каком-то смысле группа взрывает атмосферу заведения, в которое мы приходим. Потому что в этот момент начинаются другие правила, другие традиции, и, главное, подопечные видят, как люди в группе общаются друг с другом.

Это тоже очень важно. Они видят, как по-разному можно реагировать, когда что-то не получилось. Как люди друг друга поддерживают, каким образом выражают свое недовольство. Это для них тоже школа. Потому что каждый человек, с которым что-то не то происходит, и он оказался в больнице или приюте, считает, что он «какой-то не такой». И ищет: «Покажите мне «таких»! Покажите мне «нормальных»! Чтобы у меня была точка отсчета: какие они?» И когда перед ним целая группа, он понимает — нет этой точки. Многие такие же!

А есть ли минусы в том, чтобы ходить группой? О да, их много. Первый минус — мы постоянно вкладываемся в наших волонтеров. Мы тратим на них кучу времени, при том, что они могут завтра решить, что больше ходить не будут. Мы постоянно находимся в состоянии текучки. И мы следим за группой, как она меняется, как меняются наши подопечные, мы перестраиваем нашу миссию, и человек в группе становится таким подопечным для координатора.

Потому что координатор группы уже не занимается подопечными в учреждении. Для него подопечный — это волонтер, которого надо встретить, ввести в группу, помочь ему стать волонтером, помочь ему вырасти на этом месте и помочь без чувства вины оставить свое волонтерство. Потому что волонтерство — это период жизни. И очень многие люди не могут уйти из него, особенно если это было связано с каким-то духовным опытом. «Ну что же — вот я теперь стану плохим христианином?» И с человеком надо очень сильно поработать, чтобы он

действительно созидательно для себя и своей души оставил волонтерство, когда этот путь будет пройден.

Если, вообще, посмотреть на организацию бескорыстного служения, то очень интересный пример есть в Евангелии. Вот Христос посылает апостолов на проповедь. Очень интересно, что посылает он их по двое. Это чрезвычайно важно — они идут группой. И он им говорит, о чем позаботиться, куда пойти, что сказать, они снабжены инструкцией. У них есть уверенность, что Тот, Кто их послал, кто их организовал, отвечает за это. И если они будут поступать так, как им сказано, то всё будет в порядке. Потом очень интересно, что они по двое возвращаются к нему. А когда мы возвращались с наших волонтерских посещений много лет назад, то сначала, конечно, все звонили Юре Белановскому. Групп было мало, и все было нормально. Сейчас у нас более 20 групп, и, конечно, Юра сошел бы с ума. Поэтому теперь у нас есть супервизоры, старшие на отряде: у каждого есть по несколько координаторов, которые, возвращаясь с посещения, звонят и рассказывают, как у них там что было.

И это очень важно, потому что как раз многие говорят: «Вернулись с посещения, помолитесь и принесите это Богу, этого достаточно». Этого недостаточно. Потому что это как раз тот момент, когда можно замерзшим, усталым вернуться с рыбалки, а уже горит костер на берегу, уже готов ужин, и тебя ждет живой человек, который о тебе позаботился и который хочет с тобой пообщаться о том: «А как вы вообще сейчас ловили рыбу?»

Возвращаясь к апостолам: Господь говорит: «Пойдите отдохните». Это очень важно и волонтеру, и координатору — отдохнуть. Дальше происходит очень интересная вещь: их настигает народ, подопечные. И Господь берёт народ на себя и отпускает своих волонтеров-апостолов

отдыхать. После этого он также отпускает народ и идет сам побыть в уединении. Вот это удивительная модель, когда каждый заботится и о себе, и о других. И вот если один человек решился в одиночку быть таким в поле войном, то это, конечно, совершенно точно не получится.

Если говорить еще о том, что привносит группа и что она может делать, это тоже очень интересно, потому что они в учреждениях совершенно разные. Группа может быть такой разноцветной палитрой, когда каждый человек ценен именно тем, что совершенно не похож на другого. Есть волонтеры активные, есть те, которые хотят действовать потихонечку. И каждый подопечный найдет своего. Предположим, ребенку только что сделали укол, и он заплакал. Один волонтер говорит: «Ой солнышко, больно тебе, иди пожалею». Другой, наоборот: «Ну ты что, не мужик? Хорош плакать!» И ребенок уже, в принципе знает, что Маша говорит так, а Саша говорит так. Он думает: «Не, к Саше не пойду, хочу, чтобы пожалели, пойду к Маше». В группе даже могут быть люди разных мнений, разной реакции на те или иные вещи. И это вот богатство, эта симфония позволит совершиться очень хорошему процессу.

А если мы делаем мастер-классы, мы уже команда единомышленников в каком-то смысле. Люди сейчас часто общаются только в сетях, где есть обратная связь. А есть такие, которые не ждут какой-то реакции там и не выкладывают на своей странице, например, свой мастер-класс в сеть. Но тогда он не получит одобрения: «Молодцы! Здорово сделано! Смотрите, как у девочки загорелись глаза». И тогда, скорее всего, этот человек проведет два-три мастер-класса, и на этом у него все закончится. Поэтому даже если волонтеры ходят делать мастер-классы по одному, так важно, чтобы они потом где-то собирались и обсуждали, как все произошло.

Координаторы — это штучные люди, адаманты!

Лидия Алексеевская — директор Школы социального волонтерства

Откуда вообще появилась идея, что должны быть волонтерские группы и у них должен быть координатор? Эта идея связана с нашей миссией.

Представьте, что вы лежите в больничной палате. И волонтеры — это некая открытая форточка, через которую в вашу палату проникает свежий воздух. Для нас социальное волонтерство — это возможность человеку с улицы прийти к тому, кто пребывает взаперти, лечится, воспитывается в каком-то учреждении, будь то больница, детский дом, дом-интернат, неврологический интернат для взрослых и принести с собой часть большого мира.

Но открывая это окошечко, очень важно, чтоб это было не разово. Нам надо, чтобы в учреждениях было настоящее расписание «проветривания». Например, в НИИ нейрохирургии им. Бурденко волонтеры приходят каждый понедельник и среду с 17 до 20. А в ПНИ №30 — по воскресеньям с 13 до 15 часов.

Такое расписание дает надежду и уверенность самим подопечным. Если вы помните, Лис приручался Маленьким Принцем именно таким образом: «Приходи каждый день в одно и то же время, я буду тебя ждать. Я буду знать, к чему готовить свое сердце». Если я буду уверен, что ты завтра тоже придёшь, я смогу тебе открыться.

Но посмотрим на ситуацию с другой стороны — с точки зрения отдельного волонтера. Мы всегда сами говорим, что «достаточно небольшого желания и свободно-го часа в неделю». Но что такое час времени в неделю

для московского человека? Представьте себя. У вас, в общем, сегодня есть этот час. Вы его видите. А завтра вам назначили дополнительное задание на работе или надо что-то отработать на учебе, или приехал какой-то друг, и этот час времени пропал.

Если вы очень хотите, вы этот час времени выбьете. Тогда вопрос упирается в желание — оно ведь то сильное, а то как-то слабее. При этом вас ждут в каком-то месте, куда вы не обязаны приезжать. Вы делаете это только потому, что сами хотите. И волонтер каждый раз проходит некоторую внутреннюю борьбу. Хорошо, когда он горит желанием, у него прекрасные воспоминания о прошлом посещении, у него свободен этот вечер. А часто волонтеру надо что-то перенести, от чего-то отказаться, вспомнить, ради чего он вообще туда пошел волонтерить.

Есть те, которые выходят побежденными в этой борьбе. Причем, это замечательно — накануне человек говорит: «Я приду в больницу обязательно», а за два часа до встречи он пишет: «Ой, я не могу». И это не один человек. Это один-два-три-четыре одновременно так делают.

Но если волонтер все обстоятельства победил и доехал до учреждения, дальше важно, чтобы он больше ни о чем не заботился. Он не должен думать о том, как он пройдет через проходную. А что будет, если нянечка скажет: «Я сейчас мою пол и вообще уходите отсюда». А что, если какая-нибудь мама будет в истерике биться, и он не знает, что делать. И что я тут вообще делаю, и где взять для этого материалы... Если человек будет еще об этом волноваться и за это нести ответственность, то процент тех, кто дойдет, будет ну совсем маленький!

Но это будут, как называет их Юра Белановский, адаманты! Это штучные такие люди, которые идут волонтерить при любой погоде и всегда знают, что делать.

И вот для того, чтобы «форточка» таки всегда «открывалась», мы поняли, что нужны как раз те самые алмазаны, но — на одну позицию. Называется она — координатор группы.

Координатор — это волшебный человек, который делает все. Он отвечает за связь с учреждением. Он тот, к кому должны обращаться охранники, если им что-то не нравится, и нянечки, если ей сегодня хочется помыть пол, а тут волонтеры пришли. Это тот, кто представлен заведующему отделением в больнице или воспитателю группы в детском доме. Тот, кто представляет лицо этих волонтеров перед учреждением.

С другой стороны, координатор — это тот, кто связан с волонтерской организацией. Тот, кто получает от нее ресурсы в виде тех же волонтеров, материалов и наоборот, кто ей открыто представляет все, что происходит в его группе.

С третьей стороны, по отношению к волонтерам координатор — это волшебник. Это некоторое мифическое существо, которое в глазах волонтера может все. Координатор и поддержит волонтера, который немножечко приуныл. И поможет справиться с угрызениями совести, не будет наваливать дополнительной нагрузки. И расскажет, что мы делаем, и как-то вмешается, если ситуация будет кризисной. И спросит: «А как ты себя сегодня чувствуешь?»

А самое главное, что делает координатор в глазах волонтеров, он несет ответственность. Волонтеры сами могут позвать детей разложить материалы, но они чувствуют, что когда координатора нет, ответственность лежит на них. И от этого им неуютно.

Поэтому координатор — это, может быть, самая трудная работа в мире. Потому что координаторство сплошь состоит из противоречий. Например, с одной стороны,

он не профессионал: не менеджер, не коуч, не ведущий групп. Он не ведущий огромного количества разнообразных мастер-классов. И как только он становится на какую-то профессиональную позицию, как только у него появляется какая-то задача по отношению к волонтерам и подопечным, волонтеры это сразу чувствуют. Они могут разово на некоторое время с ним эту задачу решать. Но волонтеры же приходят каждый на свой смысл, на свое желание. И «профессиональная» позиция координатора будет действовать против пространства свободы и личного желания волонтера.

Поэтому координатор не должен чувствовать себя профессионалом. Но! При этом он должен обладать разнообразными навыками. Он должен понимать, как провести обсуждение, чтобы отлично сделать мероприятие с волонтерами. Какими словами лучше поддержать волонтеров. Какое мероприятие вообще в этом учреждении пройдет и зачем оно нужно. И как — самое главное — увидеть смысл происходящего. Потому что смысл в волонтерской деятельности все время уходит в песок.

Если посмотреть на наши группы в разных учреждениях, то можно сказать: «Ну а что вы делаете?». Мы играем, лепим и рисуем с детьми. И мы делаем одно и то же. Но оно имеет совершенно разный смысл в разных учреждениях. Вот волонтер сидит и лепит рядом с ребенком накануне операции на головном мозге. Или с тем, который лежит в психиатрической больнице и чувствует себя изгоем, «психом». Или с ребенком, который живет в детском доме-интернате, где мало кто называет его по имени. Все это разные смыслы. И вот это должен всегда видеть, чувствовать и возобновлять понимание этих смыслов в себе и волонтерах координатор. И в этой связи он должен обладать профессиональными навыками! Ведь

это, скорее, такая позиция семейная. Вот родитель — он же однозначно не профессионал. Профессиональный родитель, ужас какой... При этом он должен быть психологом, массовиком-затейником, хорошим организатором и так далее. Кучи компетенций! И никаких профессиональных задач.

При этом координатор несет ответственность. Конкретно перед учреждением, перед волонтерской организацией, перед подопечным. Для того, чтобы процесс состоялся, и не было никаких катастроф, он должен на этот процесс влиять. Но возможности влиять на него нет.

Сама будучи координатором волонтерской группы, я на себе хорошо прочувствовала, что это такое: когда вы отвечаете за процесс, на который вы напрямую повлиять не можете. Это такое замечательное чувство, я вам скажу, просто восторг... Вы не можете сделать так, чтобы определенное количество людей обязательно присутствовали. Вы задумали мероприятие, а прошла половина из тех, на кого вы рассчитывали. Волонтер не имеет перед вами никаких обязательств, он не получает зарплату. И вы могли бы с ним договориться о каких-то пусть редких, но регулярных посещениях. Но это тоже работает меньше, чем в половине случаев, потому что примешивается, как мы ее называем, некая «третья инстанция», совесть — то, ради чего он идет в это учреждение. Координатор готов учесть все обстоятельства волонтера, говорит, что тот может прийти, когда сможет. «Нет, — отвечает волонтер, — я обязательно приду на следующей неделе!». Ну и, как вы понимаете, не приходит, потому что у него опять срочно что-то возникло. То есть у него есть «третье», какая-то его внутренняя фигура, перед которой он не может сказать: «Я не приду». Он подводит координатора, ему самому от этого очень тяжело, но он не может четко дать какие-то обязательства.

Дальше, координаторы — это те, кто чего-то хотят по отношению к подопечным. «Я хочу, чтобы детям в больнице жилось по-другому». «Я хочу, чтобы дети с особенностями в детском доме-интернате имели живое человеческое общение». «Хочу, чтобы в психоневрологический интернат для взрослых приходили люди». Но при этом координатор с подопечными практически не общается.

Это тоже замечательно. И тех волонтеров, которые у нас становятся координаторами, мы даже предупреждаем: «Все прекрасно, но только имей в виду, вот как ты сейчас очень хорошо общался с детьми, ты этого делать не будешь. Только урывками» — «Да ладно, — говорит он, — у меня все получится. Я запущу волонтеров, а сам сяду к ребенку». И через два месяца собственного координаторства человек говорит: «Слушайте, а вы правы, я просто не успеваю общаться с подопечными». Фокус внимания координатора — на волонтерах. А при этом желание у него — по отношению к подопечным. Опять противоречие!

Кроме того координатору надо отвечать перед добровольческой организацией: писать отчеты, делать так, чтобы его волонтеры писали статьи, потому что если много статей — то и сайт живой, жизнь группы всем видна, и приходят новые волонтеры. На все это нужны силы, время и какие-то удивительные качества. Как, например, сделать так, чтобы человек, который просто хотел раз в неделю прийти в детский дом, вдруг еще захотел написать статью об этом и выделил на это час своего времени?

А что же получает координатор в ответ на то, что он занял вот такую самую трудную в мире позицию? Он чувствует, что то, о чем он мечтал, происходит. Он это делает не сам, но, как по волшебству, все работает.

И каждая группа — это слепок со своего координатора. Каждая группа имеет свою направленность и свою

интонацию. И в этом смысле любой координатор сразу как человек, как индивидуальность очень сильно в этом мире раскрывается. Он задает свой тон, он является камертоном, и он слышит, как мелодия, тональность, в которой он сам живёт, вдруг начинает оживать для тех, кому она нужна, как тот самый свежий воздух из форточки. И координатор, соответственно, становится такой «мамой» и ловит на себе восхищенные взгляды всех волонтеров, которые говорят: «О, я таким, как ты не буду никогда!» Даже если этот волонтер через год сам станет координатором в другой группе.

А основное дело координатора — это придать смысл. Вот конкретная ситуация: ребята ходят в детский дом-интернат для детей с умственной отсталостью. Там большая часть детей — семейные. Приходит волонтер и говорит: «Я чувствую себя ненужным. Мы приходим, а детей ровно в это время, в пятницу вечером, забирают родители. Забирают всех семейных, и с нами остается человека четыре мальчиков, ну и с ними мы там чего-то делаем. Но зачем я там? Может быть, мне пойти в другую группу?».

А теперь — стоп, посмотрите на ситуацию глазами вот этих мальчиков. Вы неделю прожили все вместе, и тут в пятницу вечером за всеми остальными приходят родители. Вспомните, как вам было, когда из детского сада всех забирают, а вы остаетесь? И ровно в этот момент, когда вы остаетесь такие явно брошенные и ничейные, приходят люди именно к вам. Приходят, чтобы побыть лично с вами. Потому что они понимают — вам сейчас трудно. Вы же помогаете детям пережить вот этот вот самый тяжелый момент, когда всех разбирают по семьям! И если координатор умеет это видеть и донести до волонтера — его нужность и смысл происходящего, — то его группа будет регулярно «открывать форточку» и впускать в палаты свежий воздух с улицы.

Как работает Школа координаторов

Лидия Алексеевская — директор Школы социального волонтерства

Недавно, в мае 2019 года, нашему движению «Даниловцы» исполнилось 11 лет. Когда-то все началось с двух больничных групп. А сейчас групп уже 24: в детских и взрослых интернатах для инвалидов, в приютах и даже СИЗО. Только с начала этого года мы открыли пять новых! И все потому, что у нас раньше Школы координаторов не было. А теперь мы начали проводить обучение в Школе и можем готовить по 10–15 координаторов одновременно!

За 2018–2019 учебный год мы провели 2 учебных курса. На весенний записалось больше 30 человек, из них 13 достойно окончили обучение, прошли стажировку и получили сертификаты. Ко второму курсу мы учли некоторые особенности людей, желающих в будущем стать координаторами. И главное изменение, которое мы сделали, — мы включили в программу обучения стажировку в волонтерских группах. Потому что очень многие люди записываются на координаторов, не имея вообще волонтерского опыта. Иногда даже говорят: «Я вот долго присматривался, мне было страшно идти волонтерить, а тут я увидел Школу координаторов и решил пойти». То есть волонтером я быть боюсь, а вот, пожалуй, начну с координатора! Но как им работать потом?

Во втором наборе Школы было больше людей с волонтерским опытом. Были ребята из наших групп, которые дозрели до координаторства, пришли люди, которые уже руководят собственными проектами. Например — несколько участников из фонда «Я есть» вместе со своим руководителем. И тем не менее мы всем устроили стажировку в середине курса, и это получился хороший ход.

Учащиеся смогли посмотреть несколько разных групп, увидеть, что такое ДДИ, что такое больница, и дальше уже идти с большим пониманием.

Программу Школы мы составили сами, с нуля, это полностью наша разработка, потому что у нас большой опыт ведения координаторов, и мы понимаем основные опорные точки. Ведь самое главное — перестройка сознания. Координатор — это форма мировоззрения. Он должен видеть в первую очередь волонтеров, а не подопечных. Координатор работает с человеком, который ему ничем не обязан, ничего не должен и от которого нельзя ничего потребовать. При этом координатор отвечает за то, что сделал этот волонтер.

В самом начале будущие координаторы пробуют решать некоторые задачи. Рисовать схему волонтерской организации, в которой они предполагают работать. Обсуждают, что они как координаторы ждут от организации и что организация от них ждет. Формулируют свой призыв к волонтерам, решают некоторые кейсы, сложные ситуации. На этом этапе мы понимаем: кто готов с нами работать и с кем готовы работать мы.

Дальше мы даем возможность ознакомиться с тем, какие вообще есть учреждения, какие есть там подопечные. И главное, даем слушателям курса возможность понять — чего они сами хотят. Нужен ли им процесс или результат? С чем они готовы столкнуться, а с чем — нет? Что они хотят изменить в этом мире? Из этих ответов и рождается то место, где они могли бы себя максимально применить.

После этого мы разбираем некоторые вещи по управлению волонтерской группой, по налаживанию взаимодействия, обсуждаем границу волонтерской ответственности, рассказываем правовую ситуацию с учреждениями, с договорами и регламентами.

В деталях разбираем первое действие человека, который стал координатором волонтерской группы. Проговариваем — что за первые несколько месяцев надо сделать по пунктам. Что спросить в учреждении вплоть до того, где ваш шкафчик будет стоять. Выбрать интернет-площадку для общения с группой, все понять про необходимые медицинские справки и так далее. И на последнем занятии мы разбираем возможные кризисные, конфликтные ситуации.

Получился такой слаженный курс, и у нас уже начали открываться новые группы, которые возглавили выпускники нашей Школы. И не только у нас. Например, слушательница курса Ирина из Марфо-Мариинской обители еще два года назад задумала волонтерский проект, но ничего не двигалось с мертвой точки. И вот она пишет: «Неделю назад все зашевелилось! Все пошло, все совещания начались, и вот проект уже и готов, и даже страничка на сайте». Два года она не знала, как подступить!

Общий вывод такой, что модель — рабочая. И если у человека есть представление, где конкретно и что он хочет делать, то набор рабочих инструментов он от нас получит.

«ДАНИЛОВЦЫ» — ЭТО ЛЮДИ

Сегодня наше движение — это 40 сотрудников и около двух тысяч волонтеров!

Наши волонтеры, сотрудники и координаторы — это наше сокровище, люди, благодаря которым мир на самом деле становится лучше, добрее, милосерднее.

Мы дорожим каждым человеком в движении. Вклад каждого в наше общее дело неповторим и бесконечно ценен!

Мы мечтаем назвать здесь имя каждого нашего волонтера с 2008 г. — но это, к сожалению, невозможно. Поэтому мы называем здесь только имена членов управляющей команды.

ВОТ УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМАНДА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ДАНИЛОВЦЫ»:

Юрий Белановский — руководитель, соучредитель Школы Социального Волонтерства;

Павел Альшевский — исполнительный директор, создатель и первый координатор волонтерской группы в НМИЦ им. Дмитрия Рогачева;

Александр Боженков — председатель правления;

Лидия Алексеевская — директор Школы Социального Волонтерства, супервизор, создатель и первый координатор волонтерской группы в РДКБ в отделениях нефрологии и гинекологии; координатор по сопровождению волонтеров;

Андрей Мещеринов — координатор по сопровождению волонтеров, супервизор, создатель и первый координатор волонтерской группы в детских отделениях НИИ Нейрохирургии им. Бурденко;

Елена Куликова — психолог; супервизор, экс-волонтер группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой; создатель и координатор волонтерской группы в Мультикультурном детском центре «Сава»;

Алена Характерова — куратор волонтерской деятельности, создатель и координатор волонтерской группы в отделении микрохирургии РДКБ; экс-координатор волонтерской группы в РДКБ в отделениях нефрологии и гинекологии;

Александра Сошникова — ведущая страниц «Даниловцев» в социальных сетях, супервизор, волонтер группы переписки с заключенными, экс-координатор волонтерской группы в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ;

Михаил Котляревский — координатор дистанционных учебных курсов Школы Социального Волонтерства; ведущий тренингов; экс-координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь, составитель данной книги;

Александра Желтова — главный редактор сайтов Добровольческого движения «Даниловцы» и Школы Социального Волонтерства, координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой;

Анастасия Альшевская — координатор по грантам, помощник исполнительного директора;

Оксана Ладугина — помощник исполнительного директора;

Петр Кузнецов — специалист по интернет-продвижению сайтов;

Борис Блинков — видеооператор и монтажер;

Юлия Боженова — координатор фотографов;

Екатерина Салангина — психолог, экс-координатор по развитию Школы Социального Волонтерства;

Марина Модестова — ведущая тренингов, экс-координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой;

Виктория Дороничева — ведущая собеседований, экс-координатор волонтерской группы в ЦССВ «Сколковский»;

Константин Ренжин — создатель и координатор направления помощи заключенным: создатель и координатор волонтерских групп в Можайских колониях и московском СИЗО №6, координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Екатерина Гусева — ведущая тренингов в Можайских колониях и московском СИЗО №6, волонтер группы переписки с заключенными;

Дмитрий Иванин — координатор волонтерской группы помощи бездомным, экс-координатор по сопровождению волонтеров; создатель и координатор группы благотворительных ужинов;

Любовь Моисеева — координатор волонтерской группы в НИИ Нейрохирургии им. Бурденко;

Эльмира Шульга — координатор волонтерской группы в ПНИ №30;

Ядвига Долгих — координатор волонтерской группы в ЦССВ «Юнона»;

Марианна Бушуева — координатор волонтерской группы в ЦССВ «Сколковский»;

Георгий Романцов — координатор волонтерской группы в приюте «Незнайка»;

Мария Плетнева — координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой (14 отделение);

Юлия Курбатова — координатор волонтерской группы в ЦССБ «Кунцевский»;

Мария Шевченко — координатор волонтерской группы в Детской инфекционной больнице №6 (отделение педиатрии);

Анастасия Кармаева — ведущая «Культурного Вестника»;

Анастасия Богайчук — координатор волонтерской группы в ЦССБ «Юнона»;

Анна Козырева — координатор волонтерской группы в Морозовской детской больнице (отделение челюстно-лицевой хирургии);

Заяна Шаршикова — координатор волонтерской группы в Морозовской детской больнице (отделение офтальмологии);

Ирина Лабазова — координатор волонтерской группы в РДКБ;

Валерия Таранова — координатор волонтерской группы в НМИЦ им. Димы Рогачева;

Александр Валентьев — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Анастасия Делкова — координатор волонтерской группы в ЦССБ «Сколковский»;

Всеволод Голенков — координатор волонтерской группы в ЦССБ «Доверие»;

Андрей Мурсеев — координатор волонтерской группы в социальном приюте «Зюзино».

МЫ БЛАГОДАРИМ ВСЕХ, КТО В СВОЕ ВРЕМЯ ВНЕС НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В НАШЕ ДВИЖЕНИЕ:

Светлана Блинова — психолог, ведущая направления психологической поддержки, создатель и первый координатор групп в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой и в ЦССВ «Сколковский», координатор волонтерской группы «Дорога к дому», координатор волонтерских групп в Школах-интернатах №24 и №108;

Елена Чичерина — психолог, автор «Психологических гостиных»;

Наталья Суполкина — психолог, автор «Психологических гостиных»;

Калиса Патлусова — помощник руководителя Движения, создатель и первый координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Анастасия Ярмош — создатель и координатор группы благотворительных мероприятий и акций, создатель и первый координатор волонтерской группы в приюте «Дорога к дому»;

Анна Гарибян — заместитель руководителя, создатель и первый координатор волонтерской группы в ЦССВ «Кунцевский»;

Кирилл Кочкин — куратор волонтерских групп в Движении, координатор волонтерской группы в НИИ Нейрохирургии им. Бурденко, координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Евгения Середко — помощник исполнительного директора;

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку», волонтер группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой, журналист;

Анастасия Коломина — ведущая мастер-классов для волонтеров, координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Лана Парастаева — главный редактор сайтов Добровольческого движения «Даниловцы» и Школы социального волонтерства;

Анна Рымаренко — журналист, пресс-секретарь;

Владимир Горбунов — фотограф;

Сергей Веретенников — фотограф;

Марина Рис — создатель и координатор волонтерской группы в Психоневрологическом интернате № 30, директор БФ «Просто люди»;

Сергей Блинов — координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»;

Александра Соломатина — координатор волонтерской группы в НМИЦ им. Дмитрия Рогачева;

Надежда Черкашина — координатор волонтерской группы в социальном приюте «Зюзино»;

Николай Титов — координатор волонтерской группы в социальном приюте «Зюзино»;

Юлия Бочарова — координатор волонтерской группы в отделениях гинекологии и нефрологии РДКБ;

Юлия Бутывченко — координатор волонтерской группы в отделениях гинекологии и нефрологии РДКБ;

Екатерина Цыганкова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Ирина Молчанова — создатель и координатор волонтерской группы в ЦССВ «Доверие»;

Татьяна Сабрекова — создатель и координатор волонтерской группы в Морозовской детской больнице (отделение офтальмологии);

Екатерина Клинова — координатор волонтерской группы в отделениях гинекологии и нефрологии РДКБ;

Анна Яблокова — координатор волонтерской группы в НМИЦ им. Дмитрия Рогачева;

Алексей Бородин — координатор волонтерской группы в НИИ Нейрохирургии им. Бурденко;

Сергей Майоров — создатель и координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Мария Крюковская — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Мария Шамканова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре; координатор группы благотворительных ужинов;

Сергей Рассказов — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Елизавета Орехова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Валерия Антонова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Максим Рыков — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Светлана Блинова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Александр Моисеенко — создатель и координатор волонтерской группы при Первой Градской больнице;

Тарас и Юлия Лагутинские — создатели и координаторы волонтерских групп при Пансионатах семейного воспитания «Кунцево» и «Одинцово»;

Александра Толчина — координатор волонтерской группы «Дорога к Дому», координатор волонтерских групп в социальном приюте в г. Ступино и приюте «Незнайка»;

Татьяна Кучинко — координатор волонтерской группы в Школе-интернате №24;

Юрий Ильин — координатор волонтерской группы в Школе-интернате №24;

Марина Чижкова — координатор волонтерской группы в социальном приюте «Зюзино»;

Лариса Прокопьева — координатор волонтерской группы в социальном приюте в г. Ступино;

Елизавета Чистякова — координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой;

Ирина Нуриманова — координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой;

Мария Туманова — координатор волонтерской группы в Центре психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой;

Антон Володин — координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Татьяна Зайцева — создатель и координатор волонтерской группы помощи бездомным;

Никита Характеров — ведущий группы чтения Библии для волонтеров;

Данияр Шамканов — координатор волонтерской группы помощи бездомным, волонтер группы переписки с заключенными;

Константин Козырев — создатель и координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»;

Андрей Дроздов — координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»;

Василий Филиппов — организатор и ведущий «Культурного Вестника»;

Оксана Якунина — координатор волонтерской группы в социальном приюте в г. Ступино.

Книга издана в рамках проекта «Практическая школа координаторов социального волонтерства: создаем надежные волонтерские группы» на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов в 2018 году.

ДЛЯ ЗАМЕТОК